

FORGOTTEN REALMS

Королевство Волшебники

Сумеречная война
Филистаганса

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Включая рассказы авторов бестселлеров по версии

Р.Э. Сальваторе и Пол Кемп

АНТОЛОГИЯ

The New York Times

Истории с поля боя! Тысячелетняя история Фаэруна полна войн - локальных и затронувших весь мир. Эта антология освещает дюжину из этих конфликтов. От лесных эльфов-убийц до обитающих в джунглях полуросликов, от могучих Семи Сестер до примитивных гоблинов, воины всего Фаэруна сражаются за место под солнцем.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Континуум - Пол С. Кемп - **Verhanna**
2. Беги, Проньра - Лиза Смедман - **Максим Баранцев**
3. Последний паладин Ильматера - Сьюзен Джей Моррис - **Максим Баранцев**
4. Чёрная стрела - Брюс Р. Корделл - **Максим Баранцев**
5. Слишком много принцев - Эд Гринвуд - **Максим Баранцев**
6. Осада Крепости Зиирит - Джесс Лебоу - **Максим Баранцев**
7. Награда за милосердие - Марк Зеэштедт - **Максим Баранцев**
8. Искупление - Элейн Каннингем - **Максим Баранцев**
9. Изменчивые волны - Мел Одом - **Максим Баранцев**
10. Держись в тени - Джелей Джонсон - **Максим Баранцев**
11. Кости и камни - Р.А. Сальваторе - **mar4uk**
12. Второй шанс - Ричард Ли Байерс - **Максим Баранцев**

Редактура: **Алинка Назарова**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

«КОРОЛЕВСТВА ВОЙНЫ»

под редакцией Филипа Этанса

КОНТИНУУМ

Пол С. Кемп

Год Семи Зубов (-365 ЛД)

Ривален стоял возле своей матери на краю лесного луга, поросшего фиолетовыми цветами, глубоко в лесной глуши, которая когда-то была домом эльфов Арнотои. Ветер нес ароматы цветов и деревьев, ароматы поздней весны. Под его порывами листья словно перешептывались. Сумерки заливали луг золотистым светом.

Глядя на его лицо, невозможно было понять истинных намерений Ривалена. Его выдавали только руки. В левой ладони он бережно держал гладкий черный диск - священный символ его тайного поклонения Шар. В правой же руке, скрытой под плащом, он сжимал обернутую проволокой рукоять отравленного кинжала.

Перед ними расстилалось поле цветов *авенорани* – фиолетовые лепестки вокруг черной сердцевины. Меркнувший свет преобразил его в колышущееся фиолетовое море. Ветерок заставлял цветы трепетать, словно те были единым существом. Они колыхались словно волны, выбрасывая в воздух сверкающую пыльцу. Серебристая пыль звенела маленькими колокольчиками, опадая дождем на землю.

– Это невероятно, Ривален, – воскликнула его мать, хватая сына за руку. – Твой отец будет в восторге, когда я приведу его сюда.

– Да, согласился Ривален, хотя и знал, что отцу никогда не увидать этот луг.

Его отец, Телемонт Тантул, сильнейший арканист в Анклаве Теней в последние годы стал интересоваться ботаникой. Ривален тайно заманил мать на этот луг обещанием, что такой подарок будет символизировать неизбежное господство Телемонта на самом высшем уровне. Его господством над Анклавом Теней.

Мать шла перед ним среди пыльцы, чуть касаясь кончиками пальцев фиолетовых соцветий. Он дрожали от прикосновений, посылая в воздух еще больше пыльцы. Луг имел потусторонний вид, земля серебряного дождя, перезвона колокольчиков и убийств.

Ривален уставился в спину матери между ее лопатками. Его ладонь, сжимающая кинжал, напряглась. Он ужаснулся, представив, как сделает выпад, и клинок войдет в бледную кожу женщины, но момент колебаний быстро прошел.

Мать повернулась к нему и улыбнулась. Сын же не мог понять этой улыбки.

Он принял меры предосторожности, чтобы быть уверенным, что о его преступлении никто не узнает. Ривален телепортировал их к лугу из Анклава Теней, используя теневое плетение, открытое ему Шар. После убийства он вернет труп матери в Анклав. Яд, покрывающий лезвие кинжала, кропотливо созданный им самим

в домашней лаборатории, не оставит следа в ее теле и сделает возвращение к жизни невозможным. А после зарубцевания раны от кинжала будет казаться, что мать умерла во сне. Только Ривален и Шар знали бы правду. Это была бы Собственная Тайна Ривалена, и он готов нести ее тяжесть.

Его богиня, послав видение, приказала убить мать. Он не знал, чего добивается Шар, и не осмеливался спросить. Богиня Потерь хранила собственные тайны и явно не собиралась раскрывать их Ривалену.

Он облизнул губы и постарался унять бешено колотящееся сердце. Волоски на его руках встали дыбом. Ривален старался убедить себя, что это от волшебства, разлитого в воздухе.

Его мать начала закружилась в танце. Все еще изящная и сильная, несмотря на годы, она осталась такой, даже выносив двенадцать детей.

Женщина глубоко вдыхала напоенный волшебством воздух и смеялась. Серебряная пыльца оседала на ее бархатном плаще, темных волосах и бледной коже.

– Пыльца щекочет мне нос.

Он улыбнулся, еще одна неискренняя маска в день лжи.

Женщина махнула ему рукой, приглашая присоединиться.

– Ну же, Ривален. Ты так и будешь стоять в тени? Давай, выходи на свет!

Он не шелохнулся. Он предпочитал темноту.

– Я могла бы лежать здесь и спать под звездами, словно эльфийка, – промолвила она, и ее задумчивое лицо напомнило Ривалену ту мать, которую он знал в юности.

– Твой отец будет удивлен, – женщина отвела взгляд и слабо улыбнулась, словно воображая то удовольствие, что принесет этот луг Телемонту. – Эльфы утверждают, что если вдохнуть достаточно пыльцы *авенорани*, то все желания сбудутся. Твой отец смеется над такими историями, но, стоя здесь я, начинаю в них верить.

Его отец был прав в своем неверии. Искусство эльфов наделила цветы невероятной красотой, но не властью исполнять желания. Они цвели круглый год, меняя окрас соцветий в зависимости от сезона, но не более.

– Это легенда, – промолвил он.

Радость на лице матери померкла, она взглянула на сына с беспокойством.

– Ты слишком серьезен для столь молодого человека. Неужели я воспитала столь угрюмого сына?

– Мои исследования требуют от меня серьезности, Мать.

– Действительно, требуют, – согласилась она. – Отец многого от тебя ждет. Но не столь много, чтобы забывать о радостях жизни.

Он снова неискренне улыбнулся. Шар учила, что радость мимолетна, а любовь обманчива и ложна.

– Не беспокойся за меня, мама.

Женщина отвернулась, и Ривален приготовился убить.

Он прошептал слова заклятия, отменившего все волшебство в радиусе пяти шагов. Чары, защищающие его мать, не сработают в области его заклинания.

Его мать, казалось, ничего не заметила, но перезвон пыльцы стих, стоило ему завершить колдовство, будто бы цветы стали серьезны.

– Я никогда не видела столько сразу, – сказала женщина, оглядывая луг. – Как думаешь, Эльфы знают об этом луге?

– Арнотой перебрались жить западнее, – напряженно ответил он. – О луге давно забыли. Мы здесь одни.

Возможно, она услышала, что-то необычное в тоне сына или, наконец, заметила, что цветы затихли. Женщина обернулась и удивленно на него посмотрела.

– С тобой все в порядке? – спросила она. – Ты выглядишь бледным.

На мгновение Ривален потерял дар речи. Он уставился на мать, в то время как грохот его сердца отдавался в ушах, во рту пересохло.

Беспокойство отразилось на ее лице – возле глаз появились морщинки, а брови напряженно нахмурились.

– Ривален? – она шагнула ближе.

Рука, сжимающая спрятанный под плащом кинжал, напряглась. Ривален судорожно сглотнул.

– Ривален?

Она приблизилась к нему, протянув руку. Его дыхание участилось. Он подготовил себя.

Она остановила в двух шага от сына, и ее выражение изменилось, став более жестким.

Она поняла.

– Ривален, – она сказала, и на этот раз тон не был вопросительным.

Он выхватил кинжал и сделал выпад в ее сторону, лезвие сверкнуло перед лицом.

Реакция женщины удивила его. Она увернулась и пнула его в колено, ломая его. Он вскрикнул от боли и, падая, замахнулся кинжалом. Ривален почувствовал, как клинок вошел в тело, слышал проклятия матери. Он упал среди цветов, задыхаясь от пыльцы. Перевернувшись, Ривален огляделся, держа кинжал перед собой.

Его мать стояла над ним, уже держа в правой руке короткий клинок. Лево́й рукой она зажимала неглубокую рану на бедре. Ее взгляд был столь же холоден, как и у Богини Тьмы, когда Шар являлась в видениях Ривалену. Губы женщины дрожали.

– Я убила пятьдесят мужчин прежде, чем ты появился на свет. Думаешь, что сможешь победить меня с этим? – она кивком указала на кинжал. – Ты под заклятием? Обезумел? Что ты творишь?

Ривален взглянул на кинжал в его ладони. Он был покрыт черной пленкой яда и разводами крови его матери.

– Убиваю тебя, – ответил он, поднимаясь.

Она зарычала и шагнула ближе, заноса лезвия, но внезапно остановилась. Ее глаза расширились, и она замерла.

– Яд, – пробормотала она. – Но...

– Ни одно из твоих защитных заклинаний не работает.

Она зашаталась, пытаясь шагнуть ближе.

– Как и заклятия оповещения. И заклятия непредвиденного обстоятельства, наложенные отцом.

Женщина старалась устоять, но яд уже нарушил ее координацию. Она упала на цветы, подняв облако серебристой пыльцы.

Ривален встал возле нее, демонстрирую свой священный символ. Она окинула его непонимающим взглядом.

– Но почему, Ривален?

– Потому, что любовь – ложь. Истинна только ненависть.

Ее глаза расширились от удивления.

– Я же твоя мать.

– Только моего тела. Не моей души.

Слезы блеснули в глазах женщины.

– Ваше горе слаще меда, Мать.

Он опустился на колени, чтобы наблюдать за ее смертью. Цветы-колокольчики затагнули похоронную песнь.

Женщина быстро сглатывала. Ее дыхание сделалось частым и неглубоким. Пальцы судорожно скребли землю, пытаясь дотянуться до сына.

– Возьми меня за руку... Ривален, – попросила она задыхаясь.

Он не шелохнулся, просто смотрел в ее бледное лицо.

– Все мы умираем в одиночестве, Мать.

Она закрыла глаза, и слезы потекли по ее щеке.

– Твой отец обо всем узнает.

– Нет. Это будет наш секрет. И Шар.

Женщина ничего не ответила. Она глядела на него мгновенье, а затем закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Когда Ривален понял ее намеренья, он улыбнулся.

– И что же ты пожелала, Мать?

Она открыла глаза, и в ее пристальном взгляде светился гнев.

– Стать причиной твоего падения.

Он встал.

– Спокойной ночи, Мать. Я теперь служу другой госпоже.

Женщина открыла рот, чтобы что-то сказать, но голос ее подвел. Взгляд стал затуманиваться. Она смотрела в вечернее небо, и Ривален видел, как сознание исчезает из ее глаз.

Глядя ее тело, он ничего не чувствовал. Ривален погладил кончиками пальцев свой священный символ и решил, что все было правильно.

Ривален.

Он оглядел поле *авенорани*, с удивлением понимая, что многие цветы поникли и высохли. Как он мог прежде этого не заметить?

Ривален.

Его мать звала из другого мира.

Уктар, год Штормовых Молний (1374 ЛД)

Ривален.

Ментальный голос Бреннуса, звучащий из волшебного кольца, пробудил Ривалена ото сна. Он сидел на своей кровати все еще преследуемый звоном колокольчиков. Запахом цветов и мертвым взглядом матери.

Бреннус?

Пауза.

С тобой все хорошо? Ты кажешься странным.

Тени кружились вокруг Ривалена. Лунный свет сочился через закрытые ставни. Мужчина провел рукой по всклокоченным темным волосам, стараясь отогнать сон о матери.

Все нормально, – ответил он. – Что случилось?

У Эревиса Кейла есть женщина.

Ривален напрягся.

Женщина? Жена?

Нет, – ответил Бреннус. – Но Кейл о ней заботится. За ним проследить не могу, но Кейл может к ней вернуться.

Где она?

Она живет в доме к северо-западу от Ордулина.

Тени вокруг Ривалена закружились быстрее, он обдумывал варианты.

Следи за ней.

Только следить?

Да. Если Кейл появится, сообщи мне немедленно.

Как скажешь. Ривален, она беременна.

От него?

Да, но сама еще не знает об этом.

Ривален моргнул.

Откуда ты об этом знаешь?

Его брат говорил с самодовольством того, кто хорошо знаком со своим делом. Бреннус был шпионом от бога.

Обнаружение подобной информации - мой дар, – сказал он.

Ментальный разговор завершился.

Ривален попытался сосредоточиться на Эревисе Кейле, на событиях в Селгаунте, планах относительно всей Сембии, но мысли о матери занимали все его сознание.

Он затянул рану от кинжала на ее теле, волшебством скрыв его причастность к убийству, и возвратил тело в ее кровать в Анклаве Теней. Как и ожидалось, его отец сильно сдал после известия о смерти любимой.

Его отчаяние, однако, быстро переросло в гнев. Тело матери Ривалена было найдено без чеканного платинового ожерелья, которое Телемонт подарил ей в ночь перед ее смертью. Он сам одел его на шею жены.

Считая смерть супруги подозрительной из-за невозможности ее оживить, Телемонт заиклился на пропавшем ожерелье, разыскивая его в течение долгих лет. Он был уверен, что ожерелье украдено, а его жена убита. Телемонт заставил Бреннуса заняться наукой предсказания, чтоб тот помог обнаружить преступника.

Ривален жил в постоянном страхе гнева своего отца и таланта брата в течении долгих лет. Но даже предсказания Бреннуса оказались неспособны установить нахождение ожерелья его матери или доказать причастность Ривалена к убийству.

Шар хранила своего жреца.

Часто Ривален мысленно восстанавливал картину преступления, пытаясь найти ожерелье, но у него так ничего и не вышло. Он убедил себя, что слуга нашел тело и украл ожерелье прежде, чем сообщил о трагедии другим.

Смерть жены вонзила шип горечи в душу Телемонта. Потеря возлюбленной привела его, под пристальным контролем Ривалена, к вере в Леди Потерь. Ривален поражался хитрости Леди, хотя и недоумевал, почему его мать вернулась в его сны именно сейчас. Он не вспоминал о ней веками.

– Зачем ты тревожишь мой сон, Леди? – спросил Ривален Шар.

В конце концов, момент ее – и его – триумфа был совсем близок.

* * * * *

Отдаленный грохот пробудил Варру от ее грез о тенях. Она открыла глаза и перевернулась на кровати. Защищенная от мягкого света звезд темнота укрывала дом.

Воздух казался странным, царапал кожу и легкие. Пустое место на постели возле нее – место, где должен был спать Эревис – было похоже на дыру.

Моргнув и окончательно проснувшись, Варра заметила фигуру, притаившуюся в тени в дальнем углу комнаты. От удивления она потеряла дар речи. Сердце бешено заколотилось.

– Эревис?

Она вскочила с кровати, от резкого движения комната перед глазами женщины начала вращаться. Живот свело судорогой. Кинувшись к ночному горшку, её стошнило.

Когда она вновь смогла оглядеться, фигура исчезла и Варра поняла, что со сна и в темноте ей просто пригрезился фантом. Эревиса не было. Женщина была одна.

Накинув одеяло на плечи, она подошла к окну, закрытому ставнями. Предутренний свет, призрачный и бледный, сочился сквозь щели в них.

Прозвучал новый раскат грома, но Варра знала, что дождя не будет. За громом редко следовали осадки, и ее сад увядал под немилосердным небом.

Гром начался с глухого рокота, набрал силу, достиг своего пика и снова смолк. Женщина открыла ставни и окинула взглядом луг, вяз, огород, полевые цветы, грубые стулья, которые Эревис смастерил из погибших деревьев. Стулья, на которых они сидели, когда прощались.

Небо на западе было ясным, но наступающий рассвет делал его серым. Темнота явно не желала уходить: растения на лугу казались согнувшимися, страшась близящейся бури.

Раскаты грома продолжались, но она не обращала на них внимания.

Босиком Варра поспешила из дома к лугу. Она кружилась под небом, разглядывая надвигающийся шторм. Когда женщина взглянула на юг и увидела небо, она задохнулась.

Тучи, столь же черные, как чернила, напоздали на горизонт. Они циркулировали, сгущаясь, словно живые существа. Всполохи молний то и дело освещали их. Гряда облаков расширялась и росла прямо на ее глазах, поглощая все больше предрассветного неба. Женщина смотрела в изумлении, она не могла понять, что сейчас видит. Это было неестественно. Это была не буря. Это был кошмар, ставший реальностью. Тени поглощали человека, которого Варра любила. Скоро они поглотят и весь мир.

Тучи птиц заполнили небо, в панике улетаая на север. Движение на краю луга привлекло ее внимание – дюжины животных бежали из-за деревьев мимо нее. Олени, цокающие белки, еноты. Она застыла на месте, будто примерзнув, пока они уносились прочь.

Глядя в небо, женщина понимала панику животных. Ей тоже следует бежать. Все должны. Шторм приближался, и попасть в него означало погибнуть.

Страх подтолкнул ее к действиям. Варра заскочила в дом и схватила большой мешок. Она кинула в него репу, морковь, фасоль и картошку из ее огорода, орехи и дикие груши. У нее было совсем немного мяса – всего пара вяленых кусков. Женщина надела ботинки, набросила плащ, свернула одеяло в скатку и бросилась к дверям.

Вода. Она забыла воду. Она побежала назад в дом, пытаясь вспомнить, где может быть фляжка. Найдя ее, Варра наполнила флягу из ведра, что накануне вечером набрала в высыхающем ручье.

Женщина вышла на луг и бросилась бежать вслед за животными на северо-запад. Она плохо знала Сембию, но ей было известно, что где-то там есть дорога.

Только после восхода солнца она подумала об Эревисе, гадая, был ли он в безопасности.

* * * * *

Бреннус, стоя возле огромного гладкого металлического куба, экраном которому служили линзы ясновиденья, перемещал магический глаз к буре, которая так напугала женщину Кейла.

Когда темные облака, прорезаемые вспышками молний, приобрели четкость на экране куба, два гомункула взгромоздились на его плечи и присвистнули. Их маленькие коготки вонзились в плечи.

Бреннус немедленно понял, что это была за буря — разлом между планами. План Тени перемещался на Прайм. Но как это возможно и кто сделал это?

– Что это? – спросил один из его гомункулов высоким голосом.

– Тихо, – приказал Бреннус и вернулся к предсказанию.

Когда он закончил заклинание, он сосредоточил его на изображении шторма, возле самого края облаков, и задумался над тем, что он мог сказать ему. Он бросал еще одно заклятье предсказания, и еще одно, заставляя волшебство пробиться в глубины бури, разгадать ее тайны. Немертвые тени кишели в сердце шторма. Ордулин сгибался и искривлялся на равнинах Сембии, его здания, парки, и жители, превращались в строения и существ тьмы...

И буря прошептала два имени.

– Шар, – тихо повторил один из его гомункулов.

– Волумвакс, – сказал другой.

Бреннус попытался понять события. Его брат был Пророком Ночи Шары, и все же Бреннус знал, что Ривален не вызывал разлома. В этом не было смысла. Анклав Теней хотел захватить Сембию, не разрушая ее. Но создание разлома, скорее всего, не было несчастным случаем.

– Смотрите, – сказал один из его гомункулов, восхищенно указывая на каскад зеленых молний, прорвавшийся сквозь тучи.

– Умолкните и дайте мне подумать, – пробормотал Бреннус.

Разрушение Ордулина изменит динамику гражданской войны в Сембии, возможно, оно же изменит отношения его брата с его богиней.

Гомункулы хихикали над тем, как рой теней пролетел перед линзой прорицания, их глаза пылали как угли.

– Достаточно, – произнес Бреннус, больше себе, нежели своим созданиям.

Оба гомункула, начали дергать его за уши.

Несмотря на серьезность момента, Бреннус улыбнулся смелости его творений. Он выносил их дерзость с терпением и гордостью отца. В то время как его собственный отец вынудил его ступить на путь, связанный с богами, его мать лелеяла его умение работы с големами, гомункулами, конструктами и часовыми механизмами. Большинство из его лучших детских воспоминаний были о восхищении матери механическими игрушками, которые мастерил Бреннус. Он все еще иногда скучал по ней. Мать радовалась бы тому, как далеко он продвинулся в своем ремесле.

Бреннус задавался вопросом, почему он вспомнил об этом именно сейчас.

– Сладости, – сказал из гомункулов, а другой подхватил и принялся скандировать.
– Сладости. Сладости.

Бреннус достал конфету из кармана и медленно развернул, в то время как гомункулы радостно хлопали и причмокивали губами. Он протянул им сладость, и они проглотили ее в мгновение ока. Пока они ели, он вызвал волшебство кольца, которое он носил, устанавливая связь с Риваленом.

Ривален. У меня новости.

Ментальный голос брата казался усталым.

Эревис Кейл?

Нет, – ответил Бринннус и передал Ривалену все, что увидел и узнал. Брат ответил молчанием.

Это надо остановить, иначе в Сембии останется очень мало того, что можно оккупировать, – добавил Бреннус.

Ривален продолжал молчать.

Ривален? Ты все-таки болен? Мне связаться с советом Высших?

Волшебная связь потрескивала от напряжения.

Нет. Я сообщу нашему отцу. Продолжай следить за женщиной. Эревис Кейл придет.

Эревис Кейл, кажется, едва...

Наблюдай за женщиной, – сказал его брат. *Имя Волумвакс мне известно. Он отступник. Он служил Маску когда-то. Еще до того, как обратился в веру Леди Потерь.*

Маск? – переспросил Бринннус, тени возле него заколыхались. – *Эревис Кейл служит Маску.*

Следи за женщиной. Она более важна, чем может показаться.

Относительно этого Бреннус не сомневался.

* * * * *

Варра продолжала идти вперед, полагая, что направляется на запад, пока, наконец, редкий лес не уступил место выбеленной солнцем равнине Сембии. Ветер

трепал высокую траву, маленькие группки деревьев усеивали голый ландшафт, напоминая одиноких часовых, сгибающиеся от ветра, словно выражая почтение идущей буре. Лента дороги раскалывала равнину пополам. Радоваться, что сумела добраться так быстро, Варре мешал нагоняющий ее шторм. Она поспешила к дороге.

Проходили часы. Равнина казалась пустой, населенной лишь призраками и опасностями, исходящими от грохочущего неба. И волшебная буря, и голод не давали забыть о себе ни на миг. Южный штормовой ветер трепал полы ее плаща. Темнота, следовавшая за женщиной по пятам, пока не нагоняла. Варра плотнее завернулась в плащ и пошла быстрее.

Страх стал чем-то столь же естественным, как ежедневный путь солнца с востока на запад. Она представила, что ей придется ночевать на этой равнине под грохот надвигающейся тьмы. Подавив ужас, женщина решила не останавливаться на ночь. Она не остановится, пока не найдет хоть еще кого-нибудь.

Рев бури только укрепил ее решимость.

Час спустя, когда солнце освещало темнеющее небо последними закатными лучами, Варра услышала скрип фургонов и низкий ропот голосов позади себя. Она остановилась, воодушевленная, и увидела группу беженцев в пяти фургонах, тащащихся по дороге в ее сторону. Около дюжины мужчин и женщин шли возле повозок, большинство из которых были забиты мешками, одеялами, посудой и инструментами – всем, что удалось прихватить из домов.

Чуть не плача от понимания, что беженцев слишком мало, Варра остановилась.

Усталые, напуганные, с въевшейся в лица дорожной грязью люди уставились на нее. Некоторые слабо улыбались и кивали в знак приветствия. Большинство просто отводило взгляд. Говорили шепотом, будто боясь, что кто-то или что-то может подслушать.

– Продолжай идти, девочка, – посоветовал ей старик. – Говорят, что Ордулин полностью разрушен. Все погибли.

Женщина скрестила пальцы в отгоняющем беду жесте.

– Я слышала, что сама Шар спустилась с небес. Это начало нового Времени Бедствий.

– Тьма преследует нас, – сказал человек средних лет, хромавший на одну ногу. – Она может видеть. Долины и Эльминстер – наша единственная надежда.

Согласное бормотание и тихие всхлипы были ему ответом. Уставшей Варре стало жутко от этих слов.

– Мы ничего не знаем наверняка, – сказал крупный мужчина с запряженным мулом фургоном. Кожаная шляпа покрывала голову мужчины, его живот свисал над кожаным поясом. Седые бакенбарды закрывали половину лица.

– Сейчас главное двигаться вперед. В Долинах будет безопасно, – мужчина оглядел караван, встречаясь взглядом с каждым, кто смотрел на него, и произнес достаточно громко, чтоб все могли его услышать. – Там мы будем в безопасности.

Его слова прекратили перешептывания, но страх продолжать дозвлет над беженцами. Мужчина остановил мула и взглянул на Варру.

– Ты одна, сестренка?

– Да, одна, – эти слова неожиданно больно задела женщину.

– Куда идешь?

Варра неопределенно махнула рукой.

– Я... я не уверена.

– А откуда?

Она указала на лес у себя за спиной,

Мужчина переглянулся со старухой, сидящей возле него на козлах. Она носила знавшее лучшие времена домотканое платье, из-под платка неопрятно выбивались седые пряди. Позади них в фургоне спал худой темноволосый человек в черной кожаной одежде.

– Я - Дентим, – сказал возчик. – Это – моя мать. А тот, другой, такой же странник как ты.

Он протянул Варре мозолистую руку.

– Давай к нам. С нами безопасней, я считаю. Держу пари, что на много миль впереди нет ни одной жилой деревни.

– А позади тьма, – сказал старуха.

Спящий человек пошевелился, бормоча что-то неразборчивое.

Варра взял протянутую руку, благодарно улыбнулась и забралась в фургон.

– Спасибо, добрый человек.

Пожилая женщина усмехалась, показывая нетронутые возрастом зубы, и взмахом руки указала ей куда сесть. Вара устроилась в фургоне, зажата между спящим, кастрюлями, одеялами и бурдюками.

Она бросила взгляд в сторону бури. Та нагоняла.

Спящий мужчина рассмеялся над чем-то в своих грезах.

* * * * *

Комната Ривалена погрузилась в сумерки, да и его настроение тоже. Тьма беспокойно сновала вокруг него. Он сидел на диване, завернувшись в тени, и вертел в руках ободок черного серебра с аметистами – кольцо Элурил Хравен, оставленное в его почтовом ящике с письмом, в котором говорилось, что женщина украла у принца Листья Одной Ночи и сбежала. Ривален сжал кольцо между большим и указательным пальцем и раздавил его.

Громкий стук в дверь заставил мужчину вздрогнуть.

– Слушаю, – резко бросил он.

Голос гофмейстера Хулорна, Триистина, зазвучал из-за двери.

– Принц Ривален, Хулорн просит Вас прийти. Есть новости из Ордулина. Что-то... странное приближается.

Странное, действительно, подумал Ривален. Он глубоко вздохнул и вновь его лицо застыло непроницаемой маской.

– Сообщите Хулорну, что я скоро приду. У меня есть небольшое дело, которое надо завершить.

– Да, принц Ривален.

В тот момент, когда Триистин ушел, Ривален размахнулся и бросил кольцо Элурил в дверь его покоев с такой силой, что оно впечаталось в дерево. Он теребил эмалированный черный диск – свой священный символ – с гневом его разглядывая.

– Почему, Леди?

Она хранила свои тайны, требуя от него верить в одно, делая в это время совсем иное.

– Я же твой Пророк Ночи, – шепнул Ривален теням.

Тьма не ответила.

Он схватил символ и судорожно сжал.

– Именно я должен был вызвать Теневой Шторм во имя тебя. Я!

Диск оцарапал кожу. Теплая кровь стекала между его пальцами, пока его плоть регенерировала. И все же Ривален продолжал сжимать диск все сильнее, его гнев только вырос от вида собственной крови.

– Почему? – повторил он, повышая голос.

Тьма металась по комнате словно миниатюрный Теневой Шторм.

– Почему?

Диск, стиснутый в руке, с громким треском раскололся. Этот звук привел его в чувство, давая Ривалену понять, что он только что сделала. Тени вокруг успокоились. Он разжал ладонь, рассматривая свой святой символ – сломанный и запятнанный кровью.

– Я так хотел стать твоим инструментом, Леди.

Эти слова заставили вспомнить о матери. Ривален не знал почему. А еще он с болезненной четкостью осознал, что тот его поступок был чудовищной ошибкой.

Смирившись с действительностью, Ривален привел себя в порядок, нацепив на лицо привычную маску холодности и спокойствия, и вышел из комнаты на встречу с Хулорном.

* * * * *

В сумерках караван выстроил фургоны кругом в круг на дороге возле леса. Дентим организовал дежурство из здоровых мужчин и успокаивал остальных. Он расставил часовых наблюдать за дорогой и каждому разъяснил его обязанности. Варра даже представить боялась, что было бы, не окажись Дентим с ними.

Его мать, которой помогали несколько других женщин, приготовила несколько котелков, с жидким бульоном. Дети кричали и смеялись и играли вокруг костров. Мужчины и женщины тихо шептались, со страхом оглядываясь на бурю.

Варра помогала, как могла, но главным образом старалась не путаться под ногами. Нормально поесть мешала тошнота.

– Плохо себя чувствуешь? – спросил человек, спавший до этого в фургоне.

Его голос испугал женщину, и ей не понравились его ухмылка, хотя взгляд его темных глазах чем-то напоминал Эревиса.

– Я в порядке.

– Что-то в животе, несомненно, не дает тебе покоя, – подмигнув, сказал он.

Варра решила игнорировать его слова, мужчину это не расстроило.

В конце концов, лагерь погрузился в сон. Когда Дентим вернулся в фургон, его мать и человек в черном тоже уже спали. Тошнота не давала покоя Варре, и женщина встретила здоровяка вымученной улыбкой. Дентим улыбнулся ей в ответ, он выглядел весьма утомленным.

– Ветер поднимается, – сказал он.

Действительно.

– Постарайся хоть немного поспать, сестренка, – мужчина погладил руку Вары. – Завтра мы должны будем идти быстрее. Иначе шторм нас догонит.

Она кивнула, но побоялась посмотреть на юг. Дентим вытащил из внутреннего кармана небольшой латунный прут. Варра видела, что он был покрыт пленкой какого-то прозрачного вещества.

– Солнечная палочка, – пояснил Дентим, заметив любопытный взгляд. – Ударь ее обо что-нибудь, и она засияет, ярче пламени. Купил когда-то давным-давно. С тех пор они не раз меня выручали. Держи.

Он протянул ей три штуки. Палочки казались теплыми на ощупь. Дентим устроился на скамье, и скоро его храп присоединился к шороху ветра. Варра завернулась в пахшее сеном одеяло и заснула.

Спустя какое-то время она проснулась от воя ветра и сильной боли в животе. Дентим с матерью спали около нее в фургоне, беспокойно ворочаясь. Темный человек, съездившись, лежал в дальнем углу, почти незаметный в темноте. Варра поняла, что все еще не знает его имени.

Живот болел все сильнее, женщина поняла, что сейчас ее вырвет. Не желая будить остальных, она поспешно выбралась из фургона и отправилась к лесу. Подойдя к одному из мужчин, стоявшему на страже, она осторожно погладила его плечо.

– Личная нужда, – пояснила женщина, и часовой усмехнулся в ответ.

Варра скрылась в тени, отбрасываемой деревьями, оперлась руками на колени и вырвала.

Сильный порыв ветра согнул деревья, заставляя их скрипеть. Холодная испарина покрыла кожу Варры. Она чувствовала нарастающую силу ветра, чувствовала, что резко стало холодней, и сам воздух словно потяжелел. Что-то было не так. Женщина бросилась к лагерю.

– Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Не сделав и пяти шагов, Варра споткнулась о корень и упала. Удар об землю выбил воздух из легких, и ее предостережения потонули в болезненном хрипе. Ветер становился все сильнее, срывая с деревьев листву и ломая ветки, и продолжать завывать все громче. От этого звука все тело Варры начинало ломить.

Из лагеря послышались крики – один, другой, третий. В руках часовых вспыхивали огни – солнечные палочки Дентима. Варра в начале поднялась и побежала к краю леса.

Ветер пригнал в лагерь тучи пыли и грязи. Варра разглядела фигуры, отдаленно напоминающие человеческие, с глазами, горящими словно раскаленные угли, мечущиеся среди клубов тьмы. На каждого человека в караване приходилось по три таких твари.

Возможно, теней привлекал свет, поскольку большая их часть собралась возле часовых с солнечными палочками. Десятки силуэтов бросились на мужчин, уничтожая свет и протыкая тела людей холодным черным оружием. Спустя миг все часовые были убиты, а солнечные палочки затушены.

Дети кричали. Женщины и мужчины вторили им. Варра могла только беспомощно стоять и слушать. Тени носились по лагерю, привлеченные живым теплом. Все, к чему они прикасались, мгновенно погибало.

В лагере цари хаос. Люди в панике пытались спрятаться в своих фургонах. Лошади и мулы брыкались, пытаясь сорваться с привязи. Тени кружились, стена и убивая.

Варра услышала голос Дентима, выкрикивающий приказы. Он стоял возле своего фургона, держа за уздечку перепуганного брыкающегося мула.

– Сюда! – кричал мужчина. – Все сюда!

Беженцы кинулись выполнять его команду. Все, кто мог держать оружие, поспешили к Дентиму и сформировали грубую линию обороны, защищая тех, кто не мог сражаться сам – детей и стариков.

Дюжины трупов покрывали равнину, тени продолжали беспорядочно метаться в поисках жертвы.

Варра понимала, что не спастись никому. Тьму невозможно победить.

Она действовала не задумываясь. Женщина прижалась к коре дерева, ударила одну из своих солнечных палочек о ствол. Жезл в ее руке ярко засветился. Она отшвырнула его подальше в лес.

Дюжина пар красных глаз, забыв о беженцах, кинулись к свету. Варра отступила еще дальше в лес и зажгла еще одну палочку, бросив ее в другую сторону. Плач теней стал громче.

Варра отошла еще дальше и спряталась за стволом, тяжело дыша. Она выглянула из-за дерева и увидела, что тени уже погасили первый источник света. Пока женщина смотрела, потух и второй. Ей не удалось надолго их задержать. Варра все еще могла слышать крики из разоренного лагеря.

Она держала в руке последнюю солнечную палочку, ее сердце бешено колотилось.

Женщина закрыла глаза, решаясь, и ударила прутом о дерево.

– Сюда! – закричала она. – Я здесь!

Варра высоко подняла солнечную палочку и побежала через лес, спасая свою жизнь.

Леденящие кровь стоны преследовали ее из-за деревьев. Звуки из захваченного врасплох лагеря смолкли. Теперь Варра слышала только свое дыхание и угрожающие стоны ветра и теней.

Она держала прут, пока не убежала от лагеря на значительное расстояние.

Пот заливал глаза, кожа покрылась холодной испариной. Ветки хлестали ее по лицу, цеплялись за плащ. Варра споткнулась раз, другой, и короткий крик ужаса слетел с ее губ. Усталость и страх высасывали последние силы. Она продолжала переставлять ноги, но чувствовала себя так, словно к ее поясу привязаны мешки с песком. Тени приближались. Воздух стал холодней, стоны становились все различимей.

Больше она ничего не могла сделать для беженцев. Бросив солнечную палочку как можно дальше от себя, Варра с трудом побежала в другую сторону. Далеко она не ушла, осев в корнях дерева и пытаясь отдышаться. Женщина слышала теней, стенающих позади и вокруг нее, но выглянуть и осмотреться не осмелилась.

Чья-то рука закрыла ей рот. От ужаса Варра приглушенно закричала. Она охромела, у нее уже просто не было сил, чтобы бороться.

– Тихо, – услышала она, узнавая темного человека из каравана.

Он отнял руку от ее рта.

Женщина не понимала, как он мог здесь оказаться – страх притуплял ее ум.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала она наконец. – Я думала, никто не спасся.

Он усмехнулся, как сумасшедший, и коснулся рукой ее живота. Острая боль пронзила Варру. Она отшатнулась и закричала. Тени стенали, вторя ей.

* * * * *

– С кем она говорит? – спросил один из гомункулов Бреннуса, поднимая голову.

Другой склонился над кубом ясновиденья.

– Думаю, она кого-то видит.

Бреннус наколдовал несколько предсказаний, чтобы определить, пришел ли Эревис Кейл, возможно невидимый, на помощь Варре. Нет. Судя по всем признакам, женщина была одна.

– Она говорит сама с собой, – ответил Бреннус. – Она испугана. И, возможно, только что потеряла ребенка.

* * * * *

Ривален дождался захода луны, затем потянулся к теням вокруг него и взмыл в ночное небо над Селгаунтом. Город расстился внизу, его освещенные факелами улицы напоминали пылающих змей. Река Элзимер была похожа на глубокую черную рану. Несколько судов было пришвартовано в гавани.

Ривален смотрел на северо-восток, в сторону Ордулина, в сторону Теневого Шторма. Мужчина не мог его видеть, но точно знал, где находится Шторм, вызванный Волумваксом Безумным.

Шар избрала не его, и мечты Ривалена канули во тьме ее тайн. Он смотрел в безлунное небо и кричал от гнева в пустоту.

* * * * *

– Что ты делаешь?! – все еще задыхаясь от боли, воскликнула Варра.

Мужчина кивнул на ее живот.

– Слежу за ребенком.

– Ребенком? – ошеломленно переспросила Варра.

– Да, ребенком. Будешь беспокоиться об этом потом. А теперь беги. Они приближаются.

Но женщина был слишком ошеломлена, чтобы двигаться. Она беременна? Как получилось, что она ничего не знала? Почему об этом ей сказал незнакомец?

Вара внимательно взгляделась в его красивое лицо.

– Кто ты?

В тот же миг она испугалась своего вопроса, смутно понимая, что правда ей совсем не понравится.

– Интересный вопрос, – вздохнул он. – Я - актер. И у нас есть один общий знакомый. Давай остановимся на этом.

Тени стонали, и Варра чувствовала их приближающийся холод.

– Идем со мной, – попросила она. – Мы сможем скрыться.

Он покачал головой.

– Я должен покинуть это место. Но ты не можете пойти со мной, – мужчина указал за ее плечо. – Там есть безопасное место. Поверь мне. Веришь?

Варре казалось, что от ответа зависит его к ней отношение. Она кивнула, и мужчина улыбнулся. В его улыбке сквозила печаль.

– Теперь беги. Немедленно.

Она взглянула за деревья, и тени посмотрели на нее в ответ. Их красные глаза вспыхивали, и дюжина черных силуэтов пронеслось в ней. Варра оглядывалась на мужчину, но он словно испарился. У нее не было времени думать о том, куда он делся. Женщина повернулась и бросилась бежать через подлесок, ломая ветви, царапая ноги о деревья, спотыкаясь, но не останавливаясь ни на миг. Мысль о ее ребенке, ребенке Эревиса, придавала Варре сил. Она чувствовала, что тени уже почти догнали ее, почти касаются своими холодными пальцами, готовые высосать ее жизнь и жизнь ее новорожденного ребенка...

Она пробиралась сквозь деревья на заросший цветами луг. Не останавливаться. Тени стонали и выли прямо за спиной. Варра услышала мелодичный перезвон колокольчиков и решила, что сошла с ума.

– Куда? Куда?!

Слезы застилали глаза. Она поверила темному человеку, но тот оказался лгуном. Не было никакого спасения, только цветы и смерть. Облачка серебристой пыльцы плавали в воздухе.

Тени догнали Варру. Страх и холод приморозили ее к месту. Женщина закричала от их прикосновений, чувствуя, как тени тянут из нее жизнь, заставляя кровь стынуть в жилах. Она согнулась, схватившись за живот в бесполезной попытке защитить свое дитя. Варре страстно желала оказаться в безопасности, в месте, где бы она могла воспитать ребенка в мире и свете.

* * * * *

Бреннус смотрел сквозь линзу ясновиденья. Тени сочились из его тела.

– Куда это она делась? – спросил один из гомункулов, всматриваясь в экран.

– Они ее убили, – разочарованно протянул другой.

– А что случилось с цветами? – вновь подал голос первый.

Бреннус покачал головой и продолжил разглядывать луг. Цветы вяли и умирали всюду, где проходила женщина.

Тени мечущиеся в пространстве, вдруг кинулись прочь.

Озадаченный, Бреннус провел серию предсказаний с помощью своей линзы, полагая, что женщина стала невидимой или как-то иначе скрыла свое присутствие.

Но нет, она исчезла. Мужчина попытался перенаправить предсказания на Варру, но линза оставалась серой и не показывала ничего.

– Как? – изумленно спросил он.

Оба гомункула пожали плечами.

Бреннус вернул на экран изображение луга и некоторое время пристально его изучал. Затем он потянулся к окружающим его теням, позволил своему разуму связаться с тенями на лугу и телепортировался туда.

Мужчина очутился на краю луга. Под подошвами ботинок хрустели мертвые цветы. Цветы каким-то образом помогли спастись женщине или же пали случайной жертвой некоего колдовства, использованного ею. Предсказание показывало присутствие сильной магии, но не могло определить ее природу. Бреннус попытался применить заклятие обнаружения следа, чтобы понять куда могла направиться Варра, но не получил никаких результатов.

– Куда же ты делась, женщина?

Бреннус не мог этого так оставить. Он провел следующий час, тщательно обыскивая окружающий лес и луг, создавая одно предсказание за другим. Он не нашел ничего, пока не засветилось одно из незначительных заклятий.

– Там что-то зарыто. Откопайте.

Его гомункулы, визжа и спотыкаясь друг о друга, кинулись выполнять приказ, стремясь заслужить похвалу хозяина. Оба старательно разгребали грязь и мертвые цветы, пока не наткнулись на какую-то вещь.

– Мое!

– Мое!

Они вырывали друг у друга небольшой, покрытый грязью предмет – цепь или ожерелье.

– Достаточно! – прикрикнул Бреннус, забирая находку.

Гомункулы заулыбались.

Бреннус понял, что находка действительно была ожерельем, потемневшим от времени. Вероятно, его случайно обронил какой-то эльф или путешественник. Он прошептал заклинание, очистившее украшение от грязи. И когда Бреннус разглядел свою находку – платиновое ожерелье – все мысли о женщине Кейла мигом испарились из его головы.

– Симпатичное, – заметил один из гомункулов, усаживаясь Бреннусу на плечо.

Тьма кружилась рядом с Бреннусом в его личном Теневом Шторме. Он едва мог дышать.

– Здесь была моя мать.

Бреннус повернул ожерелье и прочел выгравированную на внутренней стороне надпись: “Для Алашар, моей любимой”.

– Как оно могло здесь оказаться? – загомонили гомункулы в унисон.

Бреннус сжал ожерелье в ладонях.

– Не знаю.

Но выяснение подобных вещей всегда было его талантом.

БЕГИ, ПРОНЫРА

Лиза Смедман

Год Чудовищных Аппетитов (-65 согласно Летоисчислению Долин)

Проныра умирал. И умирал он ощущая вонь.

Он ненавидел это.

Его ненависть начиналась с желтой пылицы, которая медленными кругами витала вокруг него, пока он висел привязанный горизонтально, почти у самой земли. Деревья-вонючки были снова в цвету, наполняя воздух омерзительным запахом кошачьей мочи. Как бы он хотел иметь возможность пошевелить хотя бы одной рукой, чтобы потереть свои зудящие и слезящиеся глаза. Пыльца оседала в прядях его бороды и щекотала нос, словно раздутый ветром молотый перец, затрудняя дыхание.

Ну хоть запаха крови он не чувствовал.

Чья-то рука схватила его за чёлку и дернула вверх. Жрец Призрачных хафлингов, с замазанным краской из черепов лицом, известный лишь под именем «Зверь», осмотрел начертанный на лбу Проныры символ, блокирующий магию. Шкура лютого волка покрывала голову и плечи жреца; лапы бывшего хищника болтались в такт движениям клирика на уровне его груди. Стекающий пот проделал дорожки в забрызгавшей его тело и запекшейся крови.

Зверь жестом показал на шесть установленных в ряд шестов с насаженными на них трофеями – головами.

- Твои воины повержены. Малар забрал их.

Проныра чуть не рассмеялся. Его воины? Он был простым разведчиком – мальчиком на побегушках. Едва ли вояка, даже не сержант.

- Забрал их, да? – небольшая капелька вытекла из носа Проныры, он втянул её обратно, готовясь как следует высморкаться. – Тогда лучше бы ему их отдать. Сильные Сердцем не любят воров; если они поймают этого вашего Малара, то стянут с него штаны и как следует отхлестают.

Он сделал резкий выдох носом, посылая в полёт липкий комок его содержимого, который всего лишь чуть-чуть не долетел до покрытых запёкшейся кровью ног Зверя. Встревоженные частички пылицы лениво взвились вверх и снова осели.

Глаза Зверя сузились:

- Не смей насмехаться над Владыкой Зверей.

- А то что? – Проныра чихнул, втянул носом воздух. Он немного вывернулся, чтобы взглянуть на удерживающие его запястья и лодыжки ремни. За эти ремни он был подвешен в центре круга из камней в человеческий рост высотой и по форме напоминавших когти. Участки тела, стянутые ремнями сильно нагрелись и утратили всякую чувствительность. – Ах нет, подожди. Не говори, я сам догадаюсь. Меня подвешат в джунглях и оставят там подсушиться, верно? – сказав так он закатил глаза. – Да нет же! Вот я дурень! Вы уже это сделали.

Он высморкался ещё раз и липкий комок приземлился уже совсем рядом с обломанными ногтями на пальцах ног Зверя.

Зверь убрал ногу и сел на корточки, все ещё крепко сжимая чёлку Проныры. Кончики пальцев на руке жреца вытянулись, ногти превратились в звериные когти. У него было зловонное, как у пса, дыхание:

- Посмотри на своих воинов внимательно. Посмотри хорошенько, - изрёк он. – Сегодня ночью ты к ним присоединишься. Вечер Большой Охоты –это единственная причина, почему ты ещё жив. Сегодня мы охотимся.

- Мы? – снова чихнув отозвался Проныра. – Брось, не льсти мне. Впрочем, если тебе всё равно, то на ужин я не останусь.

Зверь обнажил в оскале свои заострённые зубы и зарычал. Он встал, и выпустил из руки волосы Проныры:

- Постарайся порадовать Малара и сделать так, чтобы наша погоня была интересной.

Проныра тряхнул головой, отбрасывая с глаз чёлку:

- И какую фору мне вам дать?

Зверь разразился хохотом. Листья задрожали; птицы испуганно закричали и взлетели, хлопая оранжевыми крыльями:

- Хорошо сказано! Шутка достойная истинного Ловкача.

- Отпусти меня и я выкопаю тебе отличное молодое деревце.

Зверь снова рассмеялся – кажется, даже он знал историю Колдейра и Опрокинутого Дерева.

Это была одна из любимых историй Проныры, из тех, что всегда обеспечивали ему местечко за одним из столов в тавернах Сильных Сердцем. Ловкач Колдейр, замаскировавшись хафлингом, бросил вызов Вапраку – богу огров. По условиям состязания они должны были вынуть из земли дерево, не повредив корней. Вапрак одно за другим вырывал из земли могучие чёрные деревья, разрывая их корни; Колдейр же выкопал самое тоненькое молодое деревце. В результате победы Колдейра, огры были навсегда изгнаны в горы Присевшей Жабы.

Зверь вынул один из своих кинжалов с костяной ручкой из ножен на запястье:

- А ты сильный, для сприггана. – Зубчатая сталь полыхнула красным в багровом свете заходящего солнца, озарявшем погружающиеся в сумерки джунгли. – Посмотрим насколько сильный.

Зверь переступил через упруго натянутый ремень и подошел к ногам Проныры. Подразнивая, он провёл ножом по покрытой жёсткими мозолями ступне.

Проныра напрягся, предчувствуя боль от пореза и последующий за ним поток крови. В воздухе мелькнула сталь. Проныра непроизвольно сжался...

Ремень, удерживавший его левую лодыжку, издав щелчок, лопнул и его стопа неуклюже упала на землю. Пальцами ног он почувствовал уколы тысячи маленьких иголок, это обозначало, что к ним возвращается чувствительность.

Зверь подошел к другой его ноге:

- Переживи ночь, - в воздухе снова мелькнула сталь, очередной ремень лопнул, и вторая нога Проныры упала на землю, - и я сохраню тебе жизнь – клянусь кровью Малара.

Жрец направился к правой руке Проныры:

- Но если моя Охота загонит тебя в нору раньше, чем взойдёт солнце...

Сверкнувшая сталь снова рассекла кожаный ремень, и Проныра шлёпнулся лицом вниз.

- ...ты станешь мясом.

Проныра лежал на земле, с одной рукой всё ещё висящей в воздухе. Он переменял положение и, нащупав, обхватил пальцами ремень примерно на расстоянии длины собственной руки от того места, где он был привязан к его левому запястью. Ещё будучи мальчишкой он научился удушающему захвату и ему случалось опробовать этот трюк на Призрачных хафлингах при похожих условиях, когда, находясь в разведке, он оказывался окружён и ему приходилось пробивать себе путь к свободе. Но использовать его против Зверя, высшего жреца Малара? Проныра мог с тем же успехом опробовать его на самом Повелителе Зверей.

Он подобрал ремень, натянутый между его запястьем и его другой, пока что бесчувственной рукой и подставил его Зверю.

Зверь поднёс клинок к путам:

- Мудрый выбор.

Последний ремень оказался разрезан.

Зверь отступил назад и прорычал какое-то слово. Шкура, которую он носил, срослась с его телом, руки и ноги покрылись длинными волосами. Словно бушующий огонь, магия устремилась вверх по его груди. Из удлинившейся морды раздался рык, уши заострились и переместились на макушку, а глаза стали желто-красными. Тяжело дыша, существо пробежало языком по своим острым собачьим зубам. Лютый волк, в которого превратился жрец, скрестил с Пронырой взгляд полный голода и животной ярости.

- Пока не взойдёт солнце, - прорычал он, - или мясо.

Лютый волк направился прочь, по тропинке, ведущей к опушке, где Призрачные раскинули свою ловушку. К деревне жреца, где Пафпайп, Хвастун, Рубака и Плясун, Обжора и сержант Хедспладс попали в западню, были перебиты и съедены. Зверь лично открыл кровавое пиршество, церемониально разрывая им животы и отрывая огромные куски плоти от каждого солдата, от каждого по очереди, пока Проныра в ужасе наблюдал за этой сценой из своего укрытия, не в силах пошевелиться из-за магической парализующей ловушки, в которую он угодил.

Проныра бросил взгляд на насаженные головы, торчащие из пропитанной кровью почвы и вытер нос тыльной стороной руки. Он взглянул на темнеющие джунгли, задаваясь вопросом, куда же ему бежать. Спрашивая себя, а может ли он бежать вообще. Его ступни горели, словно он только что прошёл через куст парализующих ягод. Он постучал сводом стопы о другую ногу, пытаясь вернуть конечности чувствительность и... чихнул.

Он снова посмотрел на то, что осталось от его отряда и покачал головой, думая о всех переделках в которых им пришлось побывать с тех пор, как он присоединился к армии. Он почти желал, чтобы вместо шести колов там было семь... Почти...

- Вымолите у Тиморы немного удачи для меня, парни. Она мне понадобится.

Год Переломанных Судеб (-68 согласно Летоисчислению Долин)

Проныра зевнул, в то время, как воевода Сильных Сердцем медленно прохаживался вдоль вытянувшихся по струнке солдат. Для Проныры, эти хафлинги, в своих пропитанных воском кожаных жилетах и шлемах, с перекинутыми через спину щитами, выглядели одинаково. Они стояли вытянув перед собой короткие мечи и у каждого, рядом с подсумком для камней, за пояс была заткнута праща.

Воевода Ченд неспешно переходил от одного ряда солдат к другому, то и дело пристально вглядываясь в лица бойцов. Сержант – а принимая во внимание зелёные наручи, которые он носил, Проныра, имел все основания считать его таковым, - точно верный пёс семенит рядом с Чендом, с серьёзным видом кивая в ответ на любую реплику военачальника.

«Я вижу следы ржавчины на твоём мече, солдат», - отчитывал Ченд подчинённых. Или «Этот жилет зашнурован крест-накрест». А иногда «Расчеши волосы на ступне, рядовой».

Проныра от души надеялся, что смотр вскоре завершится. Начался он с долгой и скучной речи воеводы о том, как хафлинги положат конец кровопролитиям Призрачных. Как собравшиеся солдаты «Сильных Сердцем и Легконогих хафлингов, плечом к плечу», избавят Луирен от варварской веры Малара, о том, что жители их деревень снова почувствуют себя в безопасности. О том, как Ченд гордился этой «объединённой армией хин».

Проныра фыркнул. Гордился ли? Ченд, казалось, находил какой-нибудь недостаток у каждого солдата, которого осматривал. Пожалуй, самый придирчивый пастух находил на своих собаках меньше блох, чем военачальник хафлингов промахов у своих подопечных.

Ченд наконец-то добрался до последнего ряда и когда остановился и подошёл к Проныре, вид у него был такой, будто его от души огрели дубиной.

- Сержант Хьюн, - отчеканил воевода, - это что ещё такое?

Сержант вздрогнул, напрягая своё внимание:

- Это спригган, воевода Ченд.

- Я вижу, *что* он такое, - сказал Ченд, - я хочу знать, *что* он тут забыл?

Виски сержанта покрылись текущим с них потом:

- Он новый разведчик в отряде Дикий Корень, сир.

- Новый разведчик? – переспросил Ченд сдавленным голосом.

Проныра улыбнулся:

- Ага, - он указал подбородком на меч, на который опирался, - даже собственную железяку приволок.

Проныра практически мог услышать, как окружающие хафлинги, всё еще усердно делавшие вид, что смотрят строго перед собой, со скрипом силились повернуть свои глаза, чтобы посмотреть, что же там творилось.

Сержант нервно прочистил горло:

- Ребята изловили этого сприггана, когда он пытался стянуть кувшин из столовой. К тому времени, как я подоспел, они его раздели и опустили вверх тормашками в чан с элем.

Проныра улыбнулся при упоминании этой истории. Эль был действительно хорош.

- Спригган отделался от парней, наслав на них магический ужас, - продолжил повествование сержант.- Я думал просто прогнать его, но он обмолвился, что пришел напрямик из Мрачной Роши. Он прошёл прямо через неё в то время, когда там свирепствовала охота Зверя и выжил. Я убедил его, что в сражениях больше чести, чем в бегстве, и что он мог бы стать для нас ценным...

Почувствовав на себе сверлящий, строгий взгляд воеводы сержант запнулся и замолчал.

Ченд снова обратил своё внимание на Проныру, но обращался при этом к сержанту:

- Я разочарован в вашей неспособности к трезвой оценке, Сержант Хьюн, - нос Ченда сделался малиновым. – *Спригган* в этой армии хин? Да вы посмотрите на него. Этот меч – он отвратительно ржавый! Щита нет. Брюки измазаны чем-то... я уверен, чем-то мерзким. Жилет не подогнан и не зашнурован. А его борода и волосы! Все эти пучки и ленточки просто смешны, не говоря о том, что они грязные. Да и одного запаха этого существа уже достаточно, чтобы мои глаза начали слезиться. Я уверен, что он не мылся уже...

Проныра не дослушал. Это было уже слишком. Воевода мог болтать всё, что ему вздумается о его шёлковом жилете, о его мече, но оскорбление спригганской бороды, было гарантированным способом схлопотать кулаком промеж глаз. Проныра злобно сверкнул глазом на воеводу, который был ростом не выше него и его взгляд остановился на смехотворной коллекции перьев, приколотых к его кожаному жилету.

- А ну слушай сюда, ты, безбородый Петушиный Хвост, - прорычал Проныра, - ты сейчас же извинишься, за то, что сказал про мою бороду, или я...

Рука сержанта взметнулась в воздухе, поспешив запечатать рот Проныры.

- Воевода Ченд, прошу прощения, что этот солдат говорит, хотя его ни о чём не спрашивали. Такое нарушение субординации больше не повторится.

- Да. Не повторится, - процедил Ченд сквозь зубы. Он наклонился вперёд так, что его лицо было на волосок от лица Хьюна. – Избавься от него, - прошипел он.

Ярость захлестнула Проныру, приведя в движение сокрытые в нём магические силы. В мгновение ока его тело увеличилось более чем вдвое, от его обычных размеров, достигнув размеров огра. Его не зашнурованный жилет теперь едва прикрывал мускулистую грудь; брюки туго натянулись вокруг мощных бёдер. Меч, как и хозяин, тоже увеличился в размерах и теперь длины в нём было больше, чем в Ченде роста. Проныра оперся на него, вдавливая острие ещё глубже в землю, и пристально посмотрел на Ченда.

Ченд посмотрел вверх.

Проныра сложил огромную ладонь чашечкой и поднёс её к не менее огромному уху:

- Ты что-то сказал, Петушиный Хвост? Здесь наверху тебя трудно расслышать.

Встревоженные солдаты, стоявшие по сторонам от Проныры, расступились, ломая стройные ряды. Сержант, всё ещё державший на весу руку там, где моментом ранее был рот Проныры, побелел, словно покрытый гримом из черепов Призрачный хафлинг.

Ченд побледнел, но потом всё-таки собрал волю в кулак.

- Сержант Хьюн, - отчеканил он.

-Да, сир!

-Я передумал. Может быть спригган и впрямь будет полезен.

-Сир?

-Этому солдату понадобится униформа. Проследите, чтобы её ему предоставили. Сержант превратился в средоточие внимания:

-Да, сир! Сию минуту, сир!

Ченд развернулся на каблуках и, приняв важный вид, удалился.

Проныра ухмыльнулся.

Год Чудовищных Аппетитов (-65 согласно Летоисчислению Долин)

Проныра бежал через джунгли вдоль узкой тропы, туда, откуда пришёл его отряд. Он бежал, не заботясь о ямах с шипами или расставленных силках, уповая на то, что кровавое пиршество отвлекло их настолько, что они не пришли в боевую ярость. Пока не началась охота, ему было жизненно необходимо увеличить расстояние между деревней Призрачных и собой настолько, насколько это было возможно.

Через каждые несколько шагов он пошатывался от чиха. Пока он бежал, он тёр потной рукой свой лоб. Символ, который они нарисовали кровью засох и осыпался. Он щёлкнул пальцами, проверяя, вернулась ли его магия; слабое жёлтое пламя взвилось над кончиком его большого пальца. Он стряхнул его.

Проныра остановился, прочистил нос и расставил руки, притягивая магию джунглей. Магия наполнила его, увеличивая его размер. Его голова дотронулась до листьев наверху, его плечи отодвинули ветку и хрустнув, она переломилась от этого не пойми откуда взявшегося напора.

Теперь он был выше; более чем в два раза, чем был моментом ранее. Сильнее, быстрее.

Споры вонючих деревьев пощекотали его нос, и он чихнул.

Даже его чих теперь был мощнее.

Он побежал.

Если бы ему повезло, он мог бы добраться до места их сброса провизии и дать сигнал грифону, чтобы его поскорее забрали отсюда. Он услышал рёв охотничьего рога позади: Призрачные начинали свою охоту.

- Ну хотя бы мне дали фору, - задыхаясь прокомментировал спригган.

В лесу темнело и разбирать дорогу становилось всё сложнее. Что-то схватило его за ногу, и он полетел вверх тормашками. Когда он поднялся, то заметил, что вдоль тропы стояли колья, на которых висела лоза-убийца, которая теперь раскачивалась в воздухе. Её ростки взметнулись в воздух в поисках незадачливого существа, угодившего в её смертоносные тенета. Будь Проныра меньше, лоза бы схватила его, поползла бы вверх до самой шеи и задушила бы его.

Ловушка была грубой, очевидно сделанная так, чтобы её заметили. Проныра бы легко её заметил даже ночью, если бы не должен был бежать. Он снова сделал себя меньше, подобрался ближе к лозе и осторожно снял живую изгородь, росшую сбоку от тропы. Щёлкнув пальцами, он зажёл достаточно света, чтобы обнаружить капканы, раскрывшие свои стальные челюсти. Простая уловка: сойдёшь с тропы - наступишь в

одну из них, и она начисто оттяпает тебе стопу – ну или почти начисто. В любом случае большой разницы попавшемуся бедолаге уже не будет.

Он слышал волчий вой: жрецы Малара взяли его след. Времени у него было не много. Сильно нагибаясь, чтобы избежать лозы, он отломил ветку. Он использовал её, чтобы переместить три капкана на тропу и закидал их листьями. Жрецы-оборотни передвигаются опираясь на землю четырьмя конечностями и будут торопиться. Если удача ему улыбнётся, то один или двое из них угодят в капканы и больше не смогут его преследовать.

Вой приближался. Проныра вытер нос. Лучше бы ему начать двигаться. Он повернулся и чуть не подпрыгнул от испуга, увидев дриаду, стоявшую на тропе, прямо позади него. Она была обнажена, грудь была небольшой, а кожа имела цвет махагоновой древесины. Тут и там в её волосах торчали мелкие листочки и пахла она как ягодный сироп.

- Хотелось бы мне узнать каковы на вкус эти губки, красотка, да вот боюсь заноз насажаю. К тому же мне пора бежать.

Однако, он не побежал.

Она прикоснулась к нему пальцами, грубыми, как кора и подошла ближе. Звуки её шагов напоминали хруст ветвей. Она заговорила и слова его лились в его сознание, словно жидкий лунный свет.

«Подойди». Одна её рука, шелестя, поднялась и коснулась её груди. *«Положи голову сюда. Отдохни».*

Проныра вздохнул. Вой становился ближе. Как бы во сне, он спрашивал себя, почему он всё ещё стоит на месте. Он наклонился к дриаде и прижался щекой к её груди; ощущение было такое, будто это нарост на дереве. Звуки приближающихся охотников стали глуше, потеряли всякое значение. Он чувствовал, как его руку сдавливают: сильно, словно лоза-убийца, пальцы дриады оплетали его руку. А потом её рука резко вывернулась.

Один из его пальцев сломался; он закричал. Ветка выпала из его руки. Дриада подняла её, нежно, словно младенца прижала к груди и прожгла Проныру злобным взглядом. Прделав это, она бесследно исчезла.

Проныра поднёс к глазам свою правую руку; его правый палец был сломан и торчал под не естественным углом, словно та сломанная ветвь. Он слышал возбуждённый лай на тропе: Охота Малара приближалась. Они были уже слишком близко, чтобы можно было помышлять о бегстве. Проныра дико озирался по сторонам, пытаясь отыскать укрытие, но потом вспомнил про капканы. Даже если бы ему удалось сойти с тропы, волки всё равно бы отыскали его по запаху. Отросток лозы-убийцы скользнул по его макушке и ему пришлось пригнуться, чтобы избежать захвата.

Внезапно передумав, он схватился за лозу левой рукой. Проныра дёрнул. Лоза дёрнула в ответ поднимая его в воздух. Ломая ветки, растение втащило его на самый верх и остановилось как раз тогда, когда на тропе внизу показался первый преследователь. Волк начал смотреть на падающую ветку и... взвыл. Проныра слышал глухой звук захлопывающегося капкана и хруст расщепляемой кости.

Его сломанный палец послал болезненный импульс в знак неуместного в положении его хозяина сочувствия.

Второй волк натолкнулся на первого, сбив того с ног, но к сожалению не наступив ни в одну из двух оставшихся ловушек. Остальная часть стаи остановилась заблаговременно. Самый крупный из волков – Зверь, обнюхал место, где были расставлены ловушки и зарычал.

Проныра, висящий на верху, чувствовал, как лоза-убийца обвивается вокруг его руки и ползёт к шее. Он не осмеливался сорвать её, так как шум листьев, который бы последовал за борьбой, выдал бы его. Если повезёт, то Зверь решит, что он повернул обратно или использовал магию, чтобы скрыться.

Лоза-убийца оплела его шею. Прежде чем она могла бы начать затягиваться, Проныра подsunул под неё свободную руку. Он почти что плакал от боли, потому, что сжимающийся отросток выворачивал его и так сломанный палец и спригган призвал в свою ладонь слабый магический огонь. Лоза отпрянула от жара и ослабила хватку. Другой отросток оплетал его грудь, но с ним Проныра предпочёл не делать ничего.

Лютый волк зарычал на попавшегося в ловушку волка. Более низкий в иерархии зверь сжался, затем перевернулся, демонстрируя свой живот. Зверь задрал над ним ногу, в знак презрения, затем развернулся и зубами разорвал его брюхо.

Остальные волки смотрели и в полнейшей тишине наблюдали, как их опозоренный товарищ истекал кровью.

Зверь гавкнул на них, а затем перепрыгнул место, где были спрятаны ловушки. Половина стаи сделала тоже самое, остальные побежали в обратном направлении.

Проныра вздохнул с облегчением. Ещё несколько мгновений и волк внизу будет мёртв и тогда он сможет покинуть укрытие. Но пока он вслушивался в поскуливания умирающего оборотня, он почувствовал, как вонючие споры щекочут его ноздри. Он, как мог, боролся с порывом чихнуть, чувствовал, как его глаза стали влажными и горячими. Он морщил нос, чтобы избавиться от этого ощущения, но всякий раз оно возвращалось. Он душил свой чих и от усилий на его висках проступили капельки пота.

Как-бы там ни было, лоза-убийца выдавила из него: «*Ап-чхиии!*».

Маленький проблеск пламени, который он поддерживал в своей руке, рядом с шеей взорвался яркой вспышкой света. Пламя даже вспыхнуло в другой его ладони. Лоза убийца отпрянула, разжав свои объятия. Проныра полетел вниз, ломая ветки, отчаянно пытаясь схватиться за одну из них уцелевшей рукой. Он шлёпнулся на тропу, едва избежав одну из сокрытых под листвой ловушек.

Умирающий волк поднял взгляд, увидел Проныру и издал вой, перемешанный с кровавыми хрипами.

Ему вторил вой с двух концов тропы. Охота Малара приняла к сведению новости, что их добыча обнаружена.

Проныра выругался.

Год Фестивалей (-67 согласно летоисчислению Долин)

Проныра стоял перед домиком на холме, служившим оружейной с мечом в руке. Он наблюдал, как через деревню двигалась радостно распеваящая процессия. Большинство хафлингов, нетвёрдой походкой семенящих за жрицами, были под мухой в следствии действия весеннего сыра. Однажды Проныра попробовал из

любопытства этот твёрдый белый сыр, на спригганов, как ему показалось, он похожего действия не имел. Да и вкус его не впечатлил. Когда ему хотелось упиться до пены изо рта, он предпочитал старый добрый эль.

Как бы там ни было, сегодня ему было необходимо сохранять трезвость ума. Хотя хафлинги и были навеселе, но если бы Проныра стал мешкать, кто-то наверняка заметит, что дверь в оружейную осталась без присмотра.

Он сверлил взглядом возглавлявшую процессию жрицу, пытаясь понять, сколько же нужно жрать, чтобы так раздобреть. Её светлые волосы были распущены – верный признак распутной девки – а в ширь она была практически такой же как в рост, такая широкая, что не шла, а переваливалась. В одной её руке был щит, а в другой плетённый рог изобилия. Каждые несколько шагов она встряхивала рог и выбрасывала в воздух фонтан из виноградин. Хафлинги шедшие сзади радовались и смеялись, пытаясь поймать эти виноградины в рот.

-Красотка, правда? – сказал кто-то позади Проныры.

Спригган обернулся и увидел, как к нему подошел один из членов его отряда – он никогда не мог отличить одного от другого, уж не говоря о том, чтобы запомнить их имена. Он понял кто это, лишь когда хафлинг достал трубку из кармана жилета. Пафпайп – единственный из отряда, кто не морщил нос и не жаловался на запах, когда Проныра был поблизости. Спригган надеялся, что он не станет докучать ему слишком долго.

Пафпайп указал погрызенным концом трубки на возглавлявшую процессию жрицу:

- Я ухаживаю за ней, - признался хафлинг.

Проныра посмотрел на жрицу ещё раз, пытаясь найти в ней хоть что-то привлекательное.

Пафпайп долго пожирал свою пассию глазами:

- Когда весенний фестиваль кончится, я собираюсь попросить Уиломету оплести со мной ветвь.

Проныра фыркнул:

-Убедись, что на конце этой ветви нет силков.

Пафпайп засмеялся.

Проныра вспомнил их первый патруль – как Плясун был вне себя, когда он проигнорировал предупреждение сержанта и пнул в сторону ветку. В следующее мгновение он обнаружил себя летящим вверх, ногами вперёд. Остальные участники отряда от души посмеялись, ловя монеты просыпавшиеся из его карманов, пока Хэдспладс не нашёл лежащий рядом заострённый кол. Милостью Тиморы, какая-то древесная крыса перегрызла растяжку, за которую он был привязан к ветке сверху; иначе Плясун оказался бы нанизанным на этот кол.

- Ты б с этим не тянул, - продолжал Проныра, пытаясь спровадить Пафпайпа. – Никогда не знаешь, когда они снова отправят нас в патруль.

- Патруль? Во время весеннего фестиваля? Маловероятно! – Пафпайп хмуро глянул в раструб своей трубки и вырвал пучок жёсткой травы, чтобы прочистить его. Он попытался продеть его в раструб, но не смог и отказался от этой затеи. Он достал мешочек с табаком и набил трубку, вырезанную в форме рога изобилия. Держа в зубах трубку, Пафпайп устремил на Проныру полный надежды взгляд.

Проныра щелкнул пальцами и поджог трубку. Хафлинг начал было рассыпаться в благодарностях, но Проныра перебил его:

-Эй, смотри! Они несут *бокту*.

Пафпайп повернулся так быстро, что едва не свалился. Он облизнулся при виде блюд, до верху нагруженных выпечкой с фруктовой начинкой. Забыв даже попрощаться, Пафпайп кинулся за угощением, оставляя на пути своего следования шлейф сладко пахнущего дымка.

Проныра покачал головой. Принимая в расчёт то, с каким усердием Пафпайп ел, к концу трёхдневного фестиваля он должен был догнать в объёмах свою суженную.

Проныра вытер пот со лба и снова встал в позу, подобающую для стража. Теперь, когда сезон дождей был позади, погода была жаркая. Скоро разлившиеся реки и липкие от грязи склоны гор уступят место жаре, от которой мозг превращался в жаркое и ежегодному месячному цветению деревьев-вонючек. Тогда-то и начнутся мучения Проныры. Исцеляющие снадобья помогут ему облегчить насморк, но не более; потребовался бы запас целой армии, чтобы помочь ему пережить сезон спор.

В конце концов, процессия скрылась из виду. Проныра открыл дверь позади себя и быстро проскользнув внутрь закрыл её на засов. Внутри оружейной царила освежающая прохлада, но было темно. Он убрал меч в ножны и стал ждать, пока его глаза привыкнут.

Он осмотрелся. Кругом было оружие: пращи и мешочки с камнями были развешены по стенам, мечи в ножнах стояли в стойках, кинжалы всех размеров были аккуратно выложены рядами на столешницах. Щиты, выстроившись словно обеденные тарелки, облакачивались на стены. Плащи-хамелеоны, предназначенные для стрелков и видимые не больше, чем тени, свешивались с балок.

Проныра направился к трём укрепленным сундукам в конце оружейной. Несколько поворотов его отмычки и смехотворно простой замок первого из них был открыт. Проныра откинул крышку и увидел дюжины стеклянных флакончиков размером с палец - отвратительные на вкус зелья невидимости, используемые в патрулях, кроме того маленькие мешочки магической пыли, используемые для сокрытия тайников. Ценные, но их легко стащить и будучи в патруле. И даже ни намёка на исцеляющее зелье. Смысла тратить время на этот сундук не было. Он закрыл крышку, снова запер замок и перешёл к следующему сундуку.

Этот сундук был поинтереснее. Он заключал в себе некоторое количество мешочков, которые, судя по громуханию, когда он их ткнул, заключали в себе драгоценные камни.

Похоже, что интендант предвидел воровство: чёрный бриллиант лежал не самом верхнем мешочке. Проныра не собирался клевать на эту приманку, ибо он знал, откуда этот камень. Его нашёл Плясун, во время одного из самых первых патрулей их отряда – так он и заработал свою кличку. Он нашёл камень лежащим посредине покинутой вражеской деревни и на все лады стал благодарить Тимору за ниспосланную ему «удачу».

Оказалось, что бриллиант был проклят. Тяжёлый словно ядро, он перевешивал Плясуна так, что он едва мог оторвать ногу от земли. Он пробовал выбросить его, но он раз за разом появлялся у него в кармане. Потребовалась помощь жрицы, чтобы избавить его от этой вещицы.

Тщательно избегая бриллианта, Проныра подобрал мешочек. Он уже хотел заглянуть внутрь, как снаружи раздался какой-то гул: крики предостережения, стремительно превращались в крики боли и гнева. Прозвучала тревога: деревня была атакована.

Проныра проклял свой злой рок. Он *месяцами* ждал весеннего фестиваля – это было единственное время, когда никто кроме него не хотел нести караульную службу. Теперь возможность набить карманы была упущена. Скоро сюда ворвутся солдаты, чтобы вооружиться. Он бросил полный жадности взгляд на остальные мешочки, но решил, что один – лучше, чем ничего. Он захлопнул сундук и кинулся к двери.

Он открыл её и перед ним открылась картина истинного хаоса. Враги были повсюду. Призрачные хафлинги с лицами выбеленными боевой раскраской, истребляли безоружных участников праздника. Жрецы Малара, с рыком певшие свою песнь крови и разрушения представляли собой устрашающую смесь хафлингов и диких зверей, со своим оружием, превратившимся в лапы хищников их джунглей. Они прошли жестокой дугой через жителей деревни, оставляя за собой бездыханные тела. Горстка безоружных солдат пыталась остановить их, но что они могли против вооружённый магией Призрачных? Неожиданная атака стремительно превращалась в резню.

Рука Проныры лежала на мече, но он колебался. Это был не его народ. Он нанимался к ним разведчиком, а не солдатом. Армия снабжала его деньгами, а иногда и возможностью прихватить и чего-нибудь ещё. Однако Сильные Сердцем не платили ему достаточно, чтобы он рисковал своей жизнью в бесполезной...

Что-то ударило его сзади. Он полетел на землю лицом вниз, прямо в грязь. Когти оставили кровавый след на его плече. Зубы щёлкнули в воздухе, в поисках его шеи. Он перевернулся и увидел, что он был сбит с ног огромным ягуаром. Зверь зарычал и его тёплое дыхание веяло свежей кровью.

Проныра закричал.

Магия внутри него взорвалась с силой равной вырвавшемуся из его лёгких воплю. Под действием магического страха, ягуар отпрыгнул назад, прижав уши и припав к земле. Проныра поднялся на ноги, начал пятиться и внезапно осознал, что он уронил мешочек с драгоценными камнями. Он лежал на земле между ним и ягуаром-оборотнем, который хлестал хвостом по земле, собирая храбрость для следующей атаки.

- Хорошая киска, - Проныра сгрёб с земли мешочек. Когти зверя прорвали дырку и когда спригган поднял мешочек, из него выпал драгоценный камушек. Проныра поймал его в полёте, но рассмотрев то, чем оказалась псевдо-драгоценность, осознал свой промах. Он стащил мешочек с огромными кусками смальты. *Светящейся* смальты – но всё же смальты. Хафлингский покровитель воришек обставил его, как молокососа.

От досады, он с яростным криком швырнул безделушку в ягуара, сопроводив бросок магическим криком раскола, чтобы зверюге мало не показалось.

Внезапно он обнаружил, что летит назад, подброшенный ударной волной от чудовищного взрыва. Он врезался в стену оружейной и соскользнул на землю. В ушах у него звенело. Мимо него, крича, пробежала крестьянка, но Проныра не мог её услышать. В том месте, где припавший к земле ягуар готовился к атаке, теперь был

дымящийся кратер. Обрубок хвоста – всё, что осталось от жреца-оборотня – шлёпнулось на землю неподалёку.

- Всего лишь смальта, - прохрипел Проныра, едва слыша свой собственный голос. – Какой-нибудь ребёнок мог бы остаться без пальцев, поигравшись с такими камушками.

Он осознал, что он всё ещё сжимает в руке мешочек с этими камнями и... что звери и жрецы Малара всё ещё атакуют деревню. Призрачные, вооружённые рукавицами с окровавленными шипами на каждой руке, преследовали солдат. Проныра вскочил на ноги и метнул в них кусочек смальты. Магический разрушительный крик активировал магию и Призрачные исчезли в ужасающей огненной вспышке. Проныра развернулся и метнул ещё камень и ещё один противник исчез во взрыве, сила которого заставила его пошатнуться.

Рука хлопала его по плечу, вспугнув – это был солдат из его отряда – Обжора. Он вытянул руку и крикнул что-то, чего Проныра не мог услышать, но он догадался о чём его просят по праще, которую держал его товарищ. Проныра раскрыл пошире мешочек, а Обжора запустил в него руки достал горсть снарядов. Вооружившись заговорённой смальтой, хафлинг забрался на крышу оружейной.

Поняв, что без его магии, камни так и останутся камнями, пусть и светящимися, Проныра тоже туда взгромоздился. Первые два броска Обжоры улетели за пределы разрушительного крика Проныры, но после того, как безумно жестикулируя, спригган объяснил ему что к чему, они стали эффективной командой. Праща Обжоры раскручивалась и выпускала снаряд за снарядом, в то время, как Проныра поворачивался то туда, то туда, активируя камни. Очень скоро, правда их мешочек опустел, хотя это и не имело теперь значения: жрецы Малара были побеждены, а те, кого еще не разорвало на куски взрывами, уже исчезали в зарослях джунглей.

Уже позже, когда о раненных, в число которых входил и Проныра, позаботились, а мёртвых похоронили, Воевода Ченд самолично явился в деревню, чтобы похвалить сержанта Хедспладса за эту, проявленную его солдатами, инициативу. Обжора и Проныра оба были награждены красным петушиным пёрышком. Продевая пёрышко в люверс на жилете Проныры, Ченд склонился к сприггану ближе и тихим шепотом сказал:

- Однажды, солдат, ты мне расскажешь, откуда тебе известно командное слово к оружию созданному волшебниками людской расы, оружию, которое должно было быть надёжно сокрыто в закрытом сундуке.

Выпрямившись, уже громче он сказал:

- Вы проявили прекрасную инициативу. Я должен сказать сержанту Хьюну, чтобы он обратил на вас внимание.

Проныра, который моментом ранее обдумывал перспективу опустить руку в жилетный карман воеводы и стянуть оттуда чего-бы он там не нашёл, нервно подёргал себя за бороду:

- Так точно, Сир Воевода!

Когда короткая церемония кончилась, Хедспладс, который почти что светился от гордости, из-за того, что именно он предложил взять сприггана в качестве разведчика, хлопнул по плечам Проныру и Обжору и повёл их в кабак, где купил им первую бутылку эля. Проныра сказал тост и отпустил в его сторону шутку. Потом он

повернулся к Обжоре, которому нравилось шутить, что он не просто отрастил себе на эле огромное пузо, а сделал это с той целью, чтобы поместить между его складок дополнительный запас камней для пращи. Он хвастался, что это давало ему преимущество, когда противник думал, что он безоружен. Проныра использовал трюк, основанный на ловкости рук, чтобы достать из складок живота Обжоры последний кусочек зачарованной смальты. Все остальные прыгнули в укрытие, когда спригган, небрежно покрутив камушек между пальцев, бросил его к ногам сержанта. После даже Хедспладс от души посмеялся, когда Проныра объяснил ему, что он не взорвётся, пока его не расщепить.

Позднее, этой же ночью, шатаясь, Проныра вернулся к домику на холме, где был размещён его патруль. Он был пьян, как хафлинг с полным брюхом весеннего сыра. По пути, он заметил Пафпайпа, сидящего на крыльце у двери. Голова хафлинга была опущена; его трубка лежала незажженная на крыльце, позади него. Он либо смотрел на что-то лежащее на его коленях, либо спал. Пошатываясь, Проныра подошёл и тихонько стукнул его кулаком в плечо и протянул ему кружку с элем, о которой он только что вспомнил.

- Эй, Пафпайп, хочешь хлебнуть?

Пафпайп покачал головой:

- Она умерла, - прошептал он. – Сегодня... Они не смогли исцелить её.

Проныра вяло отхлебнул эль и вытер рот обратной стороной ладони:

- О ком ты... - и тогда он увидел, рог изобилия, лежащий у него на коленях.

Плетение разорвано и запачкано засохшей кровью.

- Ох, - гордость быстро улетучилась из сприггана. Он поставил кружку с элем, на подоконник и присел на корточки рядом с Пафпайпом. Он побарабанил пальцами по бёдрам, в первый раз в жизни не зная, что сказать. Огоньки вспыхнули на ладонях, и он сжал кулаки, чтобы погасить их.

Пафпайп поднял лицо, его слёзы блестели в лунном свете:

- Уиломета была слишком слаба, чтобы исцелить сама себя. И другие жрицы тоже не могли... - он вздохнул. Слеза скатилась по его пухлому подбородку. – Она была тем, ради чего я сражался, - он обвёл рукой пространство вокруг. – Она и эта деревня. А теперь...

Проныра сильнее стиснул кулаки:

- Теперь ты уйдёшь? – спросил спригган.

Челюсть Пафпайпа сжалась:

- Нет. Теперь у меня ещё больше причин сражаться.

Хафлинг нащупал рукой свою трубку и набил её табаком. Проныра наклонился вперёд и предложил ему огонь.

Пафпайп затянулся и выдохнул длинную и унылую полоску дыма. Разбухшие от слёз глаза встретились с глазами Проныры.

- А почему ты носишь униформу? – спросил хафлинг. – Ты тоже потерял кого-то?

Проныра хотел парировать, мол он не носит униформу: выданные ему брюки, кожаный жилет и шлем были слишком свободными, когда он был в форме сприггана и слишком тесными, когда он увеличивался в размерах. Вместо этого он носил собственную одежду. Но отвечать он не стал и прикусил язык. Он посмотрел вниз, на перо в своём жилете.

- Я делал это, ради заработка. Но после того, что случилось сегодня... - его взгляд переместился на забрызганную кровью стену позади Пафпайпа.

Хафлинг кивнул и сделал ещё одну глубокую затяжку из своей трубки. Красное свечение озарило его лицо:

- Ты один из нас.

Удивлённый, Проныра моргнул. Это было не то, что он имел в виду. Его затуманенные элем мысли теперь витали скорее вокруг соображения, что эта заварушка пустила по ветру его последний шанс разбогатеть и, возможно, теперь настало время покинуть эту «армию хин». Собрать всё своё барахло, которое он способен был унести, и уйти. Но его ноги не подчинялись приказам. Вместо того, чтобы разумно вести его по тропе, ведущей к спригганским землям вечного лета, они привели его обратно на пост.

Проныра встал, вынул пёрышко из люверса на своём жилете и вручил его Пафпайпу.

Хафлинг посмотрел на него непонимающе:

- Что... Но я не...

- Это для Уилометы. Нужно же положить ей на могилку что-то красивое.

Год Чудовищных Аппетитов (-65 согласно Летоисчислению Долин)

Проныра продирался сквозь густой подлесок, проклиная каждую лозу, каждый папоротник и каждый куст, попадавшийся ему на пути. Даже самая зубодробительная полоса препятствий из тех, которые ему приходилось проходить тренируясь с хафлингами, ни на йоту ни могла сравниться с Мрачной Рощей. Он перепрыгивал через брёвна, полз через колючие кустарники, бежал, балансируя на упавших стволах деревьев, взбирался и спускался с утыканных булыжниками склонов. Он даже не мог посчитать, сколько раз ему приходилось менять свой размер, увеличиваясь, когда ему нужно было совершить прыжок и уменьшаясь до нормальных размеров, когда надо было куда-то протиснуться.

Но не смотря на все ухищрения, он слышал, что Охота Малара сидит у него на хвосте. Судя по звуку, они предпочитали поддерживать формы зверей, чтобы иметь возможность отыскать его по запаху. Такой способ преследования в буквальном смысле прижимал их к земле. Проныра подумал, что взобравшись на дерево и двигаясь по веткам, он мог бы от них оторваться.

Но эта идея имела недостаток – она не подходила для тех, у кого сломан палец.

Как бы там ни было, но он всё-таки провернул пару трюков, чтобы замедлить своих преследователей.

Спригган заметил искры в отверстии в почве, которое на поверку оказалось подземной норой парочки электрических ящеров. Он оставил в норе свой ложный след, а её обитателей загнал поглубже с помощью магического страха, с тем расчётом, что оправившись от магического эффекта, разъярённые существа выскочат наружу. Он вернулся по своим следам к ручью, который пересёк ранее и пошёл вверх по течению, улыбаясь своей проделке. Электро-ящеры были не большими животными, но в норе у них почти наверняка была кладка яиц, которую по расчётам Проныры, они

должны были яростно охранять. Если повезёт, то они объединят свой заряд, и уложат на месте первого же волка, сунувшего нос к ним в логово.

Немного позже Проныра оставил за спиной большую грудку листьев и с ужасом сообразил, что он каким-то чудом пробежал мимо спящего зеленохвата. Он остановился так, чтобы быть вне досягаемости этого плотоядного растения и начал швырять камни в его луковицеобразную голову, чтобы разбудить его. Растение встрепенулось, поднялось на своих, похожих на щупальца, ногах и распахнуло пасть, выбросив облако удушливого кислотного тумана. Если бы жрецы, шедшие по его следу, вдохнули это, они наверняка остались бы довольны этим изысканным букетом. Проныре же оставалось лишь надеяться, что разумное растение будет бодрствовать достаточно долго и обладать подходящим аппетитом, чтобы заживо проглотить одного из них.

А ещё позже Проныра чуть не угодил в овраг с гнилоцветами, вовремя узнав в «колючих кустах», заполняющих овраг группу древообразных существ скучковавшихся вместе. Он снял жилет привязал его к голени кусочком лозы, и схватив здоровой рукой другую лозу, перелез через овраг, волоча жилет за собой по земле. К тому времени, когда он добрался до другого конца, его жилет был утыкан занозами сочащимися ядовитой смолой. Спригган дернул за конец лозы, отвязывая от себя уже никуда не годный предмет одежды.

По уши в грязи, мокрый от пота, с превратившейся в лохмотья бородой, да ещё и нещадно чихающий, шатаясь, он упорно продирался через джунгли. Он умудрился серьёзно вывихнуть свой сломанный палец. Вправляя его, он чуть не потерял сознание от боли и вся кисть его правой руки теперь раздулась. Ему уже было безразлично выживет он или умрёт; он просто хотел лечь и рыдать.

Ещё немного погодя он сказал себе: «Лес становится реже. Почти рассвело. Я могу это сделать».

А сдержит ли Зверь своё слово, если у него получится?

И тогда он услышал звук, который заставил его сердце биться сильнее: крик грифона – знак того, что место сброса припасов было уже совсем близко! Он скрестил пальцы на уцелевшей руке, призывая на себя благоволение Тиморы. Если удача на его стороне, то это как раз груз для его отряда.

Немного погодя он услышал хлопанье могучих крыльев. Он бросился к просвету в зарослях, посмотрел вверх покрасневшими и слезящимися глазами и увидел кружащего в небе крылатого льва. Маленькая точка, находящаяся за его орлиной головой был хафлинг-наездник, а другой точкой, ниже, был небольшой вещмешок, зажатый в передних лапах грифона. Проныра увеличился в размерах и стал безумно размахивать руками, но хафлинг на грифоне не видел его.

Грифон выпустил из когтей свою ношу. Мешок был размером с Проныру и тяжёлым, но благодаря трансмутации падал медленно, паря словно пёрышко развивая за собой шлейф ленты ветроуказателя. Проныра прикинул, куда мог приземлиться груз и сметая всё, на своём пути устремился к заветному месту. В мешке должна была быть еда, свежая вода, камни для пращи, масло для ламп, но для Проныры главным было наличие там целебных снадобий.

Он уже видел мешок впереди: его ветроуказатель зацепился за ветку дерева и теперь раскачивался и вращался вокруг своей оси. Когда действие трансмутации

иссякло, к мешку вернулся его нормальный вес и ветка, на которой он висел, хрустнула. Как ни странно, но груз состоял не из одного мешка зацепившегося за дерево – что это за странные штуки?

Целые связки непонятно чего...

На дереве висели не другие мешки, а коконы. Сумка с грузом приземлилась на древо-людоеда.

Проныра услышал, треск: это раскрылся один из коконов. Зародыш дерева размером со сприггана, неистово размахивая руками и ногами, вывалился наружу. Существо глухо ударилось о землю и моментом позже поднялось на ноги, в утреннем жаре его морщинистая пурпурная кожа отдавала паром. Ещё один кокон открылся, а за ним ещё один, выпуская всё новых и новых существ. Спустя буквально несколько мгновений уже десяток таких созданий, качаясь, стоял у основания дерева. Их руки гладили ствол из которого они выпали, оставляя смоляные следы. Эти их действия будто пробудили чудовищное дерево, и оно разверзло огромную пасть.

Проныра проклял своё невезение. Он понимал, что на этот раз, он крепко влип. Зародыши были слишком тупые, чтобы чувствовать страх, и он не мог отогнать их, напугав. Проскользнуть мимо тоже не получится; эти существа могли почувствовать его через любые растения, к которым он прикоснётся. Одна царапина от их острых как щепки пальцев и Проныра провалился бы в глубокий сон. И потом услужливые зародыши скормили бы его дереву-родителю.

-Вот зараза, - пробубнил спригган, когда существа повернулись и заковыляли в его сторону через мучительно медленно светлеющие джунгли. – Время завтрака, а в меню кроме меня ничего и нет.

Он оттянул ветку и стал дожидаться. Как только зародыши подошли в зону поражения, он отпустил свой заряженный снаряд. Ветка выпрыгнула из его рук и сбив ближайшего из них с ног.

Проныра бегом устремился в образовавшуюся в строю существ прореху. Когда он перепрыгивал через зародыша, сбитого на землю, остальные вслепую размахивали своими ядовитыми конечностями, пытаясь зацепить свою потенциальную добычу. Спригган направился к древу-людоеду, на ходу увеличиваясь в размерах. Он врезался плечом в мешок, который от удара закрутился. Проныра юркнул за дерево, а сумка угодила прямо в раскрытую, с заострёнными как щепки клыками пасть дерева. В этот раз Тимора ему благоволила: дерево с жадностью принялось жевать сумку, втягивая её внутрь, но когда оно почувствовало, что вместо крови в его пасть льётся смесь из эля из порванных мехов и горьких на вкус зелий из раздавленных пузырьков, оно выплюнуло её обратно.

По крайней мере, теперь сумка была открыта.

Проныра обежал дерево кругом, увлекая преследовавших его зародышей за собой в задорный хоровод. На бегу он подхватил один из пузырьков с белой пробкой, выплунутых деревом, вырвал зубами пробку и влил в себя содержимое. Он вздохнул от облегчения, чувствуя, как его палец исцеляется и ухмыльнулся, когда его глаза перестали зудеть, а нос прочистился.

Делая второй круг вокруг дерева, он с надеждой искал среди разбросанного снаряжения пузырёк с голубой коркой – этот было зелье исчезновения, выпив

которое он бы смог бежать не оставляя следов или запаха. Если бы только ему добраться до него, а потом удрать, Зверь решит, что его слопало древо-людоед.

Проныра увидел что-то голубое среди разбросанных камней для пращи, бисквитов и запасной одежды. Он подхватил предмет и прорычал проклятие, когда разбитый пузырёк оставил длинный порез на его руке. Пусто!

Корень поднялся из земли, преграждая ему дорогу. Затем другой: древо-людоед хотело задержать его. Проныра отскочил в сторону, стараясь не оказаться слишком близко к его зародышам. Он сделал третью петлю вокруг дерева, надеясь ещё раз взглянуть на раскиданное снаряжение. Спригган услышал лающий волчий вой - Охота шла по его следу.

Близко, слишком близко.

- Держитесь, веточки, - тяжело дыша, бросил Проныра преследующим его зародышам. – Главное блюдо уже на подходе.

Там *должен* был быть ещё один пузырёк с голубой пробкой; снаряжение упаковывалось с расчётом на весь патруль. Разумеется, все шесть пузырьков не могли разбиться разом. Просто не могли!

Третий заход оказался более удачным: он заметил один. Проныра нагнулся за ним, почти что метя пятернёй по земле, прежде чем схватить пузырёк. Трое зародышей набросились на него; спригган одновременно увернулся и перекатился, едва ускользнув от их ядовитых пальцев. Он вскочил на ноги, но прежде чем он смог откупорить пузырёк и выпить его содержимое, его ногу оплёл корень, и споткнувшись, Проныра остановился. Флакончик выпал из его рук и упал на землю в двух шагах от него. Спригган увеличился в размерах, затем снова уменьшился, ослабляя хватку дерева, в конце концов выдернул ногу из корня и на четвереньках подполз к сосуду.

Как раз перед тем, как Проныра хотел схватить вожделенное зелье, какой-то из зародышей наступил на пузырёк. Звук раздавленного стекла возвещал конец надеждам беглеца.

Из джунглей выскочил волк – должно быть авангард богослужителей Малара! Увидев зародышей, оборотень зарычал. Зверь хотел увернуться от существ, перемахнув через них сверху, но одно из них зацепило его бок и, приземлившись, он свалился бесформенной кучей. Потеряв сознание, он снова превратился в хафлинга. Зародыши облепили его, подняли, а затем швырнули в рот древу-людоеду.

Древу понравилось угощение, ведь в этот раз была кровь.

Рядом раздался вой другого волка! Зародыши повернулись в направлении этого звука – они его, конечно, не слышали, но через другие растения чувствовали, приближение потенциальной добычи. Проныра осмотрелся вокруг, бросая тревожные взгляды то в одно, то в другую сторону. Корни бездействовали; дерево было занято едой. Что до зародышей, то в данный момент, они казались скорее заинтересованными приближающейся Охотой. Путь был свободен, и он мог бежать, однако волки бегали быстрее. Быстрее чем зародыши древа-людоеда. Спригган рассудил, что если он побежит, то большая часть стаи просто проскочит мимо не слишком расторопных существ и нагонит его.

Это натолкнуло его на мысль. Единственным способом улизнуть было остаться здесь. Когда дерево открыло рот, Проныра разбежался и оттолкнувшись ногой от его

нижней губы высоко подпрыгнул. Он схватился за ветку и протиснулся в треснувший кокон. Ноги упирались в один конец, спина в другой, но комфорт занимал его меньше всего. Спригган схватил разошедшиеся части кокона и соединил их. Он выглянул из щели, надеясь, что Охота не увидит его пальцы. Надо сказать, что у Зверя и компании были все шансы их не разглядеть; руки у их потенциального завтрака были замызганы грязью, что делало их примерно такого же цвета, как сам кокон.

Очередной жрец Малара выскочил из джунглей. Зародыши поспешили ему навстречу. Кокон всё ещё слегка раскачиваясь повернулся, не давая Проныре возможности посмотреть, чем всё кончилось. Но звуки не оставляли места интриге. Он слышал рык, отчаянное движение, потом волк взвизгнул от боли, а дальше раздалось чавканье древа-людоеда, пережёвывающего очередную жертву. Когда кокон, медленно поворачиваясь, начал делать второй круг вокруг своей оси, Проныра увидел, что другие зародыши неуклюже направились в джунгли, явно намереваясь раздобыть добавку.

Как раз, когда Проныра поздравлял себя с очередной удачной задумкой, из подлеска показался лютый волк. Это был Зверь. Корни древа-людоеда взметнулись и оплели лапу оборотня; Зверь издал гортанный рык. Мех хищника вздыбился от проходящих через его тело волн магической энергии. Он рывком высвободил лапу, вырвав из земли корень до самого основания дерева. Ствол затрещал, и земля пропиталась вытекающей живицей – быстрее, чем следовало ожидать. Рот древа-людоеда закрылся.

Припав носом к земле, Зверь описал зигзаг, подойдя к основанию дерева, а затем обнюхал его закрытый рот. Кокон, продолжая медленно вращаться, скрыл Зверя из зоны видимости Проныры.

Когда кокон снова повернулся так, что спригган мог видеть своего преследователя, Зверь был уже в обличии хафлинга. Он стоял, опустив когтистые руки и буравил дерево недружелюбным взглядом. Потом он зарычал и, повернувшись, отправился восвояси. В то время, как жрец удалялся туда, откуда явился, Проныра внутренне ликовал. Он сделал это! Он обвёл Зверя вокруг пальца! Всё, что ему оставалось – это не высовываться из кокона, пока жрец не уйдёт достаточно далеко.

Но тут Проныра внезапно осознал, что шаги остановились – прямо под ним. Он посмотрел вниз и увидел как капля крови из его свежего пореза на руке, упала прямо на волосы Зверя. Зверь посмотрел на кокон как раз вовремя, чтобы увидеть, как из него упадёт ещё одна капля. В этот раз она приземлилась на его губы. На его лице, покрытом белой боевой краской, проступила недобрая ухмылка.

- Вылезай из своей ракушки, спригган, - сказал он насмешливо. – Ты заставил нас хорошо побегать, но теперь охота закончилась. Ты мой.

Жрец взмахнул когтистой рукой, кокон порвался, и Проныра упал к его ногам.

- Постой! – крикнул Проныра. Он как помешанный указывал пальцем на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь заросли. – Солнце восходит! Уже утро! Я выполнил условия. Я пережил ночь! Ты должен оставить меня в живых!

Зверь обнажил зубы в насмешливой улыбке:

- Ты слушал не внимательно. Я сказал «пока солнце не взойдёт». А оно ещё только восходит.

Проныра проглотил комок. Зверь собирался его съесть. Он отчаянно осмотрелся вокруг, пытаясь вспомнить, что же ещё ему сказал Зверь.

- Ну... вы не *загнали меня в нору*, разве не так? Я влез на дерево. Ты не можешь меня убить, не нарушив клятву своему богу.

Зверь снисходительно фыркнул, однако по его глазам было видно, что он засомневался.

- Вот что я тебе скажу, - провозгласил Проныра. - Давай решим вопрос состязанием. Будем состязаться в силе? Я бросаю тебе вызов именем Малара! Я знаю, что ты его примешь, потому что если ты откажешься, это будет означать, что ты трусил. А этого твой бог уж точно не потерпит. Если я выиграю, то ты должен меня отпустить. Если ты... что же, тогда я сам изваляюсь в приправах.

Зверь улыбнулся:

- И что же, будем вырывать с корнями деревья? - жрец принялся. - Я чую на тебе запах дриады. Ты не проведёшь меня, заставив повредить одно из их священных деревьев.

Проныра изобразил вздох разочарования. Потом осмотрелся вокруг и притворился, что в первый раз заметил рассыпанные камни для пращи.

- Знаю! Мы устроим состязание по метанию камней! Кто кинет дальше, тот выиграл.

Проныра показал на камни:

- Ну давай, выбери себе какой-нибудь.

Зверь подошёл к камням.

Проныра затаил дыхание. Сработает ли его уловка? Вот уже несколько патрулей, солдаты Ченда использовали камни, которые были зачарованы таким образом, чтобы возвращаться в руки метателя при использовании им командного слова. Когда он произнесёт слово, брошенный Зверем камень вернётся, и камень Проныры точно полетит дальше. Чтобы поймать зачарованный камень требовалась не малая толика умения; только искусный прашник был на такое способен. Возвращаясь, камень вполне мог угодить сприггану в лоб. Будет, конечно, больно, но состязание он выиграет.

- Думаешь, что сможешь меня надуть, на подобии как Колдейр надул Вапрака? - сказал Зверь, поднеся руку к камню, но не притронувшись. - Но я знаю возвращающиеся камни и могу отличить их от других.

Жрец подобрал обычный камушек.

Проныра горестно застонал. Как же ему хотелось, чтобы в мешке был хотя бы один кусочек той чудной взрывающейся смальты. Тогда бы оставалось просто сделать раскалывающий крик...

«Погоди ка...»

Его мысли вернулись к весеннему фестивалю и атаке Призрачных хафлингов. К его жилету в столовой. После того, как он проделал трюк с камушком, они его так и не нашли. Да что уж там, в поисках его они всю столовую эвакуировали. Разве Обжора не носил его с собой всё время «на удачу»? Разве не его бедный хафлинг, как помешанный, искал перед тем, как их накрыла Охота?

Проныра набрал побольше воздуха – хорошо бы не чихнуть – и издал раскалывающий крик. Зверь круто повернулся с выражением крайнего удивления на его лице и... взорвался.

Взрыв сшиб Проныру с ног и швырнул на землю, но он не возражал. Даже звон в ушах в этот момент был по-своему приятен. Да и кровь из носа была меньшей из его бед – лучше, чем чих от спор.

Он подошёл к кромке кратера, где только что был зверь и хмыкнул. От жреца осталось только ожерелье из когтей и зубов, которое чудом уцелело.

- Пожалуй тебе и вправду следовало бы следить за тем, что ты ешь.

И тогда он дал дёру, не дожидаясь возвращения зародышей дерева-людоеда или других жрецов.

Год Пивной Кружки (1370 согласно Летоисчислению Долин)

Хафлинг опустошил свою кружку эля и отставил её в сторону, после чего облокотился спиной на махагоновое дерево.

- Вот так и было дело, - сказал он ребятишкам. – Зверя одолел Колдейр, принявший форму сприггана.

Ребятня смотрела на рассказчика широко открытыми глазами:

- Это правда?

Рассказчик только пожал плечами:

- А вы как считаете? – он махнул рукой в сторону спортивных соревнований проходящих на залитом солнцем поле в паре шагов от них. – Вплоть до сегодняшнего дня племя хин из Луиренского Леса проводит соревнование по метанию камней... даже наша игра «Убежище Проныры» уходит корнями в эту историю.

Молодые хафлинги взбудоражено перешёптывались:

- Неужели это правда? Спригган?

Рассказчик снова махнул рукой, в этот раз отпуская их:

- А теперь идите. Мне надо вздремнуть.

Когда они удалились, он снова облокотился на дерево.

- Дети, - улыбнулся он. – Они чему угодно поверят.

Хафлинг провалился в умиротворённый сон.

Пока он спал, рука, по форме напоминающая веточку, нежно погладила прядь волос у виска рассказчика. Прядь волос, повязанную ленточкой – одна из странных особенностей моды, наблюдаемых у хафлингов Луирена.

- Это правда, - прошептала дриада, обводя взглядом возделанные Легконогими и Сильными Сердцем хафлингами поля; поля, которые когда-то были непроходимыми джунглями. – Это правда.

ПОСЛЕДНИЙ ПАЛАДИН ИЛЬМАТЕРА

Сьюзен Джей Моррис

*27 день Элейнта. Год слёз Королевы. (902 согласно летоисчислению Долин).
Лес Чондал.*

- Да как он смеет, - сказала Мейз.

Джерико пыталась не отставать от рассерженной женщины, пока та напролом шагала через переплетающиеся заросли Чондалского леса. Было очевидно, что Мейз не имела ни опыта, ни навыков для лесных путешествий. Обладая она хотя бы толикой уважения, она бы не делала столько шума. Должно быть, хищники на много миль вокруг, а может и кто-то похуже, уже наострил свои уши на тот адский треск, который она производила. Хотя, в данный момент, такое внимание едва ли могло раздосадовать Мейз, она скорее бы порадовалась возможности пустить в ход свои клинки, найдись кто-нибудь достаточно невезучий, чтобы встать у неё на пути.

В противоположность ей, Джерико была крайне осторожна – ступая исключительно по камням и корням деревьев, она создавала не больше шума, чем рябь, мелькнувшая по спокойной водной глади.

Более того, повинувшись ей, лозы, трава и листья снова расправлялись и возвращались на свои места после каждого их шага. Возможно, именно поэтому генерал города Рет выбрал её выполнять задание, для которого она, как могло бы показаться с первого взгляда, была не лучшим кандидатом: прикрывать следы этой смуглой, хмурой женщины, которая вихрем неслась к их общей цели.

Услышав особо злобное проклятие, слетевшее с губ этой несчастной женщины, Джерико лишь покачала головой. Откровенно говоря, ей даже не были нужны глаза, чтобы следовать по прорубаемой Мейз в лесной чаще тропе – достаточно было следовать за потоком ругательств. И хотя на фоне нехватки навыков скрытного перемещения у её партнёра, сознание собственного искусства приносило ей некое удовольствие, и она бы многое отдала, чтобы их путешествие проходило в тишине. В конце концов, лес, через который они сейчас шли, был далеко не гостеприимным.

Даже для тех, кто находился в такой же тесной связи с природой, как Джерико, эти толстые, тесно сгрудившиеся деревья, эта жесткая земля, испещренная острыми камнями, делали путешествие медленным и неприятным. Будто бы капли крови, с каждой веточки капала влага, грибы облепляли стволы деревьев, словно выпущенные и застрявшие в них стрелы, а вьющиеся лозы и ветки, будто с осознанным злым умыслом, переплетались на пути у двух женщин, цепляясь за всё, до чего могли дотянуться. И, будто бы этого было недостаточно, в воздухе висела лунно-белая дымка пепла, которая, словно облако спор, неминуемо попадала в лёгкие с каждым вдохом и скрывала тёмные фигуры елей и дубов практически до того самого момента, пока путешественницы не врезались в них лбами.

Глаза Джерико уже болели от постоянного прищуривания, в попытке рассмотреть что-нибудь сквозь этот постоянный туман, её лёгкие горели от дыхания наполненным гарью воздухом, а пыль покрывала её кожу на манер пылицы,

покрывающей крылья мотылька. Мейз же воспринимала всё это так, будто бы весь мир объявил ей войну.

- Надо же догадаться послать убийцу, чтобы обдѣлывать воровские делишки, - пробормотала Мейз в одном из редких своих пассажей, не сдобренных сквернословием.

- А?... Чего? – переспросила Джерико, застыв, словно перепуганная лань. Мейз наотмашь ударила ветвь, заграждающую ей путь и Джерико пригнулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как ветка, просвистев, вернулась на своё место. Мейз оглянулась через плечо и задрав бровь посмотрела на покрасневшего друида.

- Убийца. Ты только сейчас это поняла, - сказала она. – Да, я убиваю за деньги.

Мейз отвернулась и снова обратила взор вперёд, не заметив выражения лица Джерико, которое недвусмысленно говорило о том, что она была поражена.

- Я заплатила тебе за услуги, ты мне помогла, - продолжала Мейз. – Тебя это беспокоит?

Джерико совсем не была уверена, что её это не беспокоило, но она была слишком потрясена этим актом недоверия со стороны бывшей клиентки, чтобы это как следует осмыслить.

- Ты могла бы и просветить меня на этот счёт, - возмутилась Джерико.

- Тебе не нужно было знать, - сказала Мейз.

- Твоему партнёру не нужно было знать? – удивилась Джерико, но частички головоломки теперь встали на свои места. Темная аллея, сад с травами, запах миндаля. А потом эти заклинания незаметности и скорости, эта экзотическая коллекция оружия в купе с дополнительной платой за осторожность. Она не знала, для чего нужны эти приготовления, хотя, с другой стороны, она и не спрашивала.

- Ты мне не партнёр, - прервала Мейз поток её мыслей. – Ну и чем, ради Абисса, ты думала, я там занимаюсь?

- Я думала ты просто воровка, - ответила Джерико.

- И с *этим* ты можешь примириться?

Джерико пожала плечами:

- В любом случае у людей слишком много барахла.

Мейз усмехнулась и хотя её голос сорвался в неприятно высокую ноту, это были первые признаки веселья, которые друид когда-либо видела у этой мрачной женщины. И как раз в тот момент, когда Джерико собралась воспользоваться преимуществом этой неожиданно накатившей на её спутницу весёлости, той взбрело в голову споткнуться о выступающий корень, что вынудило её широко расставить руки, чтобы избежать падения.

- Будь он проклят! Я ненавижу леса, ненавижу детей и ненавижу всё, что связано с этой треклятой войной – а особенно нежить! О, Девять Кругов Ада, да кем он меня возомнил?!

- Разве не вернее сказать «Кем он себя возомнил?» - спросила Джерико. Ответом ей послужил испепеляющий взгляд Мейз, и она почувствовала, как в ней шевельнулось сочувствие. Действительно, можно ли было упрекнуть её за эту злость? Мейз не просила эту работу. Она не просила, чтобы в её дом врываются и с мечом у горла заставляли братья за дело. Да, это хорошо оплачивалось, но всё же, она делала это не по своей воле.

- Я знаю, кто он, - пробормотала Мейз.

Всё было просто. Меч генерала двигался так быстро. Джерико не могла остановить его, даже если бы такая мысль и пришла ей на ум. В один момент Мейз со всеми пикантными подробностями консультировала генерала на предмет того, куда ему следовало идти со своей работой; в следующий момент её друг уже извивался на кухонном полу в луже крови и куриного супа.

- Денег, которые я заплачу, хватит, чтобы покрыть воскрешение твоего друга, - сказал генерал. - Просто приведи мне мальчика.

Тон, которым это было сказано, не допускал никаких споров.

Мёртвые голубые глаза потемнели и стали карими глазами Мейз, когда Джерико вновь вернулась из воспоминаний к реальности. Согнутая ветка качнулась назад, Мейз продолжила свой путь, а отпружинивший отросток хлестнул Джерико по лицу. Такой удар должен был оставить след. Она потёрла кожу и почувствовала липкую жижу, попавшую в полученную ссадину. Замечательно – у неё не было времени на обработку раны и придется оставить всё как есть до завтрашнего утра – до момента, когда их работа будет выполнена. У неё не было сомнений, что к тому времени царапина уже будет здорово болеть.

- Почему он сам не мог этим заняться? Он, очевидно, достаточно силён для этого, - спросила Джерико, потирая растущий рубец на щеке. Однако взгляд Мейз жёг больше, чем ссадина и она опустила руку.

- Если бы ты сама задала ему этот вопрос, прежде чем приглашать в мой дом, то вероятно нам бы не пришлось сейчас расхлёбывать эту кашу, - отчеканила её спутница. Когда Джерико покраснела, не ответив на провокацию, Мейз вздохнула: - Знаешь, что говорят о нашем славном генерале, нашем обожаемом покровителе? Они говорят, что он больше сродни арабарским дьяволам чем нам... Причины, побуждающие его действовать, ведомы лишь ему и, как только он получает то, чего хочет, он вполне может поменять свои намерения на противоположные.

Мейз развернулась и снова пошла по тропе, однако теперь её атаки на растительность были, в лучшем случае, впольсилы.

- Тогда почему мы принимаем его помощь? Зачем помогаем ему сейчас?

Мейз пожала плечами:

- Кто я такая, чтобы задавать вопросы, когда один дьявол хочет убить другого?

- Ты странная женщина, - сказала Джерико.

- Нет, друид. Это ты странная. Большинство людей при виде войны уносят ноги так быстро, как могут. Все наши лучшие солдаты мертвы, или в случае Арабара, бесчестно возвращены к подобию жизни, чтобы убивать и снова быть убитыми. Улицы прежде великих городов завалены трупами, жертвами порождённой войной чумы, которая убивает без разбора. Несчастный, разделённый Чондат, распадается под этой тошнотворной массой собственного горя. Большинство людей хочет убраться отсюда настолько далеко, насколько это возможно, но ты... Ты направляешься в самое сердце этой бойни, чтобы похитить больного мальчишку у обезумевшего отца. И меня за собой тащишь.

Теперь уже Джерико пожала плечами:

- Некоторые вещи стоят того, чтобы за них сражаться. С генералом Арабара, поднимающим павших, чтобы они снова сражались, у Рета нет никакой надежды

вернуть себе независимость. И если у нас есть шанс его остановить, даже ценой собственных жизней, то мы обязаны попытаться. Это могло бы покончить с войной.

- Так же, как и убийство этого ублюдка, - простионала Мейз.

Джерико не могла поспорить с этим утверждением, да и не стала бы. Хотя, она полагала, что убийство генерала вольного города Аррабар будет куда более сложной затеей чем та миссия, что они выполняли сейчас.

Мейз смерила её раздражённым взглядом:

- Далеко там что ли до этой твоей реки? – спросила она. – Жду не дождусь, когда мы с этим покончим.

Возмущённая Джерико вдохнула так глубоко, что чуть не набрала полный рот еловых иголок.

- Я думала, что ты нас ведёшь! – возразила она, вздрогнув от плаксивой нотки, невольно появившейся в её голосе.

- Так и есть. Ха! Видишь? Я тоже умею шутить.

Облегчение и раздражение в равной степени заполнили чувства Джерико.

- Как бы там ни было, мы пришли, - сказала Мейз, усаживаясь на покрытое мхом упавшее дерево.

Когда Мейз перестала загораживать обзор, Джерико и впрямь увидела реку. Дальше к северу течение могло быть яростным, но в этом месте оно было тихим и сильным, увлекая свой поток под землю. Конечно, это не было для неё оправданием того, что она не слышала реку пока практически не окунулась в неё, но то что она пыталась успокоить раздражённую убийцу можно было признать довольно существенным отвлекающим фактором.

- Твоя очередь, друид.

Джерико подошла к воде. Мысль о том, чтобы настолько сильно полагаться на слово человека, который обвёл её вокруг пальца, заставив привести его в дом Мейз, таким образом принудив их обеих танцевать под свою дудку, причиняла ей беспокойство, но выбора у неё не было. Генерал сказал ей, что эта река служила источником воды в резервуарах разрушенной цитадели, которую удерживал генерал Аррабара. Если верить ему, то использовав простое заклинание, через некоторое время они, никем не замеченные, окажутся внутри цитадели. Хотя этот способ путешествия был мокрым, да и комфортным его было назвать нельзя, большую сложность представлял собой обратный процесс: также незаметно им нужно было и выбраться, но уже с мальчишкой. Но решать эту проблему они планировали на месте.

Запустив руку под свою безрукавку из оленьей кожи, Джерико извлекла медальон. Она с благоговением поцеловала реликвию; её теплые губы коснулись прохладного золота. Затем, её пальцы сдвинули засов и медальон открылся, обнаружив заключающийся в нем побег омелы – магический проводник, служивший Джерико для связи с духами природы. Друид повертела зелёный росток между пальцами.

- Приятного будет мало, - предупредила она Мейз.

- Давай уже, - ответила та. Всё равно у них не было выбора.

- Тогда залезай в воду.

Мейз подчинилась, кривившись, когда вода проникла сквозь кожу доспеха. Она нырнула с головой и тут же вынырнула, глубоко и с трудом вдыхая воздух от холода.

- Держи глаза закрытыми и не растопыривай руки и ноги пока не почувствуешь кожей воздух, - проинструктировала друид. – Это заклинание позволяет дышать под водой, но не защищает от опасностей сплава по подземной реке.

- Хорошо, хорошо, - отозвалась Мейз, уже постукивая зубами.

- Увидимся на другой стороне, - сказала Джерико.

Растирая омелу меж пальцев, Джерико закрыла глаза. «Сестрица река, внемли мне...» Слова продирались сквозь неё и слетали с языка словно вспышки молнии, сгорая сразу, как только её разум прикасался к ним. Громкая, стремительная песня сирен наполнила её слух, в то время как её обоняние заполнил запах соли, а затем всё стихло. Она открыла глаза и увидела, как по бокам шеи Мейз открылось по пять глубоких красных рубцов, будто бы раны от когтей тигра. Женщина упала в воду, красные рубцы открылись и закрылись, а из её носа вырвались пузырьки воздуха. Джерико пожелала удачи, извивающейся в воде Мейз и затем, позволила могучему подводному течению унести её прочь.

Несколькими моментами позднее, она к ней присоединилась.

* * * * *

Лицо Джерико омыли струи воздуха и не открывая глаз она жадно вдохнула. Её пальцы в поисках чего-нибудь, за что можно было бы схватиться скользнули, а потом схватились за что-то липкое. Она открыла глаза – то были прутья. Входное отверстие резервуара было оснащено решёткой, прутья которой были покрыты слоем илистой слизи. Вода была чертовски холодной. Снова налетевший порыв ветра заставил незакрытые одеждой участки тела покрыться мурашками, вызвав глухой стон резервуара и самой Джерико. Её руки болели уже не только от усиленной работы, но и от холода.

Она услышала всплеск, вдох, и из темноты, моргнув, на неё глядели два глаза - Мейз.

- Святое Пекло, - задыхаясь проговорила убийца, - я не хочу, чтобы мне когда-нибудь пришлось это повторить. Мейз нахмурила брови и пробежалась руками по прутьям решётки. – Проклятье! Будь тут замок, я бы могла его вскрыть, но здесь даже двери нет! И что, Девять Кругов Ада, ты мне прикажешь с этим делать?

Мейз со злостью схватилась двумя руками за решётку и как следует её дёрнула. Препграда оказалась непреклонна.

- Тсс... - предупредила Джерико, - они услышат тебя!

Отвратительное лицо гуля, со свисающими с полуобнаженного черепа струпами кожи, было последним, что ей хотелось бы сейчас увидеть по ту сторону решётки. Стрелы и копья, которые вскоре бы последовали за этой напастью, были тоже вполне себе реальной перспективой.

- Ну и пусть, - пробурчала Мейз, но потом, к великому облегчению друида, стиснула зубы и придержала язык.

Джерико могла выдохнуть. Думать над тем, как выйти из сложившегося положения в смущающей мысли ледяной воде было той ещё задачей, но делать то же самое с взбешённой убийцей, кричащей ей в ухо, представлялось делом вовсе

невыполнимым. Её пальцы бессознательно потянулись к медальону. Небесный Пламень, что же ей теперь делать?

Глаза Джерико внимательно обследовали решётку. Вся конструкция, в сущности, представляла собой каменный колодец, проём, соединяющийся с подземной рекой и перегороденный решёткой, вероятно для защиты от не в меру отважных незваных гостей, вроде них самих. Фактически это было довольно бесхитрое сочетание металла и камня... Она держалась за решётку одной рукой, в то время как пальцы другой ощупывали необработанный камень вокруг. Пустившая росток в её голове мысль показалась ей настолько дикой, что она от всей души понадеялась, что она не спятила от холода.

- Мейз, приподними-ка меня, - потребовала Джерико.

- Чего?

- Просто сделай, что просят.

Вокруг её талии будто бы сомкнулось железное кольцо, и Джерико почувствовала над ухом дыхание Мейз.

- Поторопись, я долго тебя не продержу.

Нахмурившись, Джерико сжала в руке медальон и поднесла его к губам. Открывать его над водой она не решилась, к тому же она понадеялась, что ей не понадобится столько магических сил. Страх закрался в её мысли, путая их, да и холод не способствовал концентрации. Её свободная рука массировала камень по периметру решётки. *«Отец, камень, - звучало в мыслях Джерико, - проснись».* *«Пожалуйста, услышь меня».* Камень не был материалом, на котором она специализировалась. Его сложно было читать, ещё сложнее ему было угодить, а говорить с ним было сложнее всего.

Как раз в тот момент, когда ей показалось, что камень уже никогда ей не ответит и как раз тогда, когда она почувствовала, что руки Мейз обхватывающие её талию слабеют и убийца вытянула шею от напряжения, она почувствовала, как ответ духа, словно поток пламени, прошел через неё. Она погрузила пальцы в камень и вынула оттуда порядочную долю субстанции, в которую обратился камень. Она растёрла её между пальцами, и она рассыпалась, будто глина. Дрожь облегчения прокатилась по телу друида, и она похлопала Мейз по плечам.

- Можешь меня отпустить. Все, что нам теперь остаётся – это приподнять решётку. Она должна легко поддаться. По крайней мере сейчас.

Мейз окинула её оценивающим взглядом:

- Ты полезнее, чем кажешься.

Джерико не могла по достоинству оценить этот отпущенный Мейз комментарий. Её тело дрожало так, будто все внутреннее тепло было поглощено этим единственным заклинанием.

- Просто вытащи нас отсюда, - кое-как сумела произнести друид, стуча зубами на каждом слове.

Мейз кивнула и позволив воде сомкнуться над её головой, погрузилась на дно резервуара. Затем, мощно оттолкнувшись ногами, она вынырнула и изо всех сил нажала на преграду. Решётка поначалу сопротивлялась, но потом поддалась, с бульканьем вывернувшись из размягченного камня. Без дальнейших проблем Мейз сдвинула решётку в сторону.

Помогая себе ногами, Джерико дотянулась до проёма и погрузила пальцы в глину. Она, как и Мейз, чувствовала, как по ногам струится вода. Мучительно медленно она подтянулась ровно настолько, чтобы взглянуть, куда их занесло.

Белая, похожая на клык, башня была освещена единственным огоньком, который тлел, будто бы застрявшая в нём упавшая звезда. Это показалось ей странным: как дозоры генерала могли обходиться столь скудным освещением? Когда её глаза привыкли к полумраку, она смогла различить нескладные и бесформенные фигуры, скрючившиеся вдоль стен точно горгульи. Нежить не нуждалась в свете, равно как и в какой-либо пище, за исключением той, которой их потчует поле боя. Они были идеальными солдатами.

От звука шипящего дыхания волосы на затылке Джерико зашевелились; затем чья-то рука затащила её обратно в ледяную воду. Она услышала лязг металла о камень, сигнализирующий о том, что решётка была водружена на место – ну или почти на место. Пытаясь и пытаясь вырваться из хватки руки, вцепившейся ей в волосы, Джерико пыталась увидеть того, кто на неё напал. Взгляд тёмных глаз, встретивший её взгляд, будто бы предупреждал об опасности и она прекратила сопротивление. Рука отпустила её волосы и вместе с Мейз, Джерико взглянули вверх, сквозь рябющую толщу воды.

К ним стремительно приближалась бледная фигура. Конечности существа двигались неестественно быстро, хотя и без всякой претензии на изящество. Достигнув решётки, оно резко остановилось и, словно окаменев, застыло. Легкие жгло, Джерико начала паниковать. Друид чувствовала, что если она очень скоро не вынырнет, то не проживёт достаточно долго, чтобы погибнуть насильственной смертью. Когда стало казаться, что существо уже не пошевелится, оно вздрогнуло и рывком повернуло голову в их сторону.

Джерико подавила в себе ошеломлённый вздох, который свойственен людям, увидевшим нечто ужасающее, ведь то, что она узрела, без всякого сомнения, таковым являлось. Плоть на левой стороне лица чудовища сгнила, обнажив белые кости челюсти, в которой местами не хватало зубов. Разорванная кожа под глазницей светилась, будто красная слеза, поверх которой в пространство впивались два бесстрастных глаза, цвета скисшего молока. Совершенно равнодушно глядя в их сторону, это существо, облачённое в старую броню, свисавшую с него словно жир с костей, застыло над ними словно воплощение той, застывшей за решёткой жизни, которую они потревожили. Будь оно живым, Джерико могла бы поклясться, что это чудовище видело их, и что смерть уже простёрла над ними свою длань, но после очередного настойчивого требования лёгких наполнить их воздухом, такой же стремительной и неуклюжей походкой монстр удалился.

Снова оказавшись на поверхности, с жадностью, до боли в легких вдыхая воздух, Джерико позволила себе вздрогнуть. Она повернулась, чтобы поблагодарить Мейз, однако внимание той было занято чем-то другим. Оказавшись наконец в своей стихии, Мейз преодолела решётку, аккуратно отодвинув её, будто она скидывает с себя плащ, затем выскочила из воды и перебралась через край резервуара. Тишина и проворность с которыми она проделала эти манёвры говорили о её исключительной силе и контроле каждого движения своего тела. На какое-то время всё затихло и

Джерико уже стала размышлять, стоило ли ей следовать за спутницей, как из темноты появилась рука Мейз, и эта стремительная женщина помогла ей вылезти наружу.

Первым, с чем ей пришлось бороться, были накатывающие на неё волны зловония: сладковатый аромат разложения, резкий запах крови и животная мускусная вонь останков вороньего пиршества. Друид увидела медный отблеск на земле и её пальцы сомкнулись на поблескивающей железке – это оказалось медной монетой. Осмотревшись в поиске похожих, круглых предметов, она обнаружила, что весь пол был ими усеян и ещё чем-то, напоминающим листы бумаги. Броня, оружие и тела странным образом отсутствовали. Она могла их унюхать, но темнота не давала возможности кого-нибудь разглядеть.

Мейз хлопнула её по плечу и указала в сторону. Проследив за направлением пальца, Джерико увидела такую же бледную фигуру, которая не так давно стояла над ними. С трудом передвигая ноги, существо неумоимо патрулировало башню.

- Круги нарежает. Мертвяки, привязанные заклинанием к одному месту, предсказуемы как звёзды. У нас есть примерно тридцать ударов сердца, пока он не вернулся. – Мейз потянула её за руку. – Следуй за мной.

Двигаясь с кошачьей грацией, убийца встала и крадучись направилась вперёд. Взгляд её был прикован к маячившей впереди белой башне. Джерико изо всех сил старалась не отставать, но взгляд её то и дело падал на устилающий пол ковёр из монет, бумаг, пуговиц и останков. Что-то жуткое было в этих брошенных вещах – вещах, которые на взгляд мертвецов и их генерала, им больше не понадобятся. Она прошла мимо тёмной ленты, повязанной вокруг грязного локона волос, полу-съеденного дорожного пайка, теперь кишашего белыми личинками, дальше валялся серебряный медальон в форме сердца со сломанными петлями и выбитым стеклом, и сложенный в несколько раз эскиз женщины, смотрящей через плечо.

Она буквально заставила себя оторвать свой взор от этого зрелища и бегом устремилась к Мейз, чуть не врезавшись в неё от волнения. Убийца стояла, прижавшись к стене белой башни, точно падающая на неё тень. Бросив на Джерико сердитый взгляд, Мейз знаками показала, чтобы она следовала за ней. Стены замка были вырезаны из очень шершавого камня и когда она протиснулась вслед за Мейз, её одежда и волосы нещадно за него цеплялись.

- Почему эта тварь не попыталась тогда нас убить? – прошептала Джерико.

Между дверью башни и стеной была щель, толщиной примерно с палец. Бросив в эту щель вороватый взгляд, Мейз снова посмотрела в сторону резервуара, из которого они вылезли.

- Возможно, он подчиняется строгим правилам оживившего его заклинания, - прошептала Мейз в ответ. – Если, технически, мы не нарушаем условия, привязывающей его к этому месту магии, то ему и не нужно ничего предпринимать. Бьюсь об заклад, что его просто не проинструктировали на предмет того, что делать с людьми, найденными под цитаделью – прямо как в случае с нами, когда мы бултыхались в резервуаре.

- Откуда ты знаешь, что его не проинструктировали просто пойти и доложить генералу? - спросила Джерико.

- А я и не знаю, - ответила Мейз. Рот губы друида сложились в букву «О». – Вот как раз поэтому нам и стоит пошевеливаться.

В каждом изгибе тела Мейз читалось напряжение – от выступивших на её шею натянутых жил, до жесткого прогиба спины. Повернув голову к небу, Мейз закрыла глаза и достала из кармана что-то напоминающее молитвенное ожерелье. Теребя пальцами длинную нить с насаженной на неё бусиной, она прошептала что-то, что Джерико не смогла разобрать. Как раз в этот момент дверь башни открылась нараспашку и на пороге показалось ещё одно бледное создание. Этот экземпляр был увешан бронзовыми пластинами, а за пояс у него был заткнут почерневший от копоти меч, который тихонько скрежетал по камням, волочась за чудищем.

В момент, когда монстр прошел мимо, Мейз прыгнула к нему на спину, упёрлась в неё коленом и накинула на его шею шнурок – бусина оказалась точно в центре горла существа. Колено убийцы всё глубже погружалось в позвоночник твари. С ужасом Джерико наблюдала как Мейз, нажав коленом ещё сильнее, потянула шнурок на себя, валя на землю и забираясь верхом на извивающееся создание.

- Прикончи его! – велела Мейз, но та, к кому она обращалась, только непонимающе на неё таращилась.

Плоть существа, которое оседлала Мейз, отвисла, будто собираясь сбежать от своих костей, однако недостаток свойственной живым существам мускулатуры, казалось бы, никак не отражался на физической силе создания. Руки с жёлтыми когтями упёрлись в землю.

- Сейчас! – снова потребовала Мейз и в этот раз уже с ноткой паники в голосе.

Но Джерико стояла, как вкопанная, в то время как гниющий труп приподнимался и переворачивался под захватом Мейз, пока не оказался с ней лицом к лицу, сделав её импровизированную уздечку бесполезной.

Выругавшись, Мейз выпустила их рук шнурок с бусиной. Её руки скрестились и в них появился длинный нож, который она достала из заплечных ножен. Убийца откинулась назад, чтобы уклониться от нацеленных в её сторону пожелтевших когтей, покрытых мерзкой гнилью, и откатилась подальше от опасного создания. Освободившись от своей наездницы, бледное чудовище поднялось на ноги. Казалось, что атака Мейз не причинила ему никакого вреда, но в свете, падающем с верхних уровней башни, там, где раньше у существа была трахея, Джерико увидела только чёрный провал.

Создание открыло рот, как если бы собралось кричать, но единственным звуком, какой оно сумело издать, было бульканье. И тогда, его мёртвые глаза встретились с её и, дважды дёрнувшись, словно сломанная марионетка, монстр повернулся к ней. Джерико знала, что ей нужно было бежать, уклоняться, атаковать... сделать хоть что-нибудь, но этот холодный, бесстрастный взгляд пригвоздил её к месту. Подобрав под себя конечности, гуль прыгнул на Джерико, но страх её был столь велик, что она даже не нашла в себе сил закричать. Существо остановилось на расстоянии ладони от её носа, когда вспышка серебра прочертила на его горле влажную красную линию. Затем голова чудовища скатилась назад, а его тело рухнуло в сторону, задев дверь и оставив её качаться на петлях.

Тяжело дышавшая, Мейз поймала дверь и, всё ещё держа в руке окровавленный клинок, бросила на Джерико испепеляющий взгляд.

- В следующий раз, когда я скажу тебе что-то сделать – ты это сделаешь. Ты слышишь?

- Я... я не могу, - прошептала Джерико глядя на распостёртый, обезглавленный труп. Этот труп был чьим-то сыном. Он пытался убить её и, насколько ей было известно, мог снова попытаться. Она почувствовала, как желчь поднимается к горлу – таков был вкус страха.

- У тебя нет выбора, друид, - отрезала Мейз, сверкнув глазами. – А если не будешь делать, как я говорю, то не будет и шанса.

- Ты не понимаешь, - сказала Джерико. – Ты всё время убиваешь людей. Я так не могу.

Мейз вздохнула и жестом велела её следовать за собой в белую башню.

- Я понимаю, - сказала она, - даже больше, чем ты думаешь. Но ещё я понимаю, что они уже мертвы и ты, если не поможешь мне с ними справиться, закончишь тем же. К тому же, Джерико, ты дала слово. Где теперь твоя бравада о том, как мы положим конец войне?

- Я не думала, что всё будет... вот так... - сказала Джерико, но Мейз уже двинулась вглубь коридора, оставив её единственным адресатом собственных слов.

Прикусив язык и задвинув подальше свои опасения, она последовала за спутницей. Закрывая тяжёлую деревянную дверь, она обнаружила на обратной её стороне рисунок. На изображении были сломанные руки, сжимающие связывающую их красную ленту – символ Ильматера – бога милосердия. Создавалось впечатление, что раньше эта башня была храмом. Впрочем, здание, в стенах которого разгуливает нежить, едва ли могло сохранить в себе остатки божественной благодати.

Выбросив эти мысли из головы, Джерико повернулась к Мейз, которая к этому моменту уже добралась до конца коридора и знаками призывала её поторопиться. Джерико не нужно было просить дважды, и она, чуть ли не вприпрыжку, направилась вдогонку, не обращая внимания на неровный пол. Коридор, как и можно было ожидать от первого этажа башни, был коротким и выполнен из того же призрачно-белого камня, что и внешние стены. Картин в коридоре не было, хотя светлые пятна на стенах давали довольно точное представление о том, где они прежде висели. Самой пугающей чертой этого храма было его непроницаемое безмолвие. Идти по коридору было всё равно, что идти по гробнице – звуки, издаваемые живыми существами, в этих стенах звучали настолько же чужеродно, насколько чужеродной в этом царстве мёртвых была сама идея жизни.

Когда Джерико добралась до Мейз, безмолвие пришёл конец. Она думала, что это ей понравится, но то, что она услышала, встревожило её куда больше, чем та мёртвая тишина. Стены отражали звуки рыданий. Плач, сначала тихий, по мере того как они вдвоём, крадучись, подбирались всё ближе к источнику, становился громче. Коридор кончался арочным проёмом, ведущим в комнату, из которой лился свет и раздавался этот звук – первый звук, издаваемый живыми людьми, за исключением тех, которые производили они сами. Когда женщины подобрались ближе, Джерико сумела различить подсвеченную сзади коленопреклонённую фигуру. Бесформенность силуэта можно было списать на доспехи. Рыдания складывались в слова.

- Ильматер, прости меня, - голос мужчины был низким и хриплым от слёз. – Он страдает, чтобы другие могли жить. Пожалуйста...

Джерико видела, что его руки были сложены на подобии рук Ильматера, изображение которых она видела на двери башни.

- Я бы с радостью предал своё тело этому разложению, если бы ты этому не воспрепятствовал, - в голосе этого поражённого горем человека звучала горечь, почти обвинение. – Другого пути не было. Будь он старше, он по своей воле заплатил бы эту цену: жертва одного ради блага многих. Ты должен это понимать, - его голос наполнился отчаянием. – Почему ты покинул меня?

Ужас в душе Джерико вступил в борьбу с состраданием. Вне всякого сомнения, этот мужчина был семенем, отростки которого сеяли злодеяния. Следы большинства последствий Гниющей Войны тянулись к нему, к нему одному. И всё же, этот слуга Ильматера – паладин, судя по одеянию, потерял своего бога, потерял сына, потерял победу в войне. Всем, что он всё ещё мог потерять, была его жизнь и Джерико чувствовала, как руки Мейз чешутся, чтобы избавить его от этой ноши, но убийца держала себя в руках.

- Он говорит, как человек, который лишился веры, - сказала Джерико, теребя в пальцах свой медальон.

- Он говорит, как человек, который лишился разума, - ответила Мейз. – Никогда не сочувствуй врагу. Будешь этим грешить – никогда его не убьёшь.

- Я и не хочу его убивать, - ответила Джерико.

Однако Мейз уже пришла в движение и жестами проинструктировала Джерико следовать за ней. Повернув за угол и поднявшись по лестнице, они попали в узкий зал. Перед собой, примерно в двадцати шагах они обнаружили освещённую единственным факелом дверь. Это была старая деревянная дверь с потемневшими от времени петлями, но замок в пляшущем свете факела отливал яркой бронзой. Джерико была рада, что мольбы генерала, обращённые к его божеству, не были слышны сквозь пол и выражи лестничного пролёта.

- Превосходно, - прошептала Мейз. – Это то, зачем мы пришли.

- Откуда ты знаешь? – спросила Джерико.

- А что ещё ему прятать под замком? – Мейз подкралась к двери и ощупала пальцами механизм.

- Ты собираешься его вскрыть?

- Да нет же, Девять Кругов, - убийца бросила на друида раздражённый взгляд. – Я же не проклятый богами воришка! Чем ты слушала?

Вопрос был риторическим и нахмурившись, Мейз снова повернулась к запиравшему дверь механизму.

- Так что же...

- Просто сядь и заткнись

Мейз вынула из своей поясной сумки сосуд и направив горлышко в сторону от себя, откупорила его. Нижняя сторона этой пробки, была снабжена чем-то, на подобии стеклянной иглы, с кончика которой свисала капля прозрачной жидкости, переливающейся в пляшущем свете факела всеми цветами радуги. Затем, сорвавшись с иглы, капля упала на белый пол зала, въедаясь в него и оставляя за собой глубокую ямку. С величайшей осторожностью Мейз окунула иглу во флакон и поднесла её кончик к одной из сторон замка.

Дверь открылась настежь, ударившись о стену, и на пороге возник ещё один изломанный, бледный силуэт, облачённый в броню.

- Проклятие! – крикнула Мейз, выплёскивая содержимое сосуда прямо в лицо нежити.

Коридор заполнили пар и запах сжигаемой кислотой плоти под аккомпанемент отвратительнейшего шипения и бульканья растворяющейся кожи. Несколько моментами позже, лишенный лица монстр замертво повалился на пол. Мейз отодвинула его ногой. Это был ещё один гуль, сотворённый генералом. То, что он мог делать за этой дверью, было выше понимания Джерико – может, на страже стоял? – но её подозрения, касаясь того, что это здание является павшим храмом, укрепились.

- Ну что же, - переводя дыхание сказала Мейз, - это ещё один способ открывания дверей.

Отвесив шуточный поклон, убийца знаком пригласила Джерико войти в комнату.

Когда они вошли, им стало очевидно, что именно эта комната и являлась источником того света, который они видели снаружи. Из всех помещений белой башни, эта комната была единственной, которая была освещена в достаточной степени. Пол в комнате украшал красный ковёр, на стенах, везде, где только было возможно, висели картины, а свечи занимали все имеющиеся в комнате горизонтальные поверхности, заливая её мерцающим светом. Окно в дальнем конце комнаты было открыто, впуская внутрь прохладный бриз и выпуская наружу это пугающее сияние.

В центре комнаты стояла простая кровать, представлявшая собой стальной каркас, застеленный белым льном. Скорчившись, в этой постели лежал ребёнок, на вид самый несчастный из тех, которые когда-либо попадались Джерико на глаза. Светлая кожа мальчика была усеяна волдырями, словно веснушками и несмотря на то, что в комнате было прохладно, блестела от пота; исхудавшие, словно у скелета, пальцы почернели. Глаза его были закрыты, а потрескавшиеся губы покрыты запёкшейся кровью. Не в силах избавиться от плена горячечных снов, стоная, он вертелся и бился в своей постели.

Звук с шипением вдыхаемого воздуха предупредил Джерико о присутствии в комнате кого-то ещё. Быстро повернув голову в ту сторону, она увидела рыжеволосую женщину с испуганными серыми глазами. В руках её был молоточек, который был уже в считанных дюймах от гонга.

- Мейз! – крикнула Джерико.

В воздухе мелькнула серебряная вспышка и рука женщины взорвавшись снопом кровавых искр, оказалась пригвождённой к стене. Толстый ковёр поглотил звук падения выпавшего молоточка. Она открыла рот, чтобы закричать, но рука Мейз нашла путь в её рот быстрее.

- Во имя Богов, Мейз! Ты могла бы просто выбить из рук молоточек.

Джерико поспешила к своей спутнице и осмотрела нож и созданную им рану. Пальцы женщины побелели от напряжения, а капающая на ковёр, толчками вытекающая из раны тёмно-красная кровь, свидетельствовало о сильном повреждении. Если не обработать эту рану быстро, женщина могла лишиться кисти, впрочем, даже обработка не давала гарантии, что рана не воспалится, а привело бы к ещё большим потерям.

Комментарий Джерико заставил Мейз закатить глаза:

- Я убийца, помнишь?

Джерико выпрямилась и посмотрела рыжеволосой женщине в глаза.

- Если Мейз вытащит руку из твоего рта, ты обещаешь мне, что не станешь кричать? – спросила Джерико.

Женщина кивнула, из глаз её лились слёзы.

- И с чего бы мне, Девять Кругов Ада, это делать? – сердито спросила Мейз, повернувшись к спутнице.

- Тсс... Просто доверься мне в этом, - взмолилась Джерико. – Мы же партнёры, помнишь? Ну давай, убери руку.

Мейз ещё какое-то время испепеляла Джерико взглядом, но всё же с неохотой вытащила свою руку изо рта своей жертвы и вытерла её о свою жилетку. Женщина вздохнула с облегчением.

- Не заставляй меня об этом пожалеть, - сказала Мейз и отошла, чтобы лучше осмотреть мальчика. Джерико бросила на неё взгляд, а потом повернулась к женщине, в чьих глазах отражалось большинство пережитого ей в этот день ужаса.

- Ты ухаживаешь за мальчиком? – спросила Джерико. Одной рукой она взялась за рукоять ножа, а другой придерживала края раны. Женщина кивнула и закусила губу. Джерико потянула нож; с мокрым, чавкающим звуком, клинок вышел из раны. На губе женщины выступила кровь, сама она покачнулась, но не закричала.

- Я не могу его исцелить, - сказала женщина слабым от боли голосом.

- Тсс... Никто тебя и не просит, - сказала Джерико, ощупывая разорванную плоть на её руке. Рана была глубокой, и даже после магического исцеления прошло бы ещё немало времени, прежде чем к кисти вернулась полная подвижность. – А теперь, скажи мне, кто ты? Ты служительница Талоны?

При мысли о богине болезней, во взгляде женщины проскользнуло выражение ужаса. Джерико посчитала это хорошим знаком.

- Я поклоняюсь Ильматеру, также как это делает... как это делал генерал, - ответила женщина. Она судорожно и шумно вдохнула, когда Джерико, держа в одной руке свой амулет, погрузила кончики пальцев другой в её рану. – Меня зовут Калмия. Я травница. Генерал держит меня потому, что без его содействия я не могу ни сделать блага, ни причинить вреда. – Когда с кончиков пальцев Джерико сорвались золотые вихри целительной магии и заставили края её раны закрыться, Калмия закрыла глаза от облегчения. Хотя исцеление и не было полным – у неё всё ещё должен был остаться уродливый шрам и должна была пройти пара дней, чтобы в руку вернулась чувствительность, но всё же этого было достаточно, чтобы избежать болезни и спасти её от участи калеки. – Он даёт мне столько трав, сколько хватит на поддержание жизни в своём сыне – количество, которого недостаточно ни чтобы полностью его излечить, ни чтобы покончить с его страданиями.

- Что же за человек способен делать такое с собственным сыном? – вопрос Джерико был обращён скорее к миру, чем к рыжеволосой женщине, которая стояла, глядя на свою исцелённую, но всё ещё обескровленную руку так, будто она отказывалась ей подчиняться. Пальцы подёргивались, но до конца не сгибались.

- Генерал не любит проигрывать, - сказала Калмия, давая наконец отдых своей руке, которая тут же безвольно повисла.

- Больше похоже на то, что он не может понять, что уже проиграл, - отрезала Мейз, но в её глазах, глядящих на измождённого мальчика, было что-то, отдалённо

напоминающее мягкость. Её руки, заворачивающие ребёнка в его льняные простыни, двигались практически сами по себе.

- А ты можешь... - начала Калмия, посмотрев сначала на свою руку, а потом снова на Джерико, но друид покачала головой.

- Нет, прости. Но я доставлю его к тому, кто сможет, - ответила Джерико. В глазах травницы появился страх. - У генерала Рета нет ничего против сына генерала Аррабара. Он послал нас, чтобы мы спасли его.

Глаза Калмии закрылись и, откинув голову, она прислонилась к стенке. От нерешительности черты её лица стали жёсткими, пока найденное решение, словно смягчающий бальзам, не заставило их разгладиться. Когда её серые глаза открылись, в них уже не было ни толики сомнения.

- Тогда заберите его, - сказала она, - но вам надо поторопиться. У генерала есть привычка навещать своего сына после вечерней молитвы и перед тем, как лечь спать.

- Уж мы тебя опередим, - сказала Мейз.

Джерико оглянулась и увидела, что Мейз уже закончила заворачивать мальчика в его простыни и теперь несла его к окну. Если генерал вернётся и увидит, что его сына нет, то вероятнее всего Калмия станет ещё одной бессмысленной жертвой неуместного упорства генерала. Это было не честно. Калмия и без того уже много выстрадала, заботясь об этом мальчике.

- Ты должна пойти с нами, - выпалила Джерико, оглядываясь на Мейз, которая оставила обёрнутого в простыни ребёнка у окна, и сама выбралась наружу. - Генерал будет в ярости. Мы можем защитить тебя.

- Нет, я не могу.

- Почему?

- Просто не могу, - заламывая руки, сказала Калмия. Джерико хотела продолжить убеждать её, но почувствовала, как Мейз, выглядывая из окна, буравит её недобрым взглядом. У них было мало времени. - У него мой брат, - прошептала Калмия. - Мой брат... он всегда был рядом. Он защищал меня. Даже когда война обернулась крахом и его отозвали. Теперь моя очередь защищать его. - Тёмные глаза травницы встретились с глазами Джерико. - Я не могу просто взять и оставить его.

Джерико смягчилась:

- Тогда возьми вот это, - сказала она, отцепив от ремня узловатую волшебную палочку цвета слоновой кости. Джерико протянула предмет дрожащей травнице. Вид у Калмии был такой, будто бы она не хотела принимать предложенное, так что друид добавила: - Для самозащиты.

- Я не стану её использовать, - пообещала травница, но её пальцы сомкнулись на волшебной палочке.

Уверенная в том, что если возникнет необходимость, женщина воспользуется палочкой, Джерико подбежала к окну. Мейз только что спрыгнула на землю и протянула руки, чтобы принять мальчика. Упершись ногами в оконную раму, Джерико передала завёрнутого в простыни мальчика в ожидающие руки Мейз. Затем, бросив один последний взгляд на травницу и теперь уже опустевшую комнату больного, она выскользнула следом.

* * * * *

Пепел, словно снег, падал с обугленных деревьев вокруг цитадели и, гонимый бризом, висел в воздухе серой зловонной вуалью, мешая и дышать, и различать дорогу одновременно. Болезненная зелень волшебных огней мерцала в штормовых облаках, предвещая скорую бурю. Вооружённые люди стояли достаточно неподвижно, чтобы их можно принять за статуи. Их броня была покрыта сажей, чтобы соответствовать окраске этого леса. Ночь была тихой, если не считать звуков горна, эхом разносящихся из разрушенной цитадели.

Это предупредило их: он приближался.

Джерико и Мейз стояли рядом с мальчиком, которого они спасли и рядом с мужчиной, к которому они его привели – генералом города Рет. Их задание было почти выполнено. Оставалась только последняя его стадия, самой сложной частью которой было выжить самим, а самой простой – сохранить жизнь спасённому ребёнку.

Мальчик, всё ещё укутанный в льняное бельё, лежал на простой койке. Навейное болезнью забвение не отпускало его. Вокруг него, словно сиделки, ухаживающие за больным, стояли чёрные деревья, прямо за ним, приставив к его горлу длинный и тонкий, будто хирургический инструмент, нож, стоял генерал.

Напряжение, с которым они ждали, было сопоставимо с тетивой натянутого лука, направленного на ворота разрушенной цитадели.

Генерал Аррабара выскочил из этих ворот словно лев, его потрёпанная золотая грива развевалась на ветру подобно боевому знамени, а его одержимые зелёные глаза сначала остановились на сыне, а затем и на человеке, который стоял над ним. Лицо его было измождённым; его грехи оставили на его плоти такое же глубокое клеймо, как на его душе. Он всё ещё носил доспех Ильматера, а поверх него белую накидку с изображением связанных лентой рук, однако из-за грязи, некогда белое стало скорее коричневым, а сам доспех покрывала ржавчина.

Из ворот хлынули искривлённые, бледные фигуры, обвешанные остатками бронзовых доспехов, и выстроились вокруг Аррабарского Льва на подобие почётного караула из нежити. Заняв свою позицию, они остановились как вкопанные, не двигаясь и не дыша.

Генерал города Рет приставил кончик ножа к ярёмной яме на шее мальчика и на нём, словно пот, выступила капелька крови. Мальчик закричал, но Джерико не знала, от боли ли, или же то было следствием терзающих его снов, навейных болезнью.

- Стой! Не убивай его, Тайс! – лицо и голос генерала Аррабара исказились от горя.

- Назови же мне причину, по которой мне не следует это сделать, мой старый друг, - сказал Генерал Рета. Он повернул кинжал, чтобы продемонстрировать его рубиновое сияние. – Он, вне всякого сомнения, уже достаточно настрадался.

- Это то, чего она ждёт, - ответил Генерал Аррабара. – Моя сделка с Талоной будет расторгнута в тот самый момент, когда он выскользнет из её хватки, будь то смерть или новая жизнь. Если ты убьёшь моего сына, то гули больше не будут мне подчиняться, война будет проиграна, а всё мои страдания окажутся тщетными. Ты понимаешь меня? Страдания мальчика окажутся напрасными.

Генерал Аррабара стоял, протянув к сыну руку, будто одна только его воля могла остановить нож. Тайс, Генерал Рета, взирал на него без эмоционально, будто живой мертвец.

- Паладин Ильматера заключает сделку с Госпожой Ядов? Жертвует своим сыном и ради чего? Ради ещё одного шанса привести Рет и Хлат к повиновению?

- Чтобы не дать нашему королевству развалиться, - поправил генерал Аррабара. Тайс покачал головой.

- Я не убью твоего сына, Доминик, - сказал он, вложив клинок в ножны. – Тут ты и сам постарался.

В тот же момент, когда нож больше не угрожал его сыну, последний след мольбы покинул лицо Доминика.

- А теперь..., - сказал похожий на льва генерал, опуская простёртую руку и обнажая меч. Рой гулей, словно туча пауков, устремился вперёд, перелезая через разрушающиеся стены цитадели и через своих собратьев. Вернувшая им жизнь магия придавала тварям нечеловеческую скорость.

Из леса, со щитами наперевес, хлынули солдаты. Чтобы противостоять надвигающейся орде, они сформировали вокруг генерала непроницаемую стальную стену. Повинуясь его жесту, Мейз и Джерико поспешили занять свои позиции: Мейз охраняла мальчика, а чуть позади, до побелевших костяшек сжимая один из ее кинжалов, расположилась Джерико, отчаянно озиравшаяся в поиске гулей, которым могло взбрести в голову обойти их защиту. Без какого-либо ущерба для себя, тела гулей градом посыпались на выставленные живыми щиты, оценивая их, но строй людей был крепок. Джерико слышала, как Генерал Аррабара отдал приказ, а в ответ бледные пальцы, оканчивающиеся длинными, пожелтевшими когтями, схватились за верхушки щитов и в образовавшийся между ними зазор хлынули алчущие плоти взгляды.

Тайс стоял спиной к Джерико, склонив голову под дождём из пепла, словно неся траур по смертям, которые должны были случиться. Черты его лица были покрыты мягкими каштановыми волосами, а плечи отведены назад. Затем, его руки метнулись в стороны – расставленные словно клинки пальцы впились в кору стоящих вокруг них на страже почерневших деревьев.

Темнота сочилась из обугленных деревьев и из его кожи, проливаясь на землю и вниз по телу, как смола. Его люди приободрились, когда волны ночи достигли их, гули же заверещав, стремительно отступили от стены щитов, не желая угодить во всё расширяющееся, чёрное как эбонит, море. Впрочем, оно всё равно их настигло. Голова Тайса откинулась назад, его глаза горели как две звезды, а от земли отделились роящиеся тени, которые, кружась вихрем, становились всё гуще, до тех пор, пока всё вокруг не окрасилось в оттенки чёрного.

И тогда стена щитов разомкнулась и двинулась вперёд. Битва началась по-настоящему.

Вспышка света вырвалась из генерала Рета, и на миг даже тени перестали существовать. Джерико увидела солдат, накалывающих гулей на своё оружие, видела гулей, в свою очередь вырывающих им глаза своими длинными пальцами. Мейз, припав на колено и оставив другую ногу в сторону, водила обагрённым кровью клинком вокруг себя. Генерал Рета, словно хищная птица, обрушился с небес, нацеливая свой пылающий клинок на паладина Ильматера, который сумел вовремя поднять меч для парирования. Тёмный генерал приземлился, а паладин использовал

энергию отражённого удара, чтобы развернуться и атаковать открывшуюся спину противника.

Когда уже казалось, что клинок неминуемо рассечёт генерала Рета пополам, тот совершил кувырок назад и снова оказавшись на ногах, нацелился на незащищённую шею Аррабара, но паладин, шагнув вперёд, впечатал рукоять своего меча прямо в лицо врага. Голова тёмного генерала откинулась, и он, извиваясь всем телом, потерял равновесие. Добротный пинок, всаженный в рёбра командующего Рета, уложил его на землю. Преследуя его, Аррабар сделал выпад, его меч был поднят для смертельного удара. Лицо его предполагаемой жертвы прорезала улыбка и волна тьмы накрыла поле битвы, погружая его и окружающий лес во мрак.

Заполнившие воздух звуки смерти и лязг металла о металл были подобны симфонии плача. Джерико почувствовала, как что-то пролетело мимо её уха, а моментом позже влагу и жалящую боль, будто кричащую, чтобы она была осторожнее. Она упала на землю и попыталась нащупать дерево, тело, что-нибудь за чем можно укрыться. Когда сияние снова осыпало всё вокруг бриллиантовыми искрами, из дерева позади неё торчал шлем, помеченный её кровью, а у ног лежала голова, которой он принадлежал.

Мейз крикнула. Звук её голоса почти потонул в шуме битвы, но всё же Джерико услышала его и подняла лицо. Бледнокожий гуль вскарабкался на лежащую навзничь Мейз. Её руки, каким-то образом оставшиеся без оружия тянулись к Джерико и их взгляды, в коих можно было увидеть равные доли ужаса встретились. *«Помоги мне»* - произнесли губы Мейз. Рука Джерико, вцепившаяся в нож, страшно пульсировала. Стиснув зубы и заставляя свои дрожащие ноги слушаться, Джерико, спотыкаясь, побежала через заваленное трупами поле на защиту Мейз. Она обрушилась на гуля градом ударов. Её рука двигалась вперёд и назад, погружая нож в плоть чудовища; в тот момент она и помыслить не могла о том, чтобы целиться или выбирать угол атаки. Белая кожа гуля покрылась кровавыми ранами и шипя от боли, монстр развернулся, чтобы встретить новую угрозу. Увидев, что длинные жёлтые когти угрожают уже ей самой, Джерико открыла рот, будто бы собиралась закричать и выронила оружие. Но затем Мейз оплела захватом колени гуля и существо повалилось, как срубленное дерево. Гибкая убийца ловко вскарабкалась вверх по его телу, чтобы отсечь голову. Она занесла клинок и тогда, тьма снова затянула поле битвы.

Джерико пошарила вокруг, в поисках оброненного ножа и, подобрав, сжала его гудящими с непривычки руками. Джерико и Мейз, спиной к спине, вжавшись друг в друга, выставили перед собой клинки, без разбору атакуя всё, что приближалось к ним, не излучая тепла. Она нанесла один удар, потом другой, третий и ей оставалось лишь молиться богам, чтобы это действительно была нежить. Когда мокрые и влажные пальцы перестали тянуться в её направлении, она всё ещё сидела, низко пригнувшись к земле с дрожащим в руках клинком и, до боли напрягая слух, пыталась услышать приближение нападавших.

Но больше никто не нападал. Непрерывный лязг стали всё уменьшался до тех пор, пока звуки сражающейся пары не остались единственными. Тогда Джерико почувствовала, как что-то пролетело мимо её головы, услышала, как оно упало на землю и звуки битвы затихли. Зловещую тишину нарушали лишь звуки шаркающих

по ливне ног и её бешеного, отдающего в ушах сердцебиения. Она отчаянно надеялась, что это не было знаком того, что они с Мейз остались единственными на этом поле битвы, живыми созданиями.

Джерико испугано вздохнула, когда вспышка бриллиантового сияния, источником которой был генерал Рета, окунула сражавшихся в неестественное свечение. Руки укутанного тенями человека сомкнулись вокруг Аррабарского генерала. Обезоруженный, паладин впился ногтями в лежащие на его щеках, почти что с благоговением, руки, которые хоть и покрылись кровью, но держали, как каменные. На руках тёмного генерала поблескивал пот, а под кожей его противника, разными оттенками синего, проступили вены. Они стояли, замерев в такой позе настолько долго, насколько Джерико могла затаить дыхание.

Кожа генерала Аррабара натянулась и стала серой и тогда, закатив глаза, он выкрикнул «Пощады!» И генерал Рета убрал руки.

От облегчения Доминик Аррабарский рухнул на колени и склонил голову. Тайс, чтобы добавить себе устойчивости, оперся рукой о ближайшее дерево; его грудь тяжело вздымалась и дрожала. Слепляющий свет и тьма начали растворяться, пока не осталось лишь зловещее сияние шторма.

Бледные трупы, оружие, оторванные конечности заваливали землю, образуя гротескный сад, цветами в котором были стрелы и кровь. Ни один гуль не пережил эту битву и только горстка солдат Рета погибла. Им даже не нужно было убивать Генерала Аррабара, чтобы добиться его сдачи – только тех, которого он похитил у царства смерти.

- Прости меня, друг мой, - сказал Доминик, глядя вверх, в глаза друга. Тайс взирал на него с жалостью, но взгляд паладина поднялся выше, устремившись в небеса. – Ильматер, прости...

Разряд молнии расколол небо и устремился вниз, прямо в голову коленопреклонённого генерала. Из его шлема взвились языки дыма, а пустые глаза посмотрели вверх. И тогда второй разряд угодил в тоже место, куда и первый, и Доминик завалился назад; его кожа растрескалась внутри металлической оболочки его доспехов. Грянул третий разряд, за ним четвёртый, пятый, сотрясая небо громом и вспышками молнии, заставляя маленькую металлическую фигурку, распростёртую на земле дёргаться в диком танце.

Когда дым, наконец, рассеялся, из-под шлема Генерала Аррабара искоса смотрел обугленный скелет, а его доспехи были так искорёжены, что едва ли в них можно было узнать броню жреца Ильматера.

- Смотри, - сказала Мейз, указывая на вход в цитадель. В дверном проёме, всё ещё держа в руках вытянутую волшебную палочку, стояла Калмия. К узловатому магическому предмету тянулась струйка дыма. То была та самая палочка, которую дала её Джерико. Тайс поднял свой тяжёлый взгляд на стоявшую в дверях женщину.

- Схватить её, - скомандовал он и повинувшись его жесту, двое солдат устремились к женщине. Один схватил её за руки, а другой отобрал волшебную палочку. Она не сопротивлялась, но её горящий злостью взгляд не отрывался от дымящегося тела её бывшего хозяина. Тайс наблюдал, как двое его людей делают своё дело.

В руках Тайса блеснули две монетки. Преклонив колени, он положил по одной в каждую почерневшую глазницу генерала.

- Прощай, друг мой, - сказал он и встал. – Ты силился обуздать тьму внутри себя, заморив её голодом, но вместо этого, в конце концов, она поглотила тебя, - Тайс покачал головой и оторвал взгляд от скалящегося скелета. – Скверная смерть для последнего паладина Ильматера.

Джерико не могла оторвать взгляд от Калмии.

- О, Калмия, - сказала она. Женщина сказала ей, что не смогла бы ей воспользоваться даже для самообороны. Значит это было ложью? Калмия смерила её взглядом, от которого у неё мурашки побежали по коже.

- Ты видела, что он сделал со своим сыном, - сказала Калмия. Она опустила глаза и обвела взглядом трупы гулей, лежащие вокруг, а когда снова подняла их, в её взгляде была решимость, придавшая ему стальной блеск. – Если бы Рет хотел покончить с ним, то вы двое сделали бы это ещё до того, как мы встретились. Я не могла пойти на риск и дать ему возможность ускользнуть от правосудия.

Джерико безотрывно смотрела на Калмию, пока солдаты связывали руки травницы за спиной и после увели её в сторону караванных телег. Травница удерживала этот взгляд и оглянувшись через плечо тоже смотрела на Джерико, до тех пор, пока они уже не могли видеть друг друга через переплетение веток и листвы. Джерико оторвала свой взгляд от тропинки, по которой ушли солдаты, только почувствовав, что кто-то тянет её за рукав.

- Никогда не сочувствуй врагу, - мягко сказала Мейз. Она сунула в руку Джерико мешочек с монетами. – Твоя половина вознаграждения.

- Верно, - сказала Джерико. Один момент Мейз просто смотрела на неё, а потом обняв её одной рукой за плечи, пошла в сторону леса, поддерживая и направляя спутницу.

- Пойдём. Время вернуться домой.

* * * * *

В первую же ночь, проведённую в пути, генерал Рета отпустил Калмию. Он сказал, что по закону не мог позволить ей действовать таким образом, но он понимал, что война – и тем более справедливость – выше закона. Потом, его серые, цвета штормового неба глаза, заволокло странное облако, и он сказал, что ему жаль слышать о том, что произошло с её братом.

Этот странный облик, который принял генерал, почти заставил её вывалить всё, что было на душе. Если и существовал человек, который мог бы понять её действия, то это, конечно, был он. Но страх перед ним сдержал этот готовый излиться поток и, пробормотав слова благодарности, она ушла, направившись обратно в развалины твердыни, приютившейся в лоне леса Чондал.

Когда она вновь прибыла в цитадель, утро успело наступить и закончиться, но она не останавливалась до тех пор, пока не достигла двери на самой вершине белой башни. Достав из кармана бронзовый ключ, она отперла замок и отступила. Дверь открылась настежь и на неё двинулся бледный силуэт гуля, которого она заперла в комнате мальчика. Его жёлтые когти были сильно сточены от того, что он постоянно царапал древесину, а тело изломано от частых попыток выломать дверь. Но у этого существа была душа, чего нельзя было сказать о подобных ему.

Дойдя до неё, он остановился и застыл, как вкопанный. Ноздри – два разрыва в потрёпанной и обвисшей плоти – шевельнулись. Не притронувшись к ней, чудовище обнюхивало её, начиная от ступней и дальше всего останавливаясь около шеи, за ухом, пробуя запах её волос. По её коже бегали мурашки, но она стояла спокойно, ища взглядом мёртвые глаза гуля, а когда нашла, то признаки сохранившейся власти паладина. Глаза гуля были пустыми. Теперь он был свободен, не помыкаем ничьей волей – ни человека, ни бога.

Должно быть с помощью магии, генерал Рета сделал то, что ей не удавалось с помощью трав - вылечил сына паладина. Изгнание мора Талоны из тела мальчика, разрушило заключённый с ней договор. Будь это не так, гуль бы всё ещё рвался к своему павшему хозяину, в соответствии с последними приказами. Приказами, которые она не позволила ему выполнить.

- Брат, - прошептала Калмия. Она протянула руки, но не дотронулась до него. Гуль смотрел на неё безэмоционально, как всегда. Талона предупреждала, что так оно и будет. Её простёртые руки упали. Но всё же, эта месть стоила того. – Пойдём со мной. – Она никогда не простит генералу Аррабара того, что он сделал, но и разрушить то, что он создал, было выше её сил. Вместо этого ей придётся начать новую жизнь, такую, в которой будет место её мёртвому брату.

- Мы идём домой.

ЧЁРНАЯ СТРЕЛА

Брюс Р. Корделл

*11й день Тарсака, год Рассветного Танца (1095 по летоисчислению Долин)
Саршел*

Достопочтенная Мадам Феор,

Я услышал отчёт о последней битве за Саршелскую Стену, а именно об отваге, проявленной вашим сыном Джотаромом Феором, чьи деяния в значительной степени поспособствовали победе Саршела. С сожалением сообщаю вам, что ваш сын погиб, храбро неся свою службу.

Я знаю, насколько опустошающими для вас являются эти жестокие слова, что приносят вам известие о столь немыслимой утрате, но знайте, что я и воссоединённый Импильтур благодарим вас за ту драгоценную службу, что он для нас сослужил.

Да уменьшат Тир, Торм и Ильматер печаль ваших горестей, оставляя лишь светлые воспоминания о вашем сыне. И да даруют они вам торжественное достоинство и умиротворение в качестве платы за вашу великую жертву, взятую без дозволения, жертву, которая не позволила Саршелу пасть под ударами врага и которая всё ещё может поставить точку в Годах без Монарха.

*С уважением, искренне Ваш
Импрас Хелтарн*

* * * * *

Обломки камней хрустели под сапогами Джотарама Феора, в то время, как он устало плёлся по разбитой и будто бы покрытой ранами земле.

Глаза Джотарама с сочувствием оглядывали местность. Его взгляд скользнул мимо изрядно потрёпанной, покрытой выбоинами стены, окружавшей город Саршел – его дом. Невидящим взглядом юноша смотрел на землю, словно шрамами, покрытую следами месяцами пребывающих на ней армий, стремительных стычек и вызванных заклинаниями пожарищ. Никогда прежде он не встречал массовых захоронений, поэтому курганы земли, то тут, то там насыпанные поодаль, ни о чём ему не сказали.

Мысли Джотарама неминуемо витали вокруг войны. А когда, собственно, было по-другому? С тех пор, как орда хобгоблинов спустилась с горных хребтов Шпилей Гигантов, городом правила анархия. Армии гоблиноидов прокатились по всем окрестным землям, но разорить Саршел оказалось им не по силам, и они устроили осаду.

Лишь солдаты отваживались выходить за пределы защитных бастионов города.

«Ну и я вот тут обретаюсь», - думал Джотарам. «Хоть присягу ещё не принимал, но всё равно в кольчуге».

В его видавших лучшие времена ножнах даже был меч из оружейной Саршела. Он расхаживал за пределами стен, словно неся караульную службу, так, будто бы он и в самом деле поклялся защищать всё, что укрывалось за этими толстыми стенами.

Джотарам похлопал по сумке посыльного, надетую через его правое плечо. Эта сумка и была причиной этой вылазки и была набита приказами для солдат передового охранения - северного бункера.

Юноша улыбнулся увядавшему сиянию. Солнце зависло на зубастых пиках гор Земной Шпоры, словно бы тоже улыбалось в ответ. Джотарам вынул из ножен выданный для выполнения задания меч и, подставив под закатные лучи, смотрел, как золотой свет переливается на стали. Он воображал, как разит этим мечом спасающихся от его гнева совершивших налёт хобгоблинов.

- Мой клинок не будет вложен в ножны, пока не найдёт сердца захватчика, - похвастался он. – Теперь, когда я ступил на поле битвы, ваши дни сочтены!

«Теперь, когда я *наконец-то* вступил на поле битвы...» - мысленно поправил юноша свою браваду.

Его друзьям было дозволено сражаться и защищать Саршел. Но не ему. Дело было не в страхе и даже не в недостатке определённой боевой сноровки, но в его матери.

Будучи женщиной аристократического происхождения и обладая соответствующими связями, она попросила военных отклонить его заявление. Даже несмотря на то, что Саршел испытывал острую необходимость пополнить редющие ряды своих защитников, они сочли своим долгом выполнить эту просьбу.

При мысли о том, что пока он сидел со своей матерью за стенами, в безопасности, его друзья становились облечёнными наградами и уважением защитниками Саршела, его пальцы непроизвольно стиснули рукоять меча.

А теперь, война была уже почти что выиграна... и без его участия.

На помощь Саршелу пришёл Импрас – великий военачальник. Он уже был здесь, а с ним и легион верных воинов, лучников и боевых магов. Импрас был живой легендой. В тавернах болтали, что отряды, которыми он командовал, никогда не знали поражения на поле битвы.

Возможность Джотарама проявить свою храбрость защищая Саршел развеялась как дым, не оставив юноше ни единого шанса; всего за два дня Импрас прорвал осаду и обожаемый всеми, под звуки фанфар, был принят в городе.

Появилась надежда на долгое время выпроводить хобгоблинов из этих земель. Поговаривали, что если бы ему это удалось, его бы сделали королём.

Разумеется, это было бы замечательным событием, но Джотарам никак не мог отделаться от чувства обиды и горечи от того, что его амбиции сходили на нет.

Улыбка сошла с лица подростка, и он пнул обгоревший осколок каменной кладки. Станный запах заставил его нос сморщиться. «Сера? Или адское пламя, которым пользуются гоблины-шаманы?» - задался он вопросом.

Эта вонь напомнила Джотараму, что, в конце концов, он находился за пределами городских стен без благословения своей матери, которая, ясное дело, находилась в неведении насчёт этой его вылазки. Никто не мог отрицать, что некая опасность здесь всё же присутствовала.

Он кивнул сам себе. Прорыв осады, осуществлённый Импрасом, не поставил точку в вопросе об угрозе хобгоблинов. Несколько разрозненный орд разорили Восточный Предел, и больше чем несколько разъярённых отрядов гоблинов ещё оставались вне поля зрения. А что, если они прямо сейчас стягивались к Саршелу чтобы возобновить осаду?

Солнце, наконец, полностью скрылось за западными пиками. Холодок коснулся загривка Джотарама.

Сгущающиеся сумерки напомнили ему, что для путешествия за пределами городских стен, требовалась храбрость, свойственная лишь истинным войнам. Таким, как он!

Восхищение предстоящим приключением загорелось с новой силой, когда его пальцы пробежались по звеньям его кольчуги.

Этим же днём, ранее, удача застала его в правильное время и в правильном месте. Обычно, он разносил корреспонденцию между купеческими домами в самом сердце города.

Этим утром не явился очередной посыльный от гарнизона. Других доступных курьеров, чтобы осуществить срочную доставку на окраину города, не было. Джотарам вызвался добровольцем. Несмотря на то, что гарнизон находился существенно дальше обозначенных его матерью границ, диспетчер одобрил ему доставку этого сообщения. А почему бы и нет? Ведь здесь же Импрас!

Получив задание, Джотарам стрелой пролетел через весь Саршел, чтобы доставить документ. Он с такой скоростью и рвением доставил кожаную курьерскую сумку лейтенанту гарнизона, что тот тут же похвалил его перед своим капитаном.

Капитан, впечатлённый результатами работы Джотарама, попросил его отнести вечерние приказы солдатам, удерживающим позицию в северном бункере. Капитан не был в курсе существующих относительно Джотарама запретов, и того, что

отправлять его за пределы Саршельской Стены было табу. Впрочем, в планы Джотарама и не входило просвещать его на этот счёт. Юноше выдали оружие и доспех.

«Ну и вот он я» - подумал он.

Будет ли ему позволено сохранить одолженное снаряжение после выполнения задания? А что если...

Раскалённый, пылающий огненный шар словно бы выпрыгнул из-за стоящих вдали деревьев. За пылающей сферой тянулись тоненькие струйки дыма, похожие на тлеющих, пожирающих собственные хвосты змеек.

Все мысли улетучились. Глаза Джотарама неотступно следовали за пылающим шаром разрушения; вот описав арку, он, взмыл в воздух, замедлился и, снова наращивая скорость, устремился к земле. Что это, сигнал? Может быть какое-то заклинание предупреждения? Или...

Падая, огненное сияние врезалось в западную стену Саршела, вызвав взрыв, от которого из неё брызнули разбитые камни, а земля под ногами юноши задрожала. Осколки поцарапали щеку Джотарама, но его собственный крик потонул в рычании пламени и грохоте камней.

Ещё три светящиеся точки вылетели из-за деревьев, каждая описывая дугу и замедляясь, словно намереваясь взглянуть на Саршел с высоты птичьего полёта. Когда и их траектории на излёте тоже устремились к Саршельской стене, Джотарам, наконец, осознал: Саршел атакован.

* * * * *

Северный бункер представлял собой серию траншей, тянувшихся параллельно северной стене Саршела. На западном конце укрытия расположился каменный блокгауз. Сам блокгауз был маленьким, по внешнему виду напоминавшим коробку зданием, частично зарытым в землю.

Джотарам со всех ног бежал вдоль западной стены в направлении блокгауза. Дыхание его было тяжёлым и причиной тому был не только бег – его подгонял слепой страх. В сгущающемся мраке он не мог достоверно определить расстояние, которое ему нужно было преодолеть; ориентира в виде вспышек из бойниц блокгауза было недостаточно. Сколько ещё оставалось? Сотня футов? Тысяча? Все его мысли были несвязными и ускользающими.

С запада донеслись грубые, резкие звуки рогов. Им вторило низкое рычание, стремительно перерастающее в боевой клич тысяч незримых голосов. Голосов хобгоблинов.

Какая-то фигура бросилась наперерез Джотараму. Юноша споткнулся, а фигура вскрикнула. Гипнотическая связь, не дававшая его глазам оторваться от вспыхивающих огней блокгауза разрушилась, и он тяжело рухнул лицом вниз.

Джотарам поднялся на ноги. Он что, споткнулся о потерявшегося ребёнка? Он обернулся посмотреть. Нет, то был не ребёнок...

С расстояния трёх футов на него злобно глядело существо ниже него, с длинными зелёными ушами. То был гoblin, одетый в измазанную чёрным, словно грязь, жиром кольчугу.

Существо зашипело и сделало выпад своим чёрным, как обсидиан, мечом. Джотарам отступил на шаг, развернулся и пустился наутёк. Что-то ударило его в плечо, но не очень сильно, да и боли он не почувствовал и продолжил бежать.

Джотарам поймал себя на том, что кричал, снова и снова повторяя одно единственное слово: «Помогите». Он прекратил крики – ему нужно было всё его дыхание, чтобы удрать. Позаимствованный доспех, разумеется, подогнанный весьма условно, больно хлопал по рукам и ногам.

Двадцать футов, сорок... восемьдесят. Его лёгкие горели, но он всё мчался вперёд. Сидел ли гоблин всё ещё у него на хвосте? Он почувствовал, что выдыхается, но вместо того, чтобы замедлиться, поднажал ещё сильнее.

Он достиг блокауза, всё время ожидая удара гоблинского клинка в спину, даже в эти последние моменты. Не сбавляя скорости, Джотарам головой вперёд нырнул в открытую траншею перед блокаузом.

В траншее копошились солдаты. Защитники Саршела надевали свои шлемы, брали щиты и мечи, приводя себя в боевую готовность после этой неожиданной атаки. Джотарам, для которого весь мир сейчас бешено вращался, как волчок, валялся у них в ногах.

- Гоблины!- крикнул он. Они проигнорировали юношу, ибо уже были в курсе.

Джотарам поднялся и, подтянувшись, выглянул из-за земляной стены в направлении, откуда прибежал. Нигде не было и намёка на его длинноухого преследователя. Но там было какое-то движение.

Высоко, на западной стене города, стояла одинокая фигура, облачённая в серебряные одеяния. Фигура эта оторвалась от стены и, будто бы увлекаемая ввысь огромным крюком, воспарила, одной рукой сжимая дубовый посох, а другой энергично и целенаправленно жестикулируя.

Это был один из боевых магов, которых Импрас разместил в городе. Покончив с осадой и осев в Саршеле, он взял их с собой. От той высоты, на которой парил волшебник, у Джотарама захватило дух.

Прежде чем маг смог сотворить какое-либо заклинание, от земли отделилась целая туча стрел – неисчислимое множество их наконечников алели красным пламенем. Туча эта, описав арку, пронзила воздух, где бородатый волшебник отчаянно выкрикивал слова заклинания. Мага смахнуло с неба, словно от удара дубины горного гиганта.

Солдат рядом с Джотарамом крикнул:

- Клянусь левым яйцом Импраса, их там тысячи!

Откуда-то издали доносился искажённый расстоянием голос:

- ... внешний периметр... гоблины... они везде... говорю вам, мы... окружены...

Из подсобки вышел высокий человек. Он был одет в зелёную и коричневую кожу, а в руках его был самый длинный и толстый лук из всех, что Джотараму доводилось видеть. К его ремню был приторочен колчан, украшенный узором лозы и листьев. Внутри него располагались дюжины стрел с золотым оперением и среди них четыре со своим уникальным цветом: одна изумрудная, одна кроваво красная, одна серебряная, и одна чёрная.

Лучник посмотрел прямо на Джотарама:

- Посыльный! Какие новости за стенами? Тебя Импрас прислал?

Джотарам ошарашено опустил взгляд на свою курьерскую сумку:

- Нет, эти приказы были выданы до атаки.

- Проклятие!

Лучник посмотрел на восток, вдоль траншеи, а затем бросил оценивающий взгляд на северо-восток, на стоящий особняком шпиль, называвшийся Башней Деморы и возвышавшийся на расстоянии полёта стрелы.

Траншеи напротив жилого блока тянулись на восток, повторяя очертания северной стены Саршела. Но у Башни Деморы в любом случае не было видимого подхода к защитным сооружениям бункера, она стояла отдельно.

В течении последних пяти лет, Башня Деморы хирела, пребывая в лапах хобгоблинов осадивших город. Ситуация изменилась с приходом Импраса. Он выбил из неё захватчиков ещё до того, как осада была полностью снята. С её головокружительной высоты можно было поливать наступающие армии стрелами и заклинаниями. Но что важнее, это была самая высокая точка, что делало её прекрасно подходящим местом для отслеживания вражеских лагерей.

Ещё несколько солдат, прилаживая на ходу оружие и доспехи, вышли из казарм. Тот, что шёл впереди, носил эмблему, назначенного саршельской армией офицера. Лучник схватил новоприбывшего за руку и сказал:

- Командир, какие силы сосредоточены в той башне?

- Л...лорд Арчер, - заикаясь, ответил командир, - в башне размещён гарнизон из двадцати...

- Был размещён, - отрезал высокий человек, - иначе они бы предупредили нас о контратаке хобгоблинов до её начала.

Командир ошарашено глядел на башню, от замешательства глаза его округлились, а рот приоткрылся.

- Нет, - возразил он, - ведь только этим утром мне рапортовали о смене караула...

- Гарнизон башни убит, иначе нас бы предупредили. Теперь Демора во власти хобгоблинов. Они, вероятно, даже сейчас смотрят на нас сверху, со звериным ликованием наблюдая, как мы тут суетимся точно напуганные куры. Сюрприз удался!

Черты лучника, его приметная одежда, легендарное оружие... наконец-то в воспалённом мозге Джотарама все эти элементы сложились воедино. Этот человек был действительно тем, кого солдаты называли личным компаньоном Импраса, а именно знаменитым лордом Арчером. Джотарам во все глаза глядел на этого ставшего легендой человека. Говорили, что он был воспитан эльфами в чащах Юирвуда и что его стрелы никогда...

Лорд Арчер ткнул пальцем в сторону Башни Деморы и проговорил:

- Мне нужно подняться туда и взглянуть на поле битвы. Импрас должен знать расположение надвигающихся на нас сил.

Он посмотрел на командира и сказал:

- Для того чтобы это сделать, мне нужно, чтобы вы их отвлекли. Бросьте силы на запад, к тому утёсу, - лучник махнул рукой в сторону удалённого возвышения. - А я тем временем прорвусь к башне.

Командир кивнул и начал отдавать приказания. Солдаты, которые были неподалёку, стали выстраиваться в линию. Лорд Арчер схватил за руку ближайшего:

- Калмора, верно? Ты идёшь со мной!

Солдат, которым оказалась закалённая в боях женщина с песочными волосами, чей возраст приближался к тридцати, прокричала: «Слушаюсь, лорд».

Эти двое побежали на восток по широкому желобу северного бункера. На бегу лорд вынул из колчана стрелу, а солдат обнажила меч.

Взглянув на командира собирающего своих солдат и на Башню Деморы, Джотарам последовал за лордом Арчером.

Под бой барабанов, сопровождаемый клятвами Тиру и грозное рычание, ночь окутала мир своим плащом, приглушив последние проблески дневного света. Тут и там в этом плаще встречались прорехи от вспышек желтого, красного и других, непонятных оттенков. Переменчивый бриз приносил с собой запах серы и крови, но Джотарам не обращал на это внимания. Он обратил всю свою концентрацию на то, чтобы следовать за удивительно стремительным лучником и его спутницей, воительницей Калморой.

Внезапно возникший гвалт криков и грубых боевых кличей возвестил о появлении у самой кромки траншеи дюжин тёмных фигур, облачённых в чёрные кольчуги. Солдаты в укрытии попытались закрыть брешь своими телами и наполовину вынутыми мечами, в то время, как арбалетки выпустили дюжину болтов в наступающих гоблинов.

Защитников было слишком мало, чтобы сдержать этот натиск. Десяток хобгоблинов, а потом ещё два с оружием наготове хлынули в траншею. Разразилась рукопашная. Отчаянные факельщики наряду с арбалетчиками были опрокинуты жаждущими крови мечами хобгоблинов.

Лорд Арчер остановился в сорока шагах от места стычки и начал выпускать стрелы, с каждым выстрелом считая оставшиеся у него снаряды:

- Девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь...

И с каждым выстрелом на землю замертво падал один гоблин с торчащей из шеи, глаза или рта стрелой.

Со сверкающим мечом наперевес и со свистящими стрелами лорда Арчера над головой, Калмора устремилась назад, к образовавшейся бреши. Увидев это, горстка солдат, которые также были в траншее, но всё ещё не вступили в бой, вдохновились её примером и последовали за ней. Калмора и её отряд смельчаков врезались в группу вторгшихся гоблинов.

Меч Калморе мелькал, словно грозовой шторм над морем голов гоблиноидов. Джотарам подивился боевому искусству этой женщины с песочного цвета волосами.

Другие солдаты, последовавшие за Калморой, также рубили и кололи вторгшихся гоблинов, а лорд Арчер всё также невозмутимо вел счёт убитым монстрам:

- Девяносто один... девяносто... восемьдесят девять....

Оставшиеся в живых гоблины поняли, что их атака захлёбывается. Несколько из них попытались организовать боевое отступление, но большинство просто сломали строй и побежали, в результате чего были убиты в попытке вылезти из траншеи. Пара гоблинов повернулась и выстрелила из своих собственных арбалетов.

Шальной снаряд рикошетом отскочил от шлема Джотарама. От удара и последующего гула в ушах юноша пошатнулся и выругался как настоящий солдат. Когда звон в ушах стих, в траншее уже не было ни одного живого гоблина.

Лорд Арчер прекратил свой обстрел и вновь устремился вперёд, топча тела убитых чудовищ, будто они были просто умащивающими поле битвы булыжниками. Калмора вновь присоединилась к нему и, в свою очередь, Джотарам тоже вернулся к своим попыткам поспеть за этими двумя. Теперь у него звенело в правом ухе, что, как он думал, было очень плохим знаком.

Как раз в тот момент, когда способность Джотарама не терять их из вида пошла на убыль, лучник и солдат остановились, поравнявшись с Башней Деморы.

Когда-то траншея соединялась с основанием башни, но осаждавшие с переменным успехом Саршел хобгоблины давно засыпали этот проход. Была предпринята попытка заново откопать проход, но как бы там ни было, расстояние между новым окончанием траншеи и башней исчислялось несколькими сотнями ярдов.

Когда задыхающийся Джотарам подоспел к лорду Арчеру и отобранному им солдату, они обсуждали свои дальнейшие действия.

Лучник говорил:

- ... или даже Юг. В любом случае, нам жизненно важно получить наиболее точные сведения о расположении их войск. Если мы собираемся использовать для этого Башню Деморы, то для начала нам нужно разобраться с монстрами, что там засели. Это может быть нелегко.

Взгляд говорившего оторвался от солдата и упал на Джотарама. Его бровь вздёрнулась от удивления: посыльный был последним человеком, которого он рассчитывал здесь увидеть.

- Я могу помочь, - объяснил свое неожиданное появление Джотарам.

- Джотарам Феор, это ты? - вмешалась солдат. - Твоя мать знает, что ты здесь?

Джотарам замялся. Калмора знала его? Он начал что-то припоминать и, наконец, вспомнил про тётю, служащую в народной дружине, которую звали Калмора.

- Да это я. Да какая разница знает она или нет? Я могу помочь лорду Арчеру!

- Как?

- Ну, эмм... как- то перед осадой мы с друзьями пробрались в Башню Деморы. Тогда это была просто старая дозорная башня. Все думали, что там водятся призраки и поэтому кроме часовых никто туда не ходил. Ну и мы с друзьями. Мы там играли... - по глазам тех, к кому он обращался, он понял, что его аудитория теряет терпение и потому поспешил перейти к заключительной части своего объяснения, - ... и мы нашли потайной ход наверх.

Калмора отрицательно покачала головой с каскадом песочных волос:

- Существует только один путь внутрь – ворота у основания. Единственная лестница соединяет вход и обзорную площадку, где волшебники Импраса разместили Дозорный Свет. Для потайного хода внутрь или наверх просто не хватило бы места.

- Вы ошибаетесь, - возмутился Джотарам. - Тайный проход снаружи и ведёт вверх по внешней стене. Его можно увидеть лишь вблизи, потому что он скрыт за... за чем-то вроде выступа, который его загораживает.

Лорд Арчер потёр подбородок и пронзил Джотарама изучающим взглядом. Щёки мальчика покраснели под прицелом этого строгого взора, но глаз он не отвёл.

- Ну давай попробуем этот путь, о котором говорит посыльный, - заключил высокий мужчина. - Но сперва, я должен расчистить проход к основанию башни.

Прищурившись, Калмора бросила взгляд поверх стены траншеи на башню и сказала:

- Слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

- Почти, - согласился лучник, выпуская стрелу. Древко моментально исчезло в ночи. Моментом позже до них донёлся приглушённый вскрик и отдалённый звук падения, сопровождаемый лязгом.

- Восемьдесят два, - сказал лучник, одним движением натянув тетиву и выпустив очередную стрелу.

После ещё одного мучительно тянущегося мгновения раздался ещё один краткий вопль, за которым последовал звук падения обмякшего, тела в доспехах.

- Восемьдесят один, - нараспев произнёс лучник. - Два хобгоблина были расположены прямо внутри ворот башни. Я видел, как их в их глазах отразились огни Саршела.

Калмора лишь покачала головой в притворном удивлении. Джотарам начал задавать вопрос:

- Как вы...

- А теперь..., - прервал его лорд Арчер, - бежим!

Калмора перехватила Джотарама под мышками и ворча подняла его и вытащила из траншеи.

- Показывай дорогу, - прошипела она.

В нерешительности Джотарам застыл, стоя на краю траншеи, пока не увидел, что лучник и женщина-солдат тоже, подтягиваясь, выбирают из укрытия. Удовлетворённый тем, что не был оставлен один на один с этой ночью, он двинулся в сторону башни.

В сгустившейся тьме башня представлялась стройным, размытым, серым силуэтом. Казалось, будто она спускается прямо с неба, словно перст самой Шар.

Неясные очертания вокруг этого силуэта при ближайшем рассмотрении оказывались кустами, булыжниками и коновязями. Каждый раз, узнавая в смутных формах привычные, обыденные объекты, Джотарам с облегчением выдыхал. Он боялся, что одним из этих объектов окажется тот скрывающийся, покрытый камуфляжем из жира, гoblin, попавшийся ему по пути в бункер.

В темноте, Джотарам не рассчитал последние несколько футов до башни и врезался в один из гранитных блоков составляющих её основание. Удар пришёлся на лоб, и мальчик прикусил язык.

- Чума и гниение, - пробормотал он проклятье. Синяки и шишки, заработанные им за эту ночь, неукоснительно множились.

Из тьмы материализовались ещё две фигуры, то были Калмора и лорд Арчер.

- Ну и где твой секретный проход? - прошептала его тётка.

Джотарам начал украдкой скользить вдоль основания башни, в сторону от главных ворот. Удаляясь от главного входа, он внезапно услышал гортанные возгласы удивления: должно быть другие хобгоблины, спустившись с верхних уровней, обнаружили своих компаньонов убитыми смертоносным луком лорда Арчера.

Стены башни были украшены богатой резьбой, хотя с течением веков многие из декоративных элементов изнашивались. Уже никто не помнил, что именно подтолкнуло

давно почившую волшебницу Демору построить такую высокую и в то же время столь узкую башню, что в её стройных стенах едва ли можно было выкроить место под сколь угодно скромную жилую комнату. Кто-то утверждал, что волшебница руководствовалась скорее монументальными, нежели практическими соображениями. Как бы там ни было, но с течением столетий с тех пор как Деморы не стало, её башня принесла Саршелу огромную пользу в качестве наблюдательного пункта.

И действительно, пять лет назад с самого верхнего уровня башни, часовые заметили первую армию хобгоблинов, двигавшихся к Саршелу. В то время, как столь многие города Восточного Предела пали вследствие неожиданной атаки, Саршел имел возможность подготовиться к нападению и таким образом успешно сдерживать эту орду в последующие горькие годы осады.

Когда Джотарам увидел изображающую грифона резьбу, он понял, что они были почти у цели. Ещё пять шагов и вот, перед ним оказались пляшущие буквы его инициалов, нацарапанные детским бесхитростным почерком. А за ними был узкий проём, который казался естественным затенённым уклоном, образуемом рельефным портретом длиннородого дворфа.

Джотарам юркнул в этот проём и услышал, как Калмора, шедшая позади, пробормотала:

- Во имя Тира! Куда запропастился мальчишка?

- Я здесь, - прошептал он.

Проём, в котором он стоял, был не больше трёх футов шириной, по крайней мере так говорила ему его память и там царил практически непроницаемая тьма. Он протянул руку и пробежался пальцами по холодным металлическим перекладинам, которые так хорошо ему запомнились.

- Здесь лестница, - сказал он лучнику, который в тот момент пытался протиснуть своё более длинное тело в узкий проём. Джотарам схватился за первую перекладину и поднялся на несколько футов. – Она тянется до самого верха.

- В таком случае это будет порядочное восхождение, - ответил силуэт лучника под ним.

- Это точно, - согласился юноша, припоминая как он с друзьями отдыхал на половине пути, продев верёвки через перекладины лестницы и привязав их к ремням. Потом они просто свешивались и висели, не делая никаких усилий в ожидании, когда их руки перестанут болеть, а дыхание выровняется.

Он начал восхождение в крошечной темноте, поочерёдно нащупывая одну холодную железную перекладину, затем другую. Каждый раз, перед тем, как подтянуться к следующей перекладине, он убеждался в том, что его ноги прочно стоят на тех, что ниже. Когда он повернул шею, чтобы посмотреть назад, то через узкий проём, где вертикальный карниз не до конца закрывал пространство, заключающее лестницу в собственный перпендикулярный тоннель, он увидел огни Саршела.

Снизу раздавались тихие звуки, производимые восхождением Калморы и лорда Арчера, которые, не смотря на относительную тишину, сопровождалась слабым эхо. Также проём наполнил тухлый запах болота – должно быть где-то скопилась

дождевая вода. Ему оставалось лишь надеяться, что он случайно не угодит рукой в склизкую, заполненную гнилью трещину в облицовке башни.

Уже на пятом этаже его дыхание стало хриплым, а мышцы на руках горели. Теперь он, вне всякого сомнения, был сильнее, чем тогда, когда ему приходилось подниматься по этой лестнице в последний раз, но, с другой стороны, он и весил теперь больше, чем когда ему было десять. Не облегчала задачу и стальная броня, тянувшая его вниз на каждой вертикальной ступени.

Джотарам остановился и дал себе отдых, повиснув на своей перекладине на подмышках. Это было не так комфортно, но верёвки у него не было.

Он почувствовал, как по его ботинку, скользнула рука.

- Подождите, - прошептал он, - мне нужно передохнуть.

- Сейчас время работает против нас, - донёсся до него голос лорда Арчера.

Подросток кивнул, осознав, что лучник не мог его видеть и уже громче сказал.

- Хотя бы несколько мгновений, иначе я просто свалюсь, прихватив вас с собой.

- Ну тогда будь по-твоему, - смирился лорд Арчер и добавил:

- Знаешь ли, то, что ты открыл нам этот обходной путь наверх, может сыграть решающую роль. Скажи ка, сынок, каким именем называла тебя Калмора?

- Джотарам Феор. - Этот неожиданный комплимент заставил его вспомнить придворные манеры, и он добавил: - Для меня большая честь познакомиться с вами, лорд.

- На поле брани, - со смехом ответил мужчина, - я не лорд. Я такой же солдат, как ты.

Не зная реального статуса Джотарама, лучник сделал ему даже больший комплемент. Гордость открыла в нем новый резерв сил, в существовании которого он, несколько секунд назад, сомневался.

- Мне уже лучше. Теперь я готов карабкаться до самого верха.

- Очень хорошо, - отозвался лорд Арчер.

Снизу донёсся ещё один голос, мальчик узнал в нем бормотание Калморы:

- Мне тоже был нужен отдых Джот. Но всё выше и выше, правильно?

- Там наверху, есть место, где мы все сможем отдохнуть, - ответил Джотарам и продолжил восхождение.

Как бы гордость не бодрила, но когда Джотарам наконец перевалился через край площадки в конце лестницы, он почувствовал, что изнеможение угрожало вывернуть содержимое его желудка на всеобщее обозрение.

Память говорила ему, что лестница оканчивалась комнатой, шириной примерно восьми футов - небольшим помещением, над которым находилась главная обзорная площадка. Каскад узких ступеней вдоль внутренних стен комнаты вел к люку в потолке. Его друзья всегда боялись открывать его, опасаясь, что из-за этого их вылазки, столь далёкие от границ Саршела, вскроются и их накажут.

- Джотарам, - раздался едва уловимый шепот, - мы можем позволить себе немного света?

- Да, - задыхаясь, проговорил он, надеясь, что звук его тяжёлого дыхания не будет слышен на обзорной площадке.

Маленькое голубое сияние появилось, как первая показавшаяся в сумерках звёздочка, и постепенно разрослось до яркости свечи. Джотараму пришлось закрыть

глаза руками. Свет излучал кусочек серебра, который держал лорд Арчер. В серебряном диске было отверстие, через которое был продет кожаный шнурок. В другой руке лорд Арчер держал небольшой мешочек, из которого он, очевидно, и извлёк зачарованную монетку.

Свечение выхватило из темноты помещение, которое было очень похоже на то, которое помнил Джотарам, хотя оно и казалось теперь меньше, а узкие каменные ступени были круче и... что-то мокрое капало на них из люка, к которому они вели.

- Что...

- Кровь твоих соотечественников, разумеется, - сказал лучник. - Гоблины перебили часовых. Давайте ка по-тихому подберёмся к ним поближе и отплатим убийцам той же монетой.

Поднимаясь по узкой лестнице, Калмора вынула меч из поясных ножен. Джотарам с усилием приподнял себя с четверенек и вынул свой короткий меч, зная, однако, что без тренировок от него было мало проку.

Лорд Арчер повесил шнурок со светящейся монеткой себе на шею и занял место рядом с Калморой. Их глаза устремились вверх, на окровавленную крышку люка, всего лишь в половине фута над их головами. Лучник прошептал солдату:

- Иди вперёд и если возможно расчисти мне немного места, чтобы я мог стрелять из лука. И если Тир нам поможет, мы застанем их врасплох!

С лёгким скрипом Калмора отодвинула щеколду, удерживающую панель на своём месте. Не тратя времени на то, чтобы посмотреть, произвёл ли этот шум какое-нибудь впечатление на тех, кто наверху, она двумя руками нараспашку открыла дверь люка. Лорд Арчер, сложив свои руки в «стремя», посадил Калмору и подтянувшись она забралась на обзорную площадку.

Уже в тот момент, когда лорд Арчер начал карабкаться вслед за Калморой, откуда-то сверху раздался тревожный гортанный вопль. Перед открытым зевом люка метнулась тень, а затем раздался звон металла. Ещё несколько грубых голосов присоединились к крикам, среди которых он мог различить голос Калморы: «За Импраса! Умрите!».

Джотарам взбежал по лестнице и выглянул. Лорд Арчер стоял прямо над ним, попирая ботинками дверцу люка. Его лук посылал уверенный поток оперённой гибели врагам, которых Джотарам даже не видел. С каждой выпущенной стрелой, он произносил её номер.

Когда лучник слегка повернулся, чтобы добиться лучшего обзора на свою следующую цель, Джотарам схватился руками за края люка.

Ему нужно было забраться наверх без посторонней помощи. После столь изнурительного подъёма, Джотарам уже не был уверен, что у него остались на это силы. Пыхтя, он напряг руки и сделав неожиданный для себя рывок, смог занести свой локоть над краем люка. После этого он смог закинуть на край и ногу и вылезти из отверстия.

В самом центре обзорной площадки расположилось огромное устройство на железных ножках. Казалось, оно состояло из кристаллов, стекла и железа, хотя многие его части были вырваны со своих мест и разбросаны по полу. Джотарам надеялся, что это был не Дозорный Свет, о котором говорила Калмора, хотя, по всей видимости, это был именно он.

Рядом с Дозорным Светом, в небольшом помещении с тремя стенами, лежала груда изувеченных тел. На нескольких из них была форма Саршела; должно быть, это были убитые гоблинами часовые.

Остальные были мертвые или умирающие хобгоблины и гоблины. Многие с ужасными, всё ещё кровоточащими, рублеными ранами, остальные же с торчащими из груди, шеи и головы стрелами.

Несколько фигур сражались в опасной близости от края. Одной из них была Калмора, одновременно сражавшаяся сразу с тремя противниками: с двумя хобгоблинами размером с мужчину и одним волосатым, огромным, почти как огр, чудищем.

- Семьдесят три, семьдесят два, - считал лорд Арчер, а потом крикнул: - Калмора!

Подняв глаза, Калмора увидела, как этот «почти огр», расставив руки, устремился на неё, его ноги набирали бешеную скорость. Она попыталась отпрыгнуть, но споткнулась о лежащий позади труп гоблина. Атакующее Калмору чудовище, не снижая скорости, врезалось в неё.

Оба оказались за пределами обзорной площадки. Даже исчезая из вида, Калмора занесла меч, будто собираясь атаковать.

- Нет! – хрипло закричал Джотарам, пробежав несколько шагов, прежде чем беспомощно остановиться у обрыва.

В Башне Деморы всё стихло. Лорд Арчер опустил лук и сказал:

- Отойди от края.

* * * * *

Воздух за пределами башни заполняла непроницаемая темнота, а зловещая тишина, казалось, высасывала силы из конечностей Джотарама. Его глаза были липкими от непролитых слёз. Он знал её вскользь...

Если то, что он знал, было правдой, Калмора была его родственницей и в таком случае, вернувшись в Саршел, он расскажет своей матери о её храбрости. У неё были ресурсы, чтобы спонсировать памятник храброй воительнице. Монумент из чёрного мрамора...

Джотараму хотелось заставить свой мозг прекратить раз за разом проигрывать одну и ту же сцену, изгнать из памяти это удивлённое выражение лица Калморе в тот момент, когда она падая, наносила удар по столкнувшему её чудищу.

Мальчик отвернулся от этой панорамы тьмы и ночного неба и спросил:

- Почему они не разломали Дозорный Свет до конца?

Лорд Арчер всё ещё возился с деталями, разбросанными гоблинами, пытаясь починить странное устройство, но ответил:

- Возможно, у них не было времени. Или же они не хотели создавать подозрительный шум, разбивая стекло и раскалывая кристаллы.

- Хмм... И как эта штука работает?

Ворча лучник вытащил тоненький стержень из гнезда, в которое только что его поместил и, повертев в руках, переставил в другое. Совершив эту операцию, он сказал:

- Один раз в сутки, Дозорный Свет может призывать подобную солнечному свету вспышку, столь мощную, что освещает все прилегающие земли, даже самой тёмной

ночью. Если мне удастся заставить его работать, то мы узнаем истинный размах грозящей Саршелу опасности.

- Интересно, какой сейчас час?

- Немного за полночь, - ответил лорд Арчер с намёком на нетерпение в голосе. Он взял стеклянную сферу, которая каким-то чудом не скатилась с открытой, плоской как пагода верхушки башни. Светящаяся монетка на шее лучника отбрасывала на вогнутый потолок караульного помещения пляшущие тени.

- Если ты перестанешь меня отвлекать, то я, вероятно, справлюсь быстрее.

- Извините, - сказал подросток.

- Вот так... - пробубнил лучник, сделав какие-то финальные манипуляции. Раздался щелчок, за которым последовало низкое гудение. - Ну вот. А теперь молись любому богу, в которого веришь, чтобы этого оказалось достаточно.

Лорд Арчер положил руку на выгравированное на одной из сторон устройства изображение ладони.

Свет, снизошедший откуда-то сверху разорвал укутывающее всё вокруг покрывало ночи. Свечение от этой загадочной вспышки залило окрестности. В мгновение ока весь Саршел открылся Джотараму, словно игрушечный город. За городом, на востоке, было озеро Ашейн, во всех же других направлениях, на мили вокруг простиралась изувеченная битвами земля. С запада по этой равнине ползла армия.

Армия, вне всякого сомнения, маленькая, состоящая из черных, преимущественно приземистых фигур, хотя среди них было несколько долговязых и сутулых, похожих на фигуры троллей. Они двигались к Саршелу длинной тонкой линией, будто волна - медленно, но неминуемо.

От линии атакующих в воздух взмыли горящие стрелы. Некоторые упали чуть-чуть не долетев до Западной стены Саршела, но многие достигли каменного сооружения или же упали в бункер, чтобы погрузиться в плоть напуганных защитников, которым не посчастливилось оказаться на пути у смертоносного снаряда.

Наступающее воинство хобгоблинов кричало и насмехалось над солдатами. Тролли кидали булыжники, гоблины размахивали копьями и факелами, распевая песнь о пытках и горе, которые они с собой несли.

Зазвучали грубые рога и войско, с авангардом облачённых в черные рукавицы и размахивающих светящимися боевыми молотами хобгоблинов, двинулось вперёд. Защитники западной стены Саршела ответили собственным залпом стрел, ударившим по наступающему строю. Многие гоблины пали, ещё больше отступили, выкрикивая злые обещания на своём неполноценном языке.

Войско снова двинулось вперёд с ещё большей энергией.

Как бы там ни было, даже неискушённый в военном деле Джотарам видел, что атакующая армия была слишком малочисленна, чтобы удержать завоёванные у всё ещё сбитых с толку защитников, стоило этим защитникам наладить оборону.

С другой стороны, с точки зрения находящихся на земле защитников, эта линия нападающих должна была представляться авангардом огромной армии. И только высота Башни Деморы открывала реальную незначительность этой угрозы: армия

гоблинов не выдержала бы и одного наступления, если бы обороняющиеся на него отважились.

- И это всё, что у них есть? – удивился Джотарам.

- Нет, это для отвода глаз. Смотри, - лорд Арчер и указал на восток, туда, где небольшая бухта озера Ашейн приютила городской порт Саршела. Даже в слабеющем сиянии Дозорного Света, Джотарам смог разглядеть истинную опасность.

Сотни маленьких лодок, каноэ и грубо сколоченных плотов плыли по спокойным водам Ашейна, стягиваясь к докам. В то время как шум и суета, вызванные лобовой атакой, заставили защитников сконцентрировать свои силы на западе, реальную угрозу представляло вторжение с востока.

Сияние Дозорного Света померкло и исчезло. Ночь снова вступила в свои права.

- Мы должны сообщить всё это Импрасу, - раздался позади Джотарама голос лорда Арчера. Посыльный кивнул, но продолжил смотреть в темноту. Его глаза всё ещё отказывались верить тому, что он только что увидел. Лучник продолжал: - Как только он узнает их действительный замысел... ааа

Ужасное шипение заставило взгляд Джотарама вернуться к куполу башни.

Короткий, чёрный как обсидиан меч, торчал из живота лорда Арчера, прямо из-под грудины. Лучник упал на одно колено, хватаясь ослабшими руками за окровавленный клинок. Прямо за ним, улыбаясь своими игловидными зубами, стояло существо с длинными зелёными ушами, облачённое в замазанную чёрным жиром кольчугу.

- Я знаю тебя! – крикнул Джотарам.

- Хорошо, что я за тобой последовал, малявка, - хихикнув, сказала существо на ломанном общем языке. – Ты хитро придумал. Но хватит уловок. Скоро и Импрасу и Саршелу придёт конец.

Прокричав что-то неразборчивое, Джотарам бросился на мерзкого убийцу; каким-то образом его меч покинул ножны и, повинуясь его руке, колол, резал, рвал...

Гоблин уклонился, отступив назад. Джотарам устремился вперёд. Ярость, вызванная зрелищем столь тяжёлого ранения лорда Арчера, начисто смыла страх. Кроме того, этот подонок не смог вытащить свой меч и теперь был безоружен.

Посыльному удалось ранить существо в плечо, но оно, воспользовавшись открывшейся возможностью, проникло внутрь обороны и разорвало дистанцию. Словно любовник, целующий свою ненаглядную, гоблин наклонился вперёд и укусил незащищённую шею мальчика.

Сбитый с толку, Джотарам вскрикнул и уронил меч. Челюсти гоблина напряглись сильнее. Джотарам слышал, как существо хихикало сквозь стиснутые зубы. Теплая струйка крови стекла вниз по шее подростка и залилась под поддоспешник. Страх вернулся, но ярость была сильнее. Красный туман застлал его взор, и он зарычал.

Двумя руками он схватил вцепившегося в него гоблина, но хватка монстра не ослабевала. Гоблин вцепился в его шею, будто пёс в заветную косточку. Первым побуждением Джотарама было с силой отпихнуть его, но тогда в его мозгу промелькнула картинка, как монстр, которого он оттолкнёт, останется с куском его шеи.

Вместо этого Джотарам начал сжимать. Он сжимал глотку чудовища, душа его со всей, дарованной ему яростью, силой.

Хватка гоблина не ослабевала лишь в течении нескольких ударов сердца, прежде чем его челюсти ослабли. Монстр попытался сделать вдох, но получился лишь писк. Было слишком поздно.

Джотарам разжал пальцы лишь тогда, когда гоблин обмяк, как тряпка.

Тяжело дыша, он бросил безжизненное тело на пол. Тогда, он вспомнил про обсидиановый меч существа.

- Лорд Арчер! – крикнул он, подбегая к раненному мужчине.

Лучник полу сидел, полу лежал, прислонившись к Дозорному Свету. Его окружала всё растущая лужа крови. Его глаза были открыты, но остекленели. Его руки больше не сжимали ужасную рану в животе, а вместо этого пытались вынуть что-то из колчана.

- Лорд Арчер, давайте я Вам помогу! - Джотарам взял колчан из его дрожащих рук. – У вас в колчане есть какое-нибудь зелье исцеления? Тут, должно быть, какой-то дополнительный карман?

Мужчина отрицательно помотал головой и пугающе хриплым голосом сказал:

- Нет, у меня нет ни одного. Они остались в казарме. Нет... Джотарам, сейчас послушай меня! Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

- Да, я слушаю!

- Достань из моего колчана чёрную стрелу.

- Так, хорошо... Да, вот она.

- Хорошо, парень, это очень хорошо. А теперь, Джотарам, ты должен доставить эту стрелу Импрасу. Он поймёт, что она значит. Когда он увидит это древко, он будет знать, что сообщение, которое ты передашь ему, от меня. Этот сигнал мы придумали давным-давно, но всё не было повода им воспользоваться... до этого момента. Изумрудная – это запад, багровая обозначает юг, серебряная – север, а чёрная значит, что враг атакует с востока.

- Я не могу вас оставить...

- Можешь и сделаешь именно так! – прервал его лучник, голосом, в котором промелькнула тень прежней силы. – Или ты не присягал на верность Саршелу? Тогда слушай своего командира. Это приказ. Спускайся тем же путём, что мы поднялись и доставь эту стрелу Импрасу со всей скоростью на какую способны твои ноги.

Не будучи в силах говорить из-за боязни расплакаться, Джотарам только кивнул и отдал честь. Дрожащей рукой, лорд Арчер вернул это приветствие.

Джотарам повернулся, одной рукой вытирая глаза, а в другой сжимая послание.

Взяв гладкое древко стрелы в зубы, он спустился в тесную комнатку под обзорной площадкой.

Перед тем как схватиться за железные перекладины лестницы и начать свой спуск, он положил стрелу в теперь пустые ножны – его меч остался там, на площадке, где лежал задушенный гоблин и умирал лорд Арчер.

Юноша покачал головой и устремился вниз по лестнице. У него был долг, который он должен был выполнить. Если он не доставит сообщение Импрасу, то сегодня ночью умрет не только высокий лучник, но и много других людей.

Спуск по узкому, ничем не освещённому проходу был легче, чем подъём. Он адаптировался к пространству, и даже не видя перекладин лестницы, ловко двигался в том направлении, куда его увлекал тяжёлый доспех.

Почувствовал стопой землю, Джотарам хмыкнул – он спустился быстрее, чем он ожидал. Во тьме скрытой от посторонних глаз ниши, он вынул из ножен стрелу и крепко сжал в ладони.

Он выглянул из скрывавшей проход расщелины и увидел северную стену Саршела и лежащий сразу перед ней бункер. Расстояние казалось ему большим, нежели он помнил.

Двигаясь между ним и убежищем, стену заслоняли тёмные фигуры: низкие, приземистые, бесформенные. Очевидно, это были гоблины и хобгоблины, которые сбежались к основанию Башни Деморы, увидев вспышку от располагающегося на её вершине устройства. Они знали, что чтобы сохранить надежду на успех своего дьявольского плана, они должны были не дать ни одной живой душе покинуть башню. Он видел только несколько дюжин, но ему и этого казалось многовато. К счастью все они кинулись к главному входу, не зная про потайную лестницу.

Увиденная Джотарамом сверху картина, надвигающейся на Саршел с востока флотилии, убедила его в необходимости попытки прорваться к городу. Насколько ближе им удалось приблизиться к гавани к моменту, когда он спустился с лестницы?

Времени у него не было.

Держа черное древко в правой руке высоко над головой, он выбежал из укрытия. Он устремился в темноту, в сторону грубых силуэтов монстров, которые на мгновение застыли, увидев, как он удаляется от башни.

Джотарам бежал к укрытию, которое он мог найти в траншее, к сияющим огням Саршела. Он бежал к свету, чьи отблески были зарёй правосудия, в котором всё находит свой конец.

* * * * *

Когда Импрас Великий в 1097-м году, согласно летоисчислению Долин, взошёл на объединённый трон Импильтура, сотни людей совершили путешествие в Саршел, чтобы увидеть, как Корону Нарфела возложат на голову нового короля. Церемония проходила в открытом амфитеатре, чтобы все могли увидеть восседающего на троне монарха.

Во время церемонии, Импрас обратил внимание всех присутствующих на величественный монумент, вырезанный из чёрного мрамора.

Мемориальная доска в основании монумента гласила: «Никогда не забывайте тех, кто отдал свои жизни, чтобы спасти наш город».

Мемориал изображал трёх человек. На заднем плане была женщина благородного происхождения, снаряженная оружием и доспехами защитников Саршела. Справа от неё высокий мужчина в филигранных кожаных доспехах сгибал могучий лук. На поясе у него висел набитый стрелами с золотым оперением колчан.

На переднем плане было изображение благородного молодого человека. Он также нес оружие и был облачён в доспехи саршельского ополчения. Медаль на его груди говорила о том, что он посмертно был принят в ряды гвардии Импраса.

Правая рука мальчика была воздета у него над головой и крепко сжимала единственную стрелу. Чёрную.

СЛИШКОМ МНОГО ПРИНЦЕВ

Эд Гринвуд

Год атакующего ястреба (1333 согласно Летоисчислению Долин)

Мирт натянуто улыбнулся, что ясно говорило им о том, что он скорее был склонен нахмуриться.

- Наш друг - визирь? Ему известно об этом деле?

Чёрные брови, грубое лицо, и походка - настороженная и упругая, словно у вышедшего на охоту кота - всё это притягивало внимание к наёмнику Мирту по прозвищу Беспощадный. Впрочем, злобная искра, вспыхнувшая в его глазах, произвела в тот момент куда больший эффект.

Однако, двое купцов из Амна не выглядели особенно встревоженными, когда вошли в дверь башенки, чтобы свидеться с ним. Другой наёмник, Турлос, чья кожаная броня оцетинилась привычным рядом клинков, прикрыл за ними дверь и подперев её спиной и сложив на груди руки, кивнул Мирту, давая знак, что снаружи не было лишних ушей.

- Во всяком случае, не от нас, - равнодушно сказала Леди Хелора Рослар. Она тряхнула головой и это движение заставило огромные драгоценные камни в её серёжках медленно раскачиваться.

Обладательница высокого роста и больших глаз, молодая и загадочная наследница богатого купца с колыбели привыкла к тому, что к её имени добавляли «Леди», в следствии желания её процветающей семьи не в чём не уступать более благородным представителям. В свете того, что он знал об аристократах, дворянство не казалось Мирту чем-то, к чему стоило бы особенно стремиться. С другой стороны, если бы не все эти дразги, его мощна была бы куда более скудной. Богатство... меняет людей.

- Он эмм... *наслаждается* обществом молодого принца, - деликатно добавил Горус Нарбридл. - По пути сюда мы слышали крики Элашара.

Лысый, коренастый мужчина в дорогих шёлковых одеяниях был жестоким и беспринципным главой семьи торговцев, сделавшей быстрое восхождение к вершинам богатства. Это значило, что Нарбридл был столь же беспощаден к себе, принимая различные наркотики, сколь и к другим, продавая им различные калимшанские наркотики и яды. При всём при этом, выглядел он как серьёзный и измождённый жизнью старый жрец... только теперь Мирт понял, насколько хитрым актёром был этот человек и насколько умны были разыгрываемые им спектакли.

Оба амнийца запустили руку под подкладку своих накидок и извлекли маленькие резные фигурки, которые они поцеловали, прошептав неслышные слова, и поставили на стол перед Миртом.

Фигурки, недолго сиявшие магическим светом, представляли собой самую дорогостоящую защиту от прорицаний, пресекая всякую попытку магически подглядеть или подслушать их разговор.

- Нужно действовать быстро, - решительно заявила Леди Рослар. - Нам не нравится, как разворачиваются события в Омбрейре, и мы желаем удалиться. Настолько быстро, насколько нам позволит осмотрительность, разумеется. К моменту, когда наше отсутствие обнаружится, мы хотим быть как можно дальше от зоны влияния Онгалора. Мы чувствуем твою напряжённость и нам кажется, что нам не обойтись без твоего личного участия, чтобы осуществить наши планы.

- Мы понимаем щекотливое положение, в котором вы окажетесь, - прибавил Нарбридл мягко, - и приготовили соответствующую компенсацию. Драгоценные камни авансом - четыре прекрасных рубина. Также мы дадим вам облигации на сорок тысяч свежих отчеканенных глубоководских драконов. Облигации вы получите сейчас, но подписаны они будут только тогда, когда мы выберемся из Даунтира.

Озвученная сумма заставила Мирта моргнуть, а Турлос изумлённо таращился на потенциальных заказчиков. Сорок тысяч золотом, и ещё столько же, когда побег состоится!

Если, конечно, указанный в бумагах исполнитель Мирт Безжалостный, будет все ещё жив, чтобы явиться за ними в банк, что вполне могло не входить в планы амнийских торговцев.

- Ну что же, - сказал капитан наёмников, - выходит, что гобелены в Омбрейре *не так уж* и плохи?

Ни один из амнийцев даже не попытался улыбнуться этой не слишком смешной шутке. Мирт вздохнул и задумался над тем, что же ему следовало ответить.

Как только год атакующего ястреба набрал полную силу и достиг лета, войны вспыхнули с новой силой и не просто в Даунтире - в униженных фермах холмах с мягкими очертаниями между Торговым Путём, рекой Эсмель и горами с прозаичным названием Малые Зубы - но по всему Амну. Всякий амбициозный финансовый игрок, посмевавшийся вступить в противостояние, разъезжал во главе огромных отрядов наёмников, топча «королевских наследников», которые казалось, были застуканы в их тайных убежищах, сброшены богами с облаков и свалены, как старое тряпье на кладбищах.

Эта борьба за трон свирепствовала уже более полувека и Мирт придерживался того же мнения, что и большинство измученного войной населения Амна: большинство истинных наследников уже давно были убиты или умерли от старости, а те что сражались сейчас, были представителями самых мрачно-настроенных торговых семей страны, пытающихся ещё раз открыто сесть на трон. Мирт задавался вопросом, чего ради кому-то хочется надеть корону, чтобы так отчетливо нарисовать у себя на груди мишень для всех остальных, но... власть делает с людьми странные вещи.

Она сделала эти странные вещи и с семьёй Араунволов, прежде могущественной и надменной силой, с которой считались даже в засыпанной золотом Аскатле, но в конце скатившимся до горстки озлобленных дворян, запершихся в Омбрейре - укрепленном особняке на половине пути между Имнескаром и Эсмелем, чтобы дождаться своей гибели.

Меч Мирта был тем, что и принесло им эту гибель, многим из них, а армия, которую он вёл, покончила с теми, кому удалось его избежать. Когда с Араунволами

было покончено, их укреплённым особняком завладели законные представители Принца Элашара. Последние тела были преданы земле в садах тем же утром.

С другой стороны стола амнийцы молчаливо ждали ответа лидера наёмников. Им приходилось ждать, ибо больше не было никого, к кому бы они могли обратиться.

Будучи одним из самых молодых капитанов наёмников, предлагающих свои услуги в Глубоководье, Мирт был нанят Дуринболдсами и Хоквинтерсами, чтобы сопровождать нанятую ими амнийскую армию, называемую Длань Закона. Для дворян Глубоководья, кажущаяся бесконечной война в Амне была истинно золотой жилой. Конкурирующие претенденты спонсировались Гаунтилзами и Гралхаундсами, которые также жаждали завербовать к себе на службу наёмника, так хорошо недавно зарекомендовавшего себя своей работой на Юге.

Хоквинтеры разрешили это противоречие и помогли Мирту разобраться в том, чью же сторону занять. В Городе Роскоши в вопросах войны и опеки им не было равных. Если ему удастся сослужить им добрую службу, любой солдат, под командованием Мирта Беспощадного будет обеспечен работой на годы вперёд.

Конечно, это было возможно только в том случае, если бы ему удалось выжить в том кипящем котле, в который превратился Амн.

Ни один благородный представитель Глубоководья не собирался рисковать собственной шеей на поле сечи, ибо амнийцы были беспощадны к сующим нос в их дела иностранцам. Командиром Мирта на эти несколько месяцев был не проницательный опытный воин из семейства Хоквинтерс, но человек из Амна - высокий, зеленоглазый, с аккуратной бородкой и мягкой улыбкой - безжалостный убийца прежнего визиря Харло Онгалор. Мирт ненавидел даже его тень и подозревал, что покойный визирь испытывал к нему те же чувства.

Онгалор вертел принцем Элашаром с такой же лёгкостью, как Миртом, что совершенно не удивляло главаря наёмников. Принц Элашар Торлаф был предположительно прямым наследником принца Эсмара, сына короля Имнела Четвёртого Амнского, который, как поговаривали, почил вскоре после своего рождения.

Во всяком случае, в эту часть истории Мирт верил. Однако он не верил другой её части, которую визирь, не стесняясь, расцвечивал интересными деталями при каждом удобном случае. Согласно его рассказам, все эти годы Эсмара укрывали, чтобы «в час горькой нужды для Амна» иметь возможность продлить королевский род.

Хотя, судя по всему, интрига была глубже, чем в идентификации личности принца Элашара. И даже глубже, чем один, необычный мужчина, путешествующий с армией Длани Закона в шлеме с закрытым забралом, чьё редко кем виденное лицо, точь в точь напоминало лицо принца. Совпадение? Возможно. Но сам Мирт был обладателем широких, словно коромысло плеч, что было само по себе отличительной чертой, тем более для людей его роста. Такое телосложение было скорее типично для людей на голову выше, нежели он. Однако в армии Законной Длани был также солдат, который выглядел как Мирт. В точности как Мирт.

И даже более того, Длань захватила нескольких членов конкурирующих купеческих семей, включая самих Леди Хелору Рослар и Горуса Нарбридла, и будучи достаточно внимательным, чтобы подмечать эти редко показывающиеся из-под

забрал лица, Мирт был уверен, что визирь располагал двойниками большинства из них.

Также Онгалор не работал в одиночку. Когда ему требовалась магическая поддержка, она появлялась словно из ниоткуда. Это означало, что проводимые им время от времени беседы с разнообразными прибывающими всадниками, были на деле встречи с замаскированными чародеями.

Ничего не могло укрыться от глаз Мирта, но он знал, как держать язык за зубами. В конце концов, ему за это платили.

По этой причине он уважительно кланялся окружающим его притворщикам и высоко держал флаг принца: человек изумрудного оттенка, сжимающий в правой руке горизонтально расположенный кинжал, словно вырастал из верхушки большого изумруда с бесчисленным числом граней. Безвкусная геральдика, но Мирт чётко понимал, что платят ему не за услуги герольда.

По всему Амну сновали армии, некоторые спонсируемые богатыми торговцами из Тетира или Калимшана, каждый из которых скрывал истинную природу своих намерений за тем или иным подставным наследником многочисленных падших королевских домов Амна. Заложники своих амбиций, а зачастую и просто заложники - все они были притворщиками.

Даже в тот момент, когда Мирт принимал у себя этих интересных гостей, одна из противостоящих им армий, Честные Клинки, была на пути сюда. Сильная группировка хорошо вооружённых и закованных в броню мясников спонсировалась Гаунтилзами и Гралхаундсами и поддерживала принца Ульдрако, пожалуй, истинного принца притворщиков. А как ещё можно было охарактеризовать амбициозного, молодого амнийца, прекрасно знающего, что у него не было ни капли дворянской крови, не говоря уже о королевской, и позиционирующем себя, как отпрыск полностью выдуманной старшей ветви королевского рода. К числу его достоинств можно было приписать смазливую мордашку, полное отсутствие сомнений, глубокое увязание в долгах перед своими благодетелями, и как следствие, прекрасная осведомлённость в путях лизоблудства, заставляющая его вилять перед ними хвостом, как послушный щеночек. Мирту случилось узнать, что его герб - стилизованная корона, изображённая на золотом поле в виде черной арки с пятью торчащими из неё шпильями - был придуман иллюстратором дома Гаунтилзов, а учителя того же достойного семейства просветили «Ульдрако» насчёт изобретённой истории его рода и его собственной биографии.

Мирт не сомневался, что что-то подобное Харло Онгалор сделал и с двойниками принца Элашара, амнских заложников и двойником самого Мирта Беспощадного. Всё было подготовлено для того, чтобы в подходящий момент уничтожить их приносящих слишком много проблем оригиналов, которые имели наглость иметь собственные цели и мнения, и замены их верными визирю двойниками.

И Мирт подозревал, что этот «подходящий момент» не за горами. Зачем же ещё визирю взбрело в голову оставить его с только лишь дюжиной его людей в Омбрейре и охранять «ценных заложников», в то время как Честные Клинки неслись через Даунтир, чтобы штурмовать бывший особняк Араунвол, в то время как главная ударная мощь Длани Закона прохладдалась бог весть где в компании с двойниками? От Мирта не ускользнуло и то, что выбранная визирем дюжина состояла из

преданных персонально Мирту ветеранов и... Торандрала - самого неопытного и склонного попадать во все сорта неприятностей сопляка во всей армии.

Разумеется, в самый последний момент, когда армия Честных Клинков будет уже у самых ворот и все пути к побегу будут отрезаны, визирь и его друзья чародеи просто исчезнут. Мирт и его воины будут обречены на гибель, а любые выжившие заложники будут либо магически подменены своими двойниками, либо просто магически разорваны на части издали, чтобы не достались Гаунтилзам и Гралхаундсам.

Мирта уже давно тошнило от различных козней визиря и от Длани Закона, прорубающей себе кровавую дорогу через Амн - и это, не говоря в целом, о развале хорошей страны, не без участия этой самой Длани - и начал думать о том, чтобы выйти из этой игры. Но тут он натолкнулся на вездесущих магов Онгалора - как же пристально они следили за тем, чтобы не допустить подобного дезертирства.

- Мы здесь в западне, - сказала Леди Рослар тихим голосом, - Ты тоже в западне, да? Поэтому молчишь?

- Или ручные волшебники визиря контролируют твой разум? А может ты, в свою очередь, тоже готовишь предательство? - спросил Нарбридл ещё более мягко. Мирту не нужно было смотреть, чтобы знать, что под столом лысый дворянин вынул из ножен длинный, похожий на иглу отравленный кинжал.

Вместо этого он посмотрел на Рослар:

- Вам я отвечу «да».

Затем он повернулся к Нарбридлу:

- А вам «нет». Так что спрячьте свою отравленную сталь.

Тяжело вздохнув, Мирт искренне сказал им обоим:

- У меня нет намерения предавать кого-то из вас, хотя я и не вижу ни одного имеющего малейший шанс на успех способа, которым я могу вам помочь обрести свободу. Ваше предложение соблазняет меня даже больше, чем предложенная награда, которая без сомнения была бы названа «ошеломляющей» другими, более мелкими торговцами в Глубоководье. И всё же я не знаю, как сбежать из Омбрейра. Честные Клинки...

- Стоят лагерем на другой стороне вон того холма, - согласился с ним Нарбридл. - А тем временем этот глумливый садист Онгалор улыбается, глядя на нас своими полуприкрытыми от лени глазами и ждёт, когда они захлопнут его мышеловку.

- Мы ненавидим его и боимся, - прошептала Рослар. - Признай это, воин: ты чувствуешь то же самое.

- Учитывая специфику моей профессии, признавать подобные вещи не очень то, разумно, а часто и вредно для здоровья, - ответил Мирт. - Особенно для кого-то в моём текущем положении. Это единственный ответ, который у меня для вас есть, помимо того, что я полностью понимаю вас и глубоко признателен за щедрое предложение. И я скоро свяжусь с вами, с вами обоими и, ради нашего общего блага, с предельной осмотрительностью, так скоро как смогу. Когда бы это «скоро» не настало. В этом я даю вам своё слово.

Несколько мгновений Амнийцы сидящие напротив казались застывшими изваяниями. Потом они вздохнули и не глядя друг на друга взяли свои фигурки. Обе резные статуэтки всё ещё слабо светились, когда их снова спрятали под одежду, давая понять, что их чары были всё ещё активны.

Турлос, не говоря ни слова, открыл дверь и Мирт кивнул своим гостям, когда они, стараясь натянуть на свои лица безразличное выражение, выходили из его небольшой комнаты в башне.

Еще долго, после того, как Амнийцы исчезли из вида, спустившись по лестнице, двое наёмников стояли прислушиваясь, прежде чем захлопнуть дверь, отделившись от всего остального Омбрейра.

Потом, подперев её плечом, стоя нос к носу, Мирт и Турлос переглянулись.

- И что теперь, - прошептал Турлос. - Что же теперь...

Мирт мрачно покачал головой.

- Во имя Темпоса и Тиморы, я ума не приложу, что со всем этим делать. Эта ловушка подстроена, чтобы загнать нас в могилы. И прежде чем мы сможем как-то улучшить наше положение, всё станет ещё хуже.

- О, да, - мягко ответил его надёжный телохранитель, прежде чем его тело задрожало и изменило форму: мрачное лицо Турлоса расплылось и превратилось в ехидную физиономию визиря. Онгалор криво ухмыльнулся и чтобы предостеречь Мирта от неразумных действий, выставив перед собой руку с пальцами, униженными магическими кольцами, светящимися от заключённой в них силы. - В этом я не сомневаюсь.

* * * * *

- Ещё одна лунная ночь, - мрачно сказал Дельн, проверяя рукоятки своих бесчисленных клинков.

- Ещё один праздник, на который нас не позвали, - добавил Маримбрар, натягивая перчатки.

- Ага, - бросил сарказм Лораун. - Кажется, в этот раз визирю не нужны охранники для его угощений.

- Это значит, что он не хочет, чтобы мы видели, что там происходит, - прошептала Таунира. - Должно быть для того, кто попадёт в немилость Лорда Задранный Нос Онгалора, вечеринка закончится фатально. Или же он полагает, что преданные ему волшебники и громилы, скрывающиеся среди амнийских заложников, могут решить любые проблемы, которые амнийцы могли бы вызвать.

Мирт кивнул. Из тех, кого наняла в свои ряды армия Длани Закона, Таунира и Лораун были двумя людьми, которым он больше всего доверял. Они были давними ветеранами его армии наёмников. Хотя они не были теми, на ком хотелось бы остановить свой взгляд. Под маской, которую Таунира носила не снимая, было расплавленное и превращённое в гротескную гримасу лицо - результат ужасного заклинания, прервавшего много жизней, но чудом пощадившего её. Что же до высокого, лаконичного обладателя обжигающего холодом взгляда Лорауна, то он был змеем-оборотнем. И всё же, какой бы не была их наружность, эти двое всё время были начеку и ничего не упускали, а Таунира носила на себе буквально дюжину метательных ножей, большинство из которых были спрятаны по всему телу. С их помощью она могла стремительно превращать всё, что представляло опасность в подушечку для иголок. Например, разных злобных визирей.

- Пока вы не начали задавать вопросы...- обратился Мирт к своим товарищам, - Тарграф отсутствует не потому, что дрыхнет с приятелями, которые сегодня не на службе. По моему приказу он охраняет дверь изнутри. Турлос мёртв.

Это известие мгновенно и полностью завладело их вниманием.

- Наш общий друг, визирь, - пояснил Мирт. - Он убил Турлоса. Я не знаю, где это произошло, но это случилось недавно. Ему удалось спрятать тело так, что никто из нас не заметил. Сегодня он раскрыл передо мной карты в Южной Башне. Он поднял кулак и на каждом его пальце были перстни, которые светились от магии. Он сделал это, чтобы разубедить меня выпотрошить его прямо там, но всё, чего он добился - разубедил меня в том, что я испытываю хоть какое-то чувство долга. Так что, братья по оружию, когда настанет время давать тревогу - не медлите. Онгалор нам такой же враг, как и Честные Клинки или любой друг Араунволов, который зайвится с мечом в руке и огнём в глазах. Если Тимора нам улыбнётся, это будет ещё одна скучная ночь на страже, где мы будем бдительно всматриваться в пустоту. А если нет... что же, предупреждаю вас: мы на войне! Прямо сейчас!

Кивая и угрюмо хмыкая, все разошлись по тёмным проходам, занимая свои посты. Таунира задержалась рядом с Миртом, смотревшим, как расходятся его люди.

Она знала, что он не двинется с места, до тех пор, пока те, кого он освободил от дежурства - Бран, Лендил, Элган, Бриндар, Харгра и Торандрал - не улягутся спать в охраняемой Тарграфом комнате. Командиры, которые не обращали внимания на то как, когда и куда ходят его воины, немедленно теряли уважение, довольно быстро воинов и быстрее, чем бы им того хотелось, собственные жизни.

Для кого-то дорога до поста будет долгой. Омбрейр был огромной территорией и представлял собой массивный трёхэтажный каменный особняк, по форме напоминавший шпору, соединявшую три башни, одну на юге и пару на северо-востоке и северо-западе. В центре шпоры находилась великолепная взмывающая вверх лестница, которая была роскошно отделана по сравнению с узкими голыми винтовыми лестницами в башнях и центральный блок великолепных комнат, окружающих внутренний дворик со стеклянной крышей. Самая западная из тех просторных комнат, служила величественным парадным входом, так как вход в Омбрейр располагался на западе. От выступающей из крепостной стены входной башни со шпилем, меж двух прудов к входным воротам тянулся мост. Вокруг крепостной стены был сухой ров, широкий и достаточно глубокий, чтобы полностью скрыть всадника верхом на лошади, а вокруг рва располагались возделанные поля и низины, которые простирались на много миль и без единого дерева на горизонте.

Всё в Омбрейре радовало глаз, от изящной резьбы, украшавшей его каменные стены, до укрытых в тени фруктовых деревьев беседок на юго-западе, магически зачарованных, чтобы отпугивать птиц. Своим шармом обладали и конюшни, расположенные в западной части, с их крытыми комнатами для слуг, построенными над загонами, и сады в северо-западной части.

Но в тот момент Мирт не мог любоваться всеми этими прелестями. Всё, что было доступно его взору - это тихая роскошь отделанного панелями опоясывающего спальни прохода, в котором он и Таунира сейчас стояли. В этой точке длинная изогнутая галерея прерывалась балконом, выходящим в центральный внутренний дворик. Сейчас солнце уже почти полностью исчезло, но ранее его лучи, проникая

сквозь стеклянный купол, расцветивали внутренний двор невероятными узорами. Во дворе росли три цветущих дарма и Мирту очень нравились его плоды. Они были похожи на красные, словно розы, апельсины, но на подобии ташаларских арбузов имели внутри сладкую, сочную мякоть. На тех деревьях можно было уже недосчитаться пяти плодов. Их кожуру Мирт бросил среди обильно растущей у внешней стены мяты, высота которой порой доходила до колена.

Главарь наёмников выглядел мрачным. Таунира пыталась взбодрить его, наклонившись к нему и целуя его в шею, немного ниже челюсти. Однако это не возымело действия и Мирт стоял недвижим, словно статуя. Тогда она легонько положила руку на его чресла.

- Не сейчас, - тут же прорычал он.

- Нет? - удивилась Таунира игриво надув губки. - Ну мы ведь успеем порезвиться до утра?

Внезапная улыбка Мирта, казалось, прорезала его лицо:

- Ну конечно.

* * * * *

- И так, колёса крутятся, - мягко сказал Харло Онгалор, сверкнув изумрудными глазами в свете обильно выставленных на праздничном столе свечей и улыбнулся. Пожалуй, ничто в этом мире не было способно заставить визиря прекратить улыбаться этой привычной натянутой полуулыбкой.

- Когда приходит орда орков, действительно, война бушует до тех пор, пока одна из сторон не будет полностью уничтожена. Но в то же время в землях, находящихся под властью людей, есть время для мечей и есть время, когда каждый желудок хочет быть сыт, и когда можно делать деньги. Амн не в первый раз сталкивается с войной, но война не поглотит его. Уже скоро эта распря будет позади.

- *Эта* распря, - со знанием дела протянул Имрил Морунд. Лукавый и загадочный торговец парфюмерией, и, как настойчиво утверждали слухи, ядами, не был и близко самым холёным или красивым среди богатых амнийцев, собравшихся в этот вечер за ужином в качестве гостей-пленников Длани Закона. В то же время он, без сомнения, был самым изысканным в манерах, словоохотливым и уверенным. - Это ещё очень большой вопрос, проживёт ли кто-нибудь из нас достаточно долго, чтобы увидеть другую.

- О, но наверняка... - хотела было сказать Леди Рослар.

- О, но наверняка это *чушь*, - прервал её Рейлеронд Гейлспер, развалившись на своём стуле, чтобы принять более внушительную позу, держа свой высокий стакан на весу и поворачивая его длинными пальцами так, чтобы поймать свет. Он был самым красивым мужчиной в комнате и каждое его движение, выглядящее также кричаще, как если бы его озвучивал глашатай, заявляло о том, что он об этом прекрасно знал. Известный сердцеед, не пропускающий ни одной юбки, Гейлспер был молодым и испорченным наследником семьи конезаводчиков, которые, помимо всего прочего, владели многими зданиями в каждом городе Амна и жирели ещё больше от непрекращающихся доходов от ренты. - Военные притязания никто не отменял, - отчеканил он с горечью, как будто персонально оскорблённый этим соображением, -

и мы сидим здесь, в сердце кровопролитной войны, с марширующими по обе стороны от нас армиями. Случись одной из них повернуть в эту сторону, мы едва ли сыщем достаточно клинков, чтобы хотя бы развлечь их, прежде чем сойти в могилы.

- Мы мужчины Амна, - огрызнулся Ларл Амброр, - и я не сомневаюсь, что мы сможем умереть с достоинством, - тонкое, тёмное лицо торговца вином, не выдало никаких эмоций, что, впрочем, никого не удивило. Изо дня в день, оно казалось высеченным из камня.

- Неужели? - спросил Морунд. - А теперь ответь мне: чем же именно отличается достойный крик предсмертной агонии от всех остальных?

- Довольно! - прогремел голос Дэрмона Халандрафа, такой же угодливый и льстивый, что и всегда. - Это едва ли подходящая тема для застолья.

Толстый, ленивый, с упадочным здоровьем наследник очень успешной семьи ростовщиков и строителей кивнул трём ужинающим, сидящим позади него - богато одетым амнийцам, которые побледнели и дрожа или вздрагивая отстранились от тарелок.

- У Амна превосходное будущее и он купается в заслуженном богатстве. Так давайте же меньше говорить о мрачном и больше о возможностях и хороших вещах, которые всех нас ожидают.

- И в самом деле, - сладко согласился Горус Нарбридл, сверкая при свете свечей своей свежее-намазанной воском лысиной. - Я по собственной молодости припоминаю все эти разговоры молодёжи о кровопролитии и гибели... и где эти молодчики сейчас? Все раздобрели как мощной, так и телом и, конечно же, стали старше. Теперь они с нежностью... нет, с ностальгией вспоминают чаяния своей молодости.

- И всё же, господин Онгалор, я обеспокоена нашим пребыванием в Омбрейре, - сказала Леди Хелора Рослар. - Нас так мало, а за пределами стен в Даунтире рыщет столько армий. А армия, которая могла нас защитить - Длань Закона - ускакала невесть куда, по какому-то очень тайному поручению. Почему мы медлим? Неужели вы надеетесь отсидеться здесь никем незамеченным? Или мы ждём какой-то встречи, или чего-то ещё, о чём вы не находите подходящим нам сообщить?

Трое амнийских наследников, сидящих рядом с заплывшей жиром тушей Халандрафа, внезапно перестали выглядеть напуганными и как один посмотрели на говорившую девушку.

Как бы там не было, Харло Онгалор раскрыл свои руки, будто бы собираясь обнять весь мир и широко улыбнулся, будто Рослар была его дочерью, к которой он испытывал глубокую привязанность.

- У меня нет настолько уж зловещих тайн, Леди Рослар. На самом деле всё, чем я руководствовался - это соображениями вашей безопасности. Хотя, конечно, у меня были и другие мысли, в том числе и касаясь других отпрысков и наследников земель вокруг Омбрейра. Я послал большинство воинства Длани в земли в нескольких днях пути отсюда в битву, чтобы принц Элашар мог лично познакомиться со старшими дворянскими семьями Амна, которые трудно обвинить в излишней подозрительности, касаясь всего, что касается так называемых «наследников королевской линии», и привлечь их на свою сторону. Это та опасность, с которой он должен встретиться лицом к лицу, но мне казалось ужасно глупым рисковать вами всеми в подобном деле. Более того, то, что меня нет с ним даже лучше для него самого,

ибо никто не посмеет заявлять, что я дёргаю за ниточки. Вот по этому-то мы все и здесь и наслаждаемся этим чудесным вечером.

Нарбридл тихо встал со своего места и ничего не говоря кивнул визирю.

- Убегаете от гибели? - ненавязчиво спросил Морунд.

Лысый мужчина кисло посмотрел на парфюмера:

- От гибели переполненного мочевого пузыря - без сомнения. Я не видел нужды заявлять об этом во всеуслышание. *Вежливые* люди не говорят о таких вещах.

- Вот как? - спросил Имрил Морунд. - За этим столом есть «вежливые люди»? Я думал мы все из Амна.

Удивительно, но Нарбридл улыбнулся, а моментом позже к нему присоединился раскатистый хохот Дэрмона Халандрафа.

* * * * *

- Ничего, - устало сказала Харгра, обнимая рукоять своего ужасного на вид топора. - И всё же у меня плохое предчувствие. Не думаю, что кто-нибудь из нас сегодня уснёт.

- Ты всё-таки попробуй, - с заботой сказал Мирт, похлопывая её по плечу. Он был одним из очень немногих мужчин, и единственным человеком, кто мог это сделать, не опасаясь, что полу-орчиха оттяпает ему руки. Харгра была покрыта шрамами и лицо у неё было как у жабы, но с оружием она обращалась уверенно и пускала его в ход не раздумывая.

В этот раз она хмыкнула и отстранилась, блеснув своими большими бивнями на нижней челюсти. Её шлепок напугал Тауниру почти также, как и последующие за ним слова:

- Он взвинчен, прямо как я, - сказала полу-орчиха, указывая пальцем в сторону Мирта прежде чем удалиться. - Займись им.

* * * * *

Полный ужаса крик Ларла Амброра погрузил собравшихся за столом в тревожную тишину. Торговец вином с побелевшим лицом скрючился у арки, ведущей к гардеробам и смачно оросил пол своим ужином, прежде чем свалиться без чувств.

Имрил Морунд вскочил на ноги с кинжалом наголо, но Рейлеронд Гейлспер оказался быстрее, выбежав в арку и к тому моменту, как Морунд и, к удивлению, Леди Рослар, добрались до неё, он снова появился в проёме.

- Нарбридл мёртв, - сообщил им конезаводчик. - Магия.

Визирь изогнул свою удивлённую бровь:

- Магия? Разве вы являетесь экспертом в чарах, чтобы утверждать подобное, господин Гейлспер?

Молодой и прекрасный наследник ответил ему, наградив каменным взглядом:

- Тут и не нужно быть экспертом. Каким еще образом, кроме как с помощью магии, можно совершенно бесшумно взорвать человеку голову, превратив её в кровавое месиво?

Непроницаемая тишина, опустившаяся на трапезный зал, леденила душу и была зловещей.

* * * * *

Мирт оторвал взгляд от того, что осталось от Горуса Нарбридла, стараясь не выдавать никаких эмоций.

- Кажется, будет лучше, если расследованием этого случая займётся волшебник. Улыбка визиря выдавала странное веселье.

Мирт посмотрел на трёх амнийцев, стоявших позади Онгалора. Должно быть это были волшебники, которые были готовы обслужить его так же, как и Нарбридла.

- Я полностью уверен в ваших способностях, Мирт из Глубоководья, - ележно сказал визирь. Его кривая ухмылка расширилась, крича о том, что он был прекрасно осведомлён, как о причине убийства, так и том, кто и как его совершил. Однако он не собирался делиться своим знанием.

* * * * *

Волна магии была подобна дуновению ветра, покалывающей кожу силе, которая беззвучно нахлынула на Мирта, прошла через него, пробирая до мурашек, и унеслась вниз по галерее столь же стремительно, как и появилась.

Мирт сделал два глубоких вдоха, пока стоял и тщательно прислушивался, не последуют ли звуки падения, крики... что-нибудь.

Моментом позже, ничего не услышав, он расслабился и пожав плечами продолжил обход.

Сделав семь шагов, он внезапно услышал сердитый шёпот, взявшийся буквально из воздуха и снова застыл, напряжённо вслушиваясь.

Ничего.

Медленно и с осторожностью он снова сдвинулся с места, хмурясь, переваривая то, что он услышал. Женский голос из ниоткуда, далёкий и одновременно такой близкий, спокойный, но в то же время полный ярости. Голос вопрошал: «Кто *посмел* уничтожить Пряжу?»

* * * * *

Мирт с кислой миной осмотрел комнату.

- Итак, визирь примеряет к *моей* шее петлю. Я уполномочен раскрыть убийство Нарбридла, хотя мы оба знаем, что это он был заказчиком.

- Значит, начинается, - прорычала Харгра.

- И что, Девять Кругов Ада, мы будем со всем этим делать? - прошипел в то же время Элган.

- Ага, - откликнулся Бриндар. - Почему бы нам просто не насадить визиря на меч и не убраться отсюда?

Таунира вздохнула:

- Как минимум трое людей, а скорее всего больше, из семьи амнийских «заложников», на самом деле волшебники визиря в магической маскировке.

Насаживание визиря на меч или просто попытка к бегству гарантируют нам места на погосте.

Элган рассвирепел:

- Тогда что же нам...

Раздался сильный удар дверь, от которого Тарграф выхватил меч и занял оборонительную позу. Он так сверлил взглядом засов, точно ожидая, что он предательски выскочит из своей ниши, впуская внутрь любого, кто стучится.

- Мирт! - позвал молодой голос, полный страха и тревоги. - Мирт, открывай! Тебя вызывают! Ещё одно убийство!

Мирт вздохнул:

- Подними засов, - приказал он Тарграфу с отвращением. - Нам что, уже собственную гибель нельзя спокойно обдумать?

Шагая вперёд, он спокойно спросил:

- Так, Торандрал, и кто же ещё умер?

- Ещё один наследник! Визирь не дал мне посмотреть кто именно, но сказал, что он лежал в своей кровати. Не иначе боги позвали его к себе. На теле ни отметки.

- Всем оставаться здесь, - приказал Мирт. - Не спать, ботинки не снимать, будьте вооружены и готовы. Никуда не расходиться. Скоро в эту дверь может постучаться всё, что угодно.

Обнажив меч, он широко раскрыл дверь. Торандрал стоял один в проходе, чуть не подпрыгивая от нервного возбуждения.

- По прямой, туда! В...

- В спальни, разумеется, - сказал Мирт. - Возвращайся на свой пост. Удивительно, но я могу ориентироваться в этом коридоре без гида.

Затем он угрюмо добавил:

- Благодарю за старание, Торандрал. Отлично сработано.

Упавший духом молодой воин неопределённо улыбнулся, а затем побежал вниз по коридору обратно на свой пост.

Смотря на удаляющегося юношу, который то и дело спотыкался, Мирт покачал головой, спрашивая себя, сколько ещё тот протянет.

Или насмешливые боги оставят этого молодого дурня в живых ещё на день или два после того, как их всех убьют?

* * * * *

Имрил Морунд лежал на спине, раскинув руки и ноги по огромной кровати. Визирь накинул на лицо мертвеца его тунику, но на остальных участках тела действительно не было явных следов жестокой борьбы. В комнате был слабый, но резкий запах, какой бывает после грозы с большим количеством молний.

Харло Онгалор стоял рядом с кроватью и вид у него был встревоженный.

- Ещё одно убийство! Мирт, ты должен найти этого убийцу и быстро, прежде чем...
- визирь выразительно взмахнул руками.

Мирт нахмурился. Визирь не претворялся; он был всерьёз обеспокоен. Наёмник снял тунику с лица покойника.

Как он и ожидал, это не был Морунд.

Мирт посмотрел на визиря:

- Улика, которую вы хотели, чтобы я обнаружил самостоятельно? - спокойно спросил он.

На мгновение Онгалор прожёл его убийственным взглядом, но потом снова натянул свою привычную полуулыбку.

- Ну, разумеется. Это *должен был* быть Морунд, или как минимум тот, кого мы считали Морундом. Но я не узнаю лицо. А ты?

- Узнаю, - ответил Мирт, пристально глядя на визиря. - Это же Клиллин - волшебник. Один из ваших давних торговых партнёров, надо полагать.

Визирь моргнул и затем посмотрел на Мирта. Взгляд его держался чуть дольше, чем позволяло приличие. Онгалор привык помыкать всеми вокруг, но он не был настолько хорошим актёром, каковым сам себя считал. Снова посмотрев на лицо мертвеца, он нахмурил брови:

- Неужели? Ну конечно же не... подожди-ка... *да*, так и есть!

Он снова перевёл на Мирта холодный, как у змеи взгляд:

- Так откуда тебе известно о Клиллине и моих связях с ним?

Мирт пожал плечами:

- Я тоже был одним из его давних торговых партнёров.

В этот раз визирю не требовалось актёрское мастерство, чтобы изобразить удивление:

- Но... но он никогда не обсуждал своих партнёров с другими партнёрами.

- Правда? - лицо Мирта было без эмоциональным, как у лежащего на кровати мертвеца. - Ну, я полагаю, что были те, кому он доверял достаточно, чтобы говорить всё, что у него на уме и... другие.

Визирь покраснел, а потом побелел.

- Если хочешь остаться в жи... на службе, наёмник, ты выяснишь, кто убил Клиллина, - отчеканил он.

Мирт развернулся и направился к двери:

- Ну разумеется, - бросил он через плечо, в точности имитируя привычный, слегка насмешливый голос визиря.

* * * * *

Мирт чуть не подскочил, когда крик вырвал его из сна.

Лежащая рядом и согревающая его Таунира тоже мгновенно проснулась. Мирт рыча скатился с кровати:

- Ты оставайся здесь и не давай кровати остыть. Я ненадолго.

- Сказал тот, кто пошел прыгать со скалы, - огрызнулась на него из темноты Таунира, когда он натянул бриджи и всунул ноги в ботинки.

Мирт дружелюбно порычал на неё, накинул сверху кольчужную рубашку и с мечом в руке направился к двери.

К моменту, когда он быстрым шагом приблизился к ряду запертых дверей спален, Дельн и двое других стражей уже поджидали его в коридоре.

Одна из дверей на мгновение открылась, но в следующий момент также стремительно захлопнулась. Это была дверь Ларла Амброра, хотя Мирт мог поклясться, что лицо, которое на миг от туда показалось, принадлежало Леди Рослар.

Что же, такие вопросы его не касались. Дельн и двое других стояли на страже около другой двери - двери в спальню Харло Онгалора.

Мирт взялся за ручку. Заперто. Он навалился плечом. Заперто и на засов.

- Уходите, - безапелляционно сказал визирь. - Пошли прочь.

- Вы кричали, - сказал Мирт.

- Ничего страшного. Просто кошмар.

- Вы привлекли меня к расследованию двух убийств, - ответил наёмник, - вот я этим и занимаюсь. Я подчиняюсь приказам Хоквинтерса, а не только вашим. Я настаиваю, чтобы вы открыли мне дверь, и я мог сам убедиться, что всё в порядке. Открывайте же, или я с превеликим удовольствием вышибу её.

Настала гробовая тишина, а затем раздался мягкий стук поднимаемой балки, за которым последовал скрежет болта и шорох отодвигаемого засова. Дверь открылась внутрь.

Мирт и Дельн вошли в комнату в унисон, так что острия их мечей первыми погрузились в царящий в ней полумрак. Визирь отступил с их пути. Он был покрыт потом, а его испуганные глаза белели, как шёлк, которым была застлана его кровать. Онгалор был полностью одет, а его кровать говорила о том, что он на ней скорее дремал, чем полноценно спал.

- Доволен? - злобно бросил визирь тонким и высоким от страха голоском.

- Что произошло?

Онгалор пожал плечами.

- Вы кричали, - сказал Мирт. - Что случилось?

- Ночной кошмар, - повторил визирь. - Ну вот, вы посмотрели и ничего не нашли.

Теперь уходите, прошу вас.

Мирт медленно обошел вокруг него, напряжённо разглядывая его со всех сторон, затем, не сказав ни слова, развернулся и направился к выходу. Дельн прикрывал его тыл, будто они были на поле боя.

- Назад, на свои посты, - устало сказал Мирт, и стражи разошлись.

Когда уже никто не мог их услышать, Дельн пробубнил:

- Я видел, что произошло.

- Если хотел удивить меня, то ты не справился - прошептал Мирт. - Говори же.

- Онгалор пробирался по галерее, крадясь как воришка и прислушиваясь у каждой двери. Он прошёл мимо Маримбрара, потом мимо меня, не обращая на нас никакого внимания, будто мы были мебелью. Мы проследили за ним. Было проще простого. Он ни разу не оглянулся, пока не испугался и не пустился наутёк. А напугали его двое мужчин в конце коридора, которые спокойно стояли и разговаривали.

- И эти двое были...?

- Двойник принца Элашара и *второй* двойник. Настолько похожие, что не отличишь одного от другого, но настоящего Элашара там не было. Ни у одного из них не было на щеке той маленькой отметки, которая осталась, когда он порезался вон об ту висящую лампу.

Мирт медленно кивнул:

- Эти двое, разумеется, давно сбежали. Выходит, наш визирь обеспокоен тем, что в его доме появились другие игроки, охочие до подобных игр. Или волшебники, которые, как думал визирь, находятся под его контролем, делают то, что так им свойственно: обстрепывают собственные интрижки.

* * * * *

Палящее утреннее солнце, казалось, не могло пробиться сквозь пыль, поднятую торопливо выбегающими через ворота лошадьми. Визирь Харло Онгалор и три амнийских наследника, которые делали всё в точности, как и он, казалось бы, торопились оказаться где-нибудь подальше от Омбрейра. Мирт подозревал, что лучи солнца избегали их пыли ровно по той же причине, по которой они в столь яркое утро не могли пробиться к конюшням - из-за магических барьеров, сотворёнными волшебниками визиря. Скорее всего, этот барьер должен был уберечь выезжающих из Омбрейра от летящих сзади стрел и арбалетных болтов, а ограждение на конюшнях должно было предупредить любые попытки взять лошадь и сбежать из особняка прежде, чем Честные Клинки начнут резню.

- Хоть от этих избавились, - хмыкнул Элган, стоя на парапете стены с Миртом и всеми остальными, пока они наблюдали, как четыре всадника огибают сторону ближайшего холма. - По меньшей мере больше не будет убийств, и мы можем попытаться понять, что нам делать с приближающейся армией, прежде чем они разорвут всех нас на куски.

Не успел он от всего сердца плюнуть со стены в ров, как воздух разорвал пронзительный крик, раздавшийся во внутреннем дворике с дармами. Крик оборвался мокрым взрывом.

Похоже, Элган ошибался.

* * * * *

Мирт опустил взгляд на тело, раскинувшее конечности в луже всё ещё растекающейся крови. Это был Ларл Амброр или то, что от него осталось. Теперь в Амне было одним торговцем вином меньше, ну или, вполне вероятно, одним двойником виноторговца меньше.

Леди Рослар посмотрела на труп, вскрикнула и вихрем умчалась вверх по великолепной парадной лестнице.

- Кажется, кто-то хотел, чтобы её новоприобретённая любовь воспарила, - пробормотал Дельн.

Мирт кисло улыбнулся:

- Думаешь волшебники Онгалора сделали это издали? Какое-то заклинание принуждения или что-то ещё?

Дельн пожал плечами:

- Тогда почему он? Если бы он хотел побольнее нас ужалить, он бы убил тебя.

- Да ну? Разве это не было бы лучшим решением, чтобы напугать всех настолько, чтобы они решили удрать из Омбрейра?

- Только если это возможно. Я думаю, что на особняк наложены барьеры, которые мы ещё не разглядели. Так что это место теперь тюрьма...

Измученный Дельн так и недосказал свою мысль. По лестнице поднимался Дэрмон Халандраф. Вытаращив глаза, все смотрели, как эта огромная гора мяса пыхтя переваливается, с усилием направляясь вверх.

- Тимора и Темпос, защитите нас, - пробормотала Таунира.

- Или Юртрус, терзай вечно наши кости, - добавила Харгра.

Задыхаясь и обливаясь потом, Халандраф достиг верхней площадки и направился к своей спальне. Прежде, чем он скрылся из виду, на площадке снова появилась Хелора Рослар, спускаясь с лакированными, украшенными гербами и очевидно тяжёлыми чемоданами. Её лицо с застывшим на нём выражением решимости, было белое, словно кость, а глаза красными от всё ещё катящихся по её щекам слёз.

- Во имя богов, - медленно протянул Рейлеронд Гейлспер, - что ты делаешь?

- То, что уже давно следовало сделать, - резко ответила девушка. - Убегаю из этой смертельной западни со всей доступной мне скоростью.

Она попыталась протиснуться мимо него к открытым главным воротам, но обнаружила себя окружённой хмурыми амнийцами и воинами Мирта.

- Мы здесь умрём! Все до единого! - крикнула Рослар. - Сомневаюсь что эти Честные Клинки, если они и впрямь где-нибудь поблизости, найдут кого-нибудь живым, когда ворвутся сюда! Кто-то, кто прячется среди нас, убивает остальных и подсмеивается себе под нос. Я...

Она не в силах была подобрать слова и издала полный отчаянья крик, одним из чемоданов в её руке смела со своего пути хлопающего глазами Торандрала и плечом пробила себе дорогу через остальных воинов, которые глядели на Мирта, ожидая приказаний. Он махнул рукой, сигнализируя им, чтобы они не чинили ей препятствий.

Следом за ней по лестнице грузно спустился Дэрмон Халандраф, прижимая к своему гигантскому животу кожаную сумку. Он шумно дышал и по его почти что фиолетовому лицу ручьями стекал пот.

- Д-дорогу! - хотел он грозно прореветь, но дыхания не хватило и получилось что-то вроде лошадиного ржания. - Дор...

Мирт сделал быстрый знак, и его воины расступились перед огромным амнийцем.

Один или двое других амнийцев хотели было последовать за Рослар и Халандрафом, но в ужасе остановились перед воротами.

Как только Хелора Рослар вышла за ворота, она, казалось, воспламенилась.

Она вскрикнула, сделала два шага, пылая как факел, а затем словно приросла к месту. Только огромный ревуший столб огня устремившийся из неё к небу не дал ей упасть.

Ослеплённый заливающим глаза потом, тяжело шагая, Халандраф почти что налетел на неё, уклонившись в сторону лишь в последний момент и в свою очередь тоже воспламеняясь.

- Нет! - крикнул он булькая, размахивая толстыми руками. - Нееееееееет!

Мирт и остальные в злобной тишине смотрели, как пламя разгоралось. Два ярких столба огня возносящие к небу чёрные щупальца дыма.

В мгновение ока Рослар и Халандраф стали пеплом на костях, потом костями, будто пытающимися куда-то убежать, а затем падающими костями. Один из чемоданов Рослар открылся выплеснув поток расплавленного золота, другой открылся с негромким хлопком, раскидывая по сторонам россыпь инкрустированных драгоценными камнями колец, браслетов, заколок и других небольших предметов, которые светились от магических эманаций... Казалось, невидимая рука воздушного потока подхватила эти рассеянные в воздухе чары и бросила их в том же направлении, куда дул ветер - к передней стене особняка. Ветер нёс их всё быстрее, растягивая и обволакивая ими стену в месте изгиба, затем, быстрее чем кто-либо из зрителей сделал несколько вдохов, поток перевалил через стену и протянулся над Омбрейром. Чары пронеслись над особняком мерцающим потоком, а в конце облака, там, где лежали почерневшие останки Дэрмона Халандрафа встало что-то маленькое и золотистое и присоединилось к потоку... а за ним следовало... что-то ещё.

- Это же магические предметы, да? - спросил Торандрал.

Мирт кивнул.

- Почему они летают вокруг стен кругами?

- Они пойманы в барьер, которые поставили волшебники Онгалора, чтобы запретить нас всех внутри, - ответил Мирт.

И, как будто его слова были сигналом к началу следующего акта, на дальней стороне близлежащего холма, в небо взвился столб дыма. На кромке холма, на фоне стремительно густеющего облака смога, показалось сверкающее бронёй войско. Их авангард нёс флаг.

Это был золотой стяг с чёрной, пятизубой короной - Коронай Принца Ульдрако. Честные Клинки наконец-то явились.

* * * * *

- Должно быть, они закончили обчищать особняк Нарфем и подожгли его, - весело произнёс Мирт так, чтобы все слышали. - Это значит, что они твёрдо решили, что ночевать будут уже здесь.

Пока воины вокруг Мирта бубнили себе под нос проклятия и готовили к бою своё оружие, флаги Гралхаундсов и Гаунтилзов уже ничего не стесняясь развевались рядом с гербом притворщика Ульдрако.

При виде них Таунира покачала головой:

- Они хотят, чтобы ты раскаялся в выборе работодателя, Мирт.

- Разве магический барьер не защитит нас? - спросил Торандрал пронзительным от страха и нервного возбуждения голосом.

Мирт и другие закалённые войны только покачали головой.

- К моменту, когда они к нему подойдут, он рассеется, - прорычал Мирт, - и к этому времени мы уже будем окружены. Онгалор и его маги наблюдают за нами издали. Они уберут барьер и уже скоро.

* * * * *

- Барьер, - сказал Харло Онгалор, глядя на разворачивающуюся сцену через светящуюся сферу, висящую в воздухе, прямо посреди поляны. - Приготовьтесь убрать его.

Трое волшебников сотворивших эту сферу больше не выглядели как трио богатых амнийцев. Они продолжали внимательно следить за происходящим в Омбрейре и не сказали ни слова в ответ.

Визирь был не из тех, кто привык, чтобы его игнорировали.

- Джелрин! - отчеканил он, выбрав самого слабого волшебника, который, как ему было известно, боялся его больше остальных. - Ты меня слышал?

Джелрин не ответил и визирь строго посмотрел на него, внезапно осознав, что трое волшебников стояли недвижимо, взгляды их были прикованы к сфере, будто та парализовала их волю.

- Джелрин? - крикнул встревоженный Онгалор. - Ороф? Мондарк?

- Они не слышат тебя, - сообщил ему спокойный женский голос, раздавшийся за спиной.

Он развернулся, отпрыгнув назад и активируя магию унизывающих его пальцы колец.

Перед ним стояла босоногая женщина в истрёпанных останках истлевшей, но когда-то великолепной чёрной мантии. Её длинные, волнистые серебристые волосы извивались и овивали её плечи, как клубок неугомонных змей.

- Кто ты? - прорычал Онгалор, чувствуя покалывание, которое обозначало, что самая смертоносная магия его колец была уже почти готова обрушиться на неприятеля. - И что ты сделала с моими волшебниками?

Женщина сверлила его взглядом, в котором сквозило ничем не прикрытое презрение. Её глаза вспыхнули серебром и кольца Онгалора взорвались, прихватив с собой его пальцы.

Боги, какая боль!

Онгалор обнаружил себя сидящим на коленях, кричащим и в попытках стряхнуть боль отчаянно размахивающим руками. Но боль не уходила.

- Тебе следовало бы лучше заботиться о своих волшебниках, визирь, - глумливо протянула сребровласая женщина. - Прямо сейчас они околдованы Пряжей, а их судьбы зависят от того, что я найду в их мыслях. Что до меня... Большинству людей я известна как Симбул. Я служу Мистре и землям Агларонда. Я давно наблюдала за тобой, Харло Онгалор и рада быть той, что принесёт тебе гибель.

- Мне...? Да что я тебе сделал? - прохныкал визирь, пытаясь подняться на ноги и кровавой культей, оставшейся от его правой руки, дотянуться до волшебной палочки на поясе.

- Когда я носила личину Алаты, ты приказал пороть меня пока кожа не сойдёт с костей за то, что я хотела добиться справедливости за твой обман в Аткатле.

Симбул подошла на шаг ближе и спокойно добавила:

- Когда самая хорошая из наложниц, которых ты арендовал в Муране, умерла от твоего обращения - да, если втыкать в кого-то осколки стекла, то такое произойдёт, Онгалор - я заняла её место и ты, не долго думая, скормил меня своим псам.

Волшебная палочка, висевшая на поясе визиря, скользнула вверх, минуя его отчаянно пытающуюся поймать руку, и, перевернувшись в воздухе, нацелилась на него.

- А в Кримморе, - продолжала женщина с серебряными волосами, - когда я выдавала себя за торгового агента из Сембии и, не смотря на угрозы, отказалась подписывать контракт, который ты предлагал, ты приказал бросить в меня камень из пращи. Снаряд угодил мне в затылок, я упала, а ты трижды переехал меня своей повозкой, просто чтобы быть уверенным, что сломал мне столько костей, сколько мог. Потом ты рассмеялся мне в лицо и забрал мой кошелёк.

Симбул наклонилась ближе и добавила:

- В твоей жизни было слишком много таких вот зверств, так что ты даже можешь не вспомнить этих трёх женщин среди стольких. Хотя, я уверена, что если бы мне вздумалось дать тебе достаточно времени, то ты бы вспомнил по крайней мере одну, из твоих жертв. Даже если прямо сейчас ты бы не смог указать на неё... *пальцем*.

Висящая в воздухе волшебная палочка начала светиться и Симбул улыбнулась Харло Онгалору.

Это была мягкая улыбка вобравшая в себя всё милосердие, какое только был способен вместить оскал голодного волка.

* * * * *

Когда армия Честных Клинков спустилась с холма и направилась в их сторону, те, кто стоял на страже у ворот были шокированы зрелищем. Впереди колонны, повиснув в воздухе на конце стразу трёх пронзивших его копий, безвольно мотая головой двигался их убитый парламентёр.

- Парламентёр! - процедил Мирт сквозь зубы. - С переговорами будут проблемы.

- В самом деле будут, - мягко сказал Рейлеронд Гейлспер, стоящий у него за плечом. Что-то в том, как молодой наследник растягивал слова заставило Мирта взглянуть на него и как раз вовремя, чтобы увидеть, как красивые черты коннозаводчика расплываются и становятся чертами высокой широкоплечей красавицы.

Сребровласая женщина, которая выглядела подозрительно знакомо, вырвала меч Мирта из его руки, вручив ему рапиру Гейлспера со словами «Вот, держи. Извини, но это такая игрушка.»

Моментом позже он лишился и своего лучшего кинжала, а она, широко шагая, прошла сквозь ворота.

- Никто не должен следовать за мной, - отчеканила она, развивая серебряными волосами. - Барьер всё ещё не снят.

Даже в тот момент, когда она это говорила, магическое ограждение шипело вокруг неё, но она прошла через него без какого-то вреда для себя и остановилась перед наступающей армией.

- Мы пришли поговорить! - крикнул один из младших рыцарей Гаунтилзов. - Ты что-то не похожа на парламентёра!

- С теми, кто посмел так поступить с парламентом, не может быть никаких переговоров, - сказала им одинокая женщина. - У меня для вас лишь один дар - быстрая смерть.

Рыцарь усмехнулся.

- Как щедро! Ты одна против нас всех?

Она пожала плечами.

- Если кто-то из вас окажется настолько галантным, что решит удалиться, пока я разделяюсь с остальными, то пусть будет спокоен, рано или поздно я доберусь до всех.

- Ты рехнулась! - пролаял воин Гралхаундов, выйдя ей на встречу.

- Что верно, то верно, - согласилась женщина. - Ну что, начнём?

Неохотно, качая головой, воин Гралхаундсов взмахнул топором. Женщина уклонилась, прыгнула в открывшееся позади топора пространство, чтобы всадить свою сталь в подмышку атакующего и крутанувшись, кинжалом рассекла горло другому воину.

- Ей конец, - прошептал Лораун, но, не отрываясь и с отвисшей челюстью, смотрел, как незнакомка с серебряными волосами делала выпады, прыгала и истребляла. Беспощадная резня затянула её в самую гущу Честных Клинков.

Со всё углубляющимся, почти набожным ужасом вперемежку с почтением, весь Омбрейр ждал её неизбежную кончину... кончину, которая так и не наступала.

- Уже двадцать или больше, - пробормотал Мирт, качая головой. Он видел что-то на подобии защитной магии, которая отводила в стороны брошенные копья и выпущенные стрелы, и всё же...

Как бы там ни было, но самая банальная усталость должна была вскоре заставить её опустить руки и тогда они бы её одолели.

- Вы мне наскучили, - услышали они её голос, усиленный с помощью какого-то магического трюка. Её слова прозвучали за мгновение до того, как её глаза сверкнули серебряным пламенем, обратив в пепел Принца Ульдрако и главных рыцарей Гаунтилзов и Гралхаундсов, окружавших его. - А теперь исчезните, или я истреблю вас всех до единого!

Она погрузила свою сталь в тела ещё двух воинов и оставшееся воинство Честных Клинков разразилось криками, развернулось и начало беспорядочное бегство, оставляя на холме более шестидесяти павших товарищей.

Женщина проводила их взглядом, а затем повернулась и направилась к воротам. Её покрывала чужая кровь, а там, где она была ранена, плясали серебряные огоньки.

- Барьер никуда не исчез, - предупредила она тех, кто таранился на неё. - На вашем месте я бы не торопилась уходить.

Она вручила Мирту его окровавленные меч и кинжал и сказала ему:

- Мне нужна ванна. Я полагаю, что ты здесь лучший повар. Приготовь мне это ваше щитовое жаркое. Я полагаю, осталось ещё достаточно амброрских приправ, чтобы приготовить хороший обед.

Мужчины вокруг него вздрагивали и отчаянно пытались подавить смешки, решив, что это шутка. Мирт, устремивший на неё тяжёлый взгляд на это очень надеялся.

- Приготовь ужин в Южной Башне, - приказала она. Потом она обратилась ко всем остальным. - Пока я и Мирт не выйдем оттуда, никто не покинет Омбрейр.

* * * * *

Огонь был разведён. Мирт установил на него две сковородки. Не было нужды портить щит, раз у него была кухонная утварь. Он положил на разделочную доску лучшую ножку агнёнка, какую только можно было найти в Омбрейре, взял мясницкий топорик и принялся за работу.

В дверном проёме мелькнули серебряные волосы, разбрасывая порядочный каскад брызг. Она уже приняла ванну.

- Ты уже знаешь кто я, правда?

Он кивнул. Эта ночь, минувшие годы, всё это сейчас ему вспомнилось.

- Дав Соколица, одна из Семи Сестер, - прорычал он. - Видел тебя однажды в Глубоководье. Ты танцевала в трактире «Великолепная Голая Боевая Девка».

Дав улыбнулась.

- Не могла не поддаться имени этого местечка. Жаль, что его больше нет. Так ты видел меня всю?

Мирт кивнул:

- Грудь, бедра, всё до последней мышечной впадины, - сказал он. - Так что же привело одну из избранных Мистры в сердце бесконечной войны, коим является Амн?

- Служба богине. В данном случае я охотилась на красных волшебников, которые многократно шли против её желаний.

- Расскажи мне, - попросил Мирт нарезая чеснок. - Пожалуйста.

- Клеллин - тейский агент. Серебряный огонь - я засунула ему в рот свой язык. Не осталось ни отметки. Это он наложил заклинание дикого огня, которое ты был близок испытать на своей шкуре.

Мирт кивнул.

- Дикий огонь это плохо, да?

- Он пытался навсегда уничтожить Плетение в одной из местных башен, чтобы сделать ловушку для других магов. Тех, кого бы он туда заманил, можно было бы убить кинжалом, как любого обычного человека. Мы, Избранные богини поклялись предотвращать подобные повреждения Пряжи.

Мирт оставил шипящую на огне говядину, повернулся к Дав и спросил без обиняков:

- Ты оставишь меня в живых?

- Разумеется. Ты мне нравишься, и тебе я доверяю. Ты не тех, что злоупотребляют магией.

- А визирь был из тех?

- Мелочный, ничтожный... Онгалор был мстительным дураком. Он мнил себя великим комбинатором, но его реальные способности не были даже на половину столь значительны. Хотя, если взять в расчёт пятёрку чародеев, которые с ним работали... Ороф мог вселял ужас во многих, да и Мондарк был смертельно опасным противником.

- А зачем были нужны все эти наши двойники? Почему он не мог просто нас уничтожить?

- Он хотел, чтобы Честные Клинки прикончили вас всех. Двойники были покорны и могли быть полезны во многих аспектах. Позже он бы позволил другим захватить тех двойников. И когда бы те, другие, заявили об этих двойниках или предъявили их останки, пятеро волшебников сняли бы с них магическую маскировку, что сильно бы ударило по авторитету соперников Онгалора. Больше никто в Амне им бы не доверял.

Мирт кивнул, а потом нахмурился:

- Пять, говоришь... трое ушли с Онгалором, Клеллин мёртв... ты и Амброра убила?

- Да, это был ещё один теец. Он использовал высасывающую жизнь магию, чтобы уморить два живущих здесь народа и использовать их жизненную силу, чтобы контролировать разум остальных. Ты заперт в клетке с большим количеством змей, чем Лораун... Ну а пятый волшебник всё ещё здесь, в Омбрейре.

- Кто же?

Дав вынула из ножен меч Мирта, повернулась и по широкой дуге метнула его в сторону двери. Клинок глубоко вошёл в Тауниру, которая прислонившись к двери подслушивала их разговор.

Истекая кровью, Таунира шатаясь ввалилась в комнату.

- Узри чародейку Варессу, - сказала Избранная. - Любовница Онгалора... и командир.

Мирт не мог отвести взгляд от своей умирающей боевой подруги.

- Минули месяцы с тех пор, как она убила настоящую Тауниру, - объяснила Дав. - Так же как я сейчас убила её. В конце концов, это война, а на войне люди умирают.

ОСАДА КРЕПОСТИ ЗИИРИТ

Джесс Лебоу

Год Теней (1358 согласно Летоисчислению Долин)

«В течении практически целого Года Теней, орды гоблинов с Высоких Пиков и Пиков Кульдина терзали Эрлказар и в течении более чем трёх месяцев осаждали Дулнарим. Война против короля Эртика Ула из племени гоблинов Звёздного Утёса казалась бесконечной...»

—Граф Гамалон Айдожир из графства Спелшайр
Репорт Её Величеству в столицу Эрлказара

- Огонь!

Стрелы перелетели через стену Крепости Зиирит. Пение тетивы множества луков раздалось как раз вовремя, чтобы можно было услышать, как предыдущий залп обрушился на землю, словно несомый ветром стальной дождь.

- Ещё раз! – крикнул Лорд Пурдун – законный правитель и защитник Крепости Зиирит. Его рыжие волосы и давно зажившие шрамы ярко пылали на солнце, когда он стоял на стене, осматривая изрезанное поле битвы.

Лучники ответили ещё одним жужжащим хором вылетевших их луков снарядов.

Наполовину эльф, наполовину стальной дракон, рейнджер Дживаам Таммсель, пригнувшийся за зубчатыми укреплениями рядом с Пурдуном, едва переводил дух. Пепельного цвета чешуки, покрывающие его шею, плечи и спину перекрывали одна другую при каждом вдохе и выдохе.

Двое мужчин были вместе посвящены в Легион Элестама и оба дали клятву защищать народ Эрлказара. Это случилось даже до того, как такое королевство как Эрлказар появилось, а землёй правил Король Алемандер из Тетира.

- Сколько ещё мы сможем продержаться? – спросил Таммсель. Он поскрёб своими острыми когтями толстый камень и высек маленький кусочек. – Скоро будет месяц, как ушёл Корокс. Да и припасы заканчиваются.

- Он вернётся, - сказал Пурдун. – И если повезёт, с подкреплением из Тетира.

- Какое там подкрепление, - ответил полу-дракон легионер, бросая высеченный кусочек камня вниз с платформы для лучников. – Если нам повезёт, то он вернётся из Тетира живым.

- Он вернётся, - повторил Пурдун. Он снова посмотрел через стену. – А до этого времени мы должны продержаться.

- А у нас что, есть выбор?

Пурдун покачал головой:

- Если и есть, я его не вижу.

Уже почти год они сражались с племенами гоблинов. Окружающие деревни Пахотного Предела и Саарлика пали десятью днями раньше. Линия фронта в Дулнариме месяцами двигалась то вперёд, то назад, чтобы закончиться здесь, у ворот крепости – последнего убежища разорённого и почти побеждённого королевства.

Снаружи, насколько простирался взгляд, можно было наблюдать, как две роящиеся группы гоблинов стягиваются к холмам перед Крепостью Зиирит. Те гоблины с ярко желтой кожей пришли с Высоких Пиков. Преимущественно они передвигались пешком и были особенно хороши, когда надо было спрятаться и устроить засаду. Один на один они были не больше, чем мелкая неприятность, однако, как показала затянувшаяся война, сотни и даже тысячи этих существ являли собой ощутимую опасность.

Несмотря на то, что гоблины с Высоких Пиков были проблемой, Лорда Пурдуна больше заботили их родственники с Пиков Кульдина. Они были более организованы, как правило крупнее и передвигались на варгах – четырёхлапых зверях, которые были похожи на огромных и злобных волков. Гоблин, со своим ездовым животным, уже мог один на один сражаться с солдатом и таких вот пар приходилось примерно тридцать на каждого жителя крепости.

- Лорд Пурдун! - прокричал лейтенант Битлстоун. Присущий его голосу молодёжный энтузиазм уступил место зловещей серьёзности. – Они строятся!

Пурдун направил свой взгляд, туда, куда показывал Битлстоун. И в самом деле, прямо в центре роящейся, хаотичной массы гоблинов, появился какой-то

порядок. Большая группа гоблинов выстроилась широкими рядами и устремилась к стенам крепости.

- У них есть деревья! – предупредил лейтенант.

Лорд Пурдун бегом спустился по лестнице, организуя защиту.

- Лучники на стену. Приготовить масло, - приказал он. – Цельтесь в лидеров. Не давайте им пробраться внутрь.

Он остановился у самого края укреплений, вынув стрелу и наложив её на тетиву:

- Вы сражаетесь за свой дом. Мне не нужно говорить вам что случится, если Крепость Зиирит падёт.

Орда гоблинов росла по мере своего приближения к стенам. Они опрокинули некоторое количество столетних деревьев из густых зарослей вокруг Дулнарима и принесли их сюда, над головами, точно муравьи. Однажды они уже пробовали повернуть подобный трюк. Они собирались облокотить это дерево о стену и, словно по лестнице, забраться наверх.

Результат прошлой попытки можно было увидеть внизу. На земле лежали два сломанных и сожжённых ствола, один на земле, другой во рву. Попытка оказалась неудачной, но они решили снова попытаться счастья и теперь, у них было в два раза больше деревьев.

- Огонь! – крикнул Пурдун и выпустил стрелу.

Стена загудела от жужжания тетивы множества луков. Залп словно гвоздями приколлот к земле огромную массу гоблинов. Но те, кто нёс дерево, были по большей части неуязвимы для атаки – стрелы либо отскакивали, либо глубоко впивались в старую древесину.

- Эй, там, на конце стены, - крикнул Пурдун. – Сконцентрируйте огонь на вон той группе. Дождитесь, пока они поднимут дерево. Когда они окажутся вне укрытия, отправьте их в Девять Кругов.

Он повернулся к легионерам и стражам рядом с ним:

- Вы, парни, сосредоточьте огонь вон там, на группе с вторым деревом. Без моей команды не стрелять.

Воины кивнули или проворчали согласие.

Деревья приблизились и защитники крепости натянули тетиву луков.

- Ждём.

Дерево поднялось, достав до самого верха стены и обнаруживая державших его на весу снизу гоблинов.

- Огонь!

Стрелы дождём устремились вниз, пробивая мягкие тела гоблинов. Они падали замертво или покалеченные, прибитые к земле, словно травинки под большой ступнёй. Как только количество рук, которые держали дерево, уменьшилось, вековой исполин потерял баланс. Оно начало раскачиваться из стороны в сторону, а затем, когда остаток контроля был утерян, опрокинулось. Упав, дерево покатило в сторону, давя попавшихся на пути одних желтокожих гоблинов и оголяя позиции других, тех, кто наслаждался его укрытием.

Когда дерево упало, на стене послышалось ликование. Гоблины копошились вокруг своей своеобразной лестницы, пытаясь снова её поднять, но лучники превращали их в решето.

- Они лезут! – раздался крик, за которым последовало два громких глухих звука падения и треск ломающегося дерева.

Когда Пурдун повернулся, чтобы посмотреть что происходит, кровь отлила от его лица. Концентрированный огонь лучников уничтожил две штурмовые группы с деревьями, но остальные две группы добрались до цели. Теперь два огромных дерева опирались на наружную стену Крепости Зиирит и отряды гоблинов, минуя их ветви, карабкались наверх.

- Лейте масло! – приказал Пурдун.

На платформе появилось четверо крепких мужчин. Они несли толстое бревно, посередине которого раскачивался кипящий железный котёл с животным жиром, древесной смолой и маслом. Они двигались осторожно, так как до этого котёл висел на открытом огне. Один неверный шаг и они обожгутся о раскалённый металл или хуже – обольются кипящим и липким маслом.

Гоблины продолжали восхождение, стремительно приближаясь к краю стены.

- Скорее! – крикнул Пурдун.

Котёл был доставлен к месту в точности к тому моменту, когда первый гоблин добрался до вершины дерева.

Пурдун бросил лук и рывком вынул меч, разрубив этим движением желтокожего негодяя пополам. Встав на зубчатые заграждения, он прикончил ещё двоих, сбив их с дерева и предоставив им быстрый спуск вниз.

- Лейте! – крикнул он, снова спрыгивая на площадку для лучников.

Четверо мужчин подняли бревно и опрокинули котёл. Расплавленный жир и масло шипя потекли по камню и по стволу дерева. Полоса этой чудовищной похлёбки захлестнула карабкающихся гоблинов, до пузырей обжигая их плоть, жаривая их заживо. Когда смола и масло обволокли их, их кожа зашипела и полдюжины гоблинов рухнули со стены.

Пурдун выхватил горящий факел из ближайшего кольца в стене и бросил его на опрокинутое дерево. Масло вспыхнуло. Сначала оно горело медленно, но потом вспыхнуло синим огненным потоком.

Когда пламя спустилось по масляным следам вниз по дереву, вынудив гоблинов отказаться от своего восхождения, на стене раздался второй взрыв ликования.

Но празднование вскоре было прервано лязгом мечей и предсмертными криками.

Гоблины добрались до верхушки второго дерева и перебравшись через зубцы, хлынули на площадку. Первые трое взобравшихся монстров были разрублены на куски, но вскоре их численность стала подавляющей. Солдаты падали под вцепившихся в их спину и плечи чудовищами. Каждый легионер сражался с тремя или четырьмя гоблинами за раз, уничтожая их так быстро, как могли, но они продолжали прибывать, заполняя собой пространство быстрее, чем их убивали.

Когда Дживаам Таммсель вступил в бой, Пурдун не мог слышать ничего, кроме неистового рёва. Каждый взмах его руки уносил жизнь гоблина, каждый его шаг скидывал со стены ещё одного, а с каждым вдохом он впивался зубами в одного из захватчиков, срывая кожу с его костей.

Бойцы, поспешившие присоединиться к бою, вслед за полу стальным драконом, черпали в первобытной мощи и ярости этого легионера свои силу и отвагу.

Гоблины как будто почувствовали перемену в расстановке сил. Они начали разбегаться, спускаясь вниз с платформы, бросая оружие и ища место, где можно было бы спрятаться. Легионеры и стражи настигали упершихся в стены чудовищ и разрубали их на куски.

Таммсель убил ещё трех гоблинов, а потом сделал большой шаг и спрыгнул со стены. Его широкие плечи исчезли из виду, а затем раздались предсмертные крики гоблинов.

Тяжело приземлившись на облокотившееся о стену дерево он издал ещё один рык – прямо в лицо наступающим захватчиков. Несколько из них нашли в себе отвагу встретиться с полу-стальным драконом лицом к лицу и в награду получили быструю и болезненную смерть: их тела были разорваны когтями, зубами и мечом.

- Бросьте мне верёвку, - крикнул Таммсель, сметая со своего пути гоблинов, прокладывая дорожку вниз по дереву.

Лорд Пурдун повиновался и отыскал смотанный кольцами пеньковый канат, лежащий в одном из ящиков на площадке для лучников. Завязав вершину каната в незатейливый узел, легионер раскрутил его над головой и бросил.

Таммсель на лету поймал брошенную ему верёвку. Он уже был на четверти пути к земле и спрыгнул, исчезнув среди веток и копны еловых иголок, таща за собой верёвку. Мгновением позже он появился с другой стороны, а канат оказался обёрнут вокруг ствола.

Надёжно зафиксировав узел, Таммсель поспешил обратно на стену. Позади него гоблины заполнили освободившееся пространство, не вполне понимая, что же им следовало делать с верёвкой. Несколько из них остановились, чтобы схватиться за неё, но остальные устремились к верхним площадкам Крепости Зиирит.

Перепрыгнув через стену, Таммсель схватил другой конец каната и побежал по площадке.

- Тяните со мной! – крикнул он.

Лорд Пурдун обернул верёвку вокруг своей руки и отклонился назад.

- Эй, там, хватайтесь! – приказал он. – Мы оттянем дерево в сторону и спихнём его со стены.

Лучники побросали луки, стражи убрали в ножны мечи. Все они вцепились в верёвку, чтобы протянуть дерево вдоль стены.

- Раз, два, три, *взяли!* – крикнул Таммсель.

Один за другим хватаясь за канат, воины добавили своё усилие к усилиям двух легионеров. Они выстроились вдоль платформы, направляя своё усилие к южному концу стены, надеясь сдёрнуть дерево и мёртвой точки.

Всё это время гоблины продолжали своё восхождение.

- Тяните!

Мужчины стонали, пытаясь сдвинуть столетнее дерево. Оно было толстым, тяжёлым и очень неудачно встало враспор.

- Сильнее! – крикнул Пурдун.

Дерево сдвинулось на пару футов, стряхнув с себя полдюжины гоблинов.

- Ещё раз!

Гоблины добрались до верхушки дерева и запрыгнули внутрь. За ними следовали сотни других. Больше не видно было ярко зелёных иголок древнего дерева: на смену им пришло жёлтое море, захлестнувшее этот грубый мост.

- Если хотите дожить до завтра, то тяните, чтоб вас! – крикнул Пурдун.

Канат заскрипел от натяжения. Мужчины задыхались и выли, таща верёвку изо всех сил, вкладывая в общее дело всю энергию, что у них была. Костяшки кулаков Пурдуна побелели, его лицо покраснело, а ноги ныли от напряжения.

Раздался глубокий, пустой звук ломающегося дерева, дерево потеряло опору, верёвка ослабла и воины упали на спину. Они могли слышать вопли падающих на землю гоблинов.

Однако падение дерева продолжалось и верёвка снова натянулась.

- Бросайте! Бросайте! – кричал Таммсель!

Воины сделали, как им приказано и выпустили из рук канат, давая ему выскользнуть.

Верёвка заскользила по платформе, по пути набирая скорость. Её хвост метался влево и вправо, избивая защитников крепости и обдирая их кожу.

Петля на конце зацепилась за ногу одного из солдат, таща его за собой. Бедолага издал удивлённый вопль, а затем исчез из виду, утянутый через стену колоссальным весом падающего, древнего дерева.

Лорд Пурдун поднялся на ноги, и накинудся на примерно три десятка гоблинов, которым удалось забраться на стену, прежде, чем их импровизированная лестница обрушилась в бездну. Его лук и меч валялись где-то на земле, так что ему не оставалось другого оружия, кроме собственных кулаков.

Сжав руку, он заехал кулаком прямо по кривому носу первому же гоблину, который попался ему под руку. Маленький желтокожий уродец пискнул и опрокинулся на пятую точку.

- Меч! – крикнул Таммсель.

Лорд Пурдун повернулся и увидел летящий по воздуху полированный стальной меч. Схватив его в полёте, он развернулся и зарубил ещё двух гоблинов – по одному с каждой стороны от него.

Другие легионеры и стражи тоже поднялись на ноги и вступили в бой. Стальной полу-дракон тоже ворвался в драку и они оттеснили захватчиков. Шаг за шагом они очищали площадку лучников, сбрасывая тела через стену, в ров.

Когда последний гоблин был уничтожен, Пурдун припал на одно колено, чтобы перевести дыхание. Одна его рука покоилась на рукояти меча, а другой он убрал покрытые потом волосы с глаз.

Таммсель вручил ему бурдюк с водой.

Подняв взгляд на своего давнего друга, Пурдун благодарно кивнул. Вместе они прошли через множество битв. Большинство из них было связано с защитой Барона Вейлона Моркана от Графа Даска и агентов Тетира. Легионеры сорвали четыре покушения на жизнь Вейлона. Они были подле него достаточно долго, чтобы увидеть, как он станет королём новейшего государства на Фаэруне – Эрлказара.

И теперь судьба повернулась так, что они защищали их новое королевство на последних его рубежах.

Пурдун полил прохладной жидкостью свое лицо и сделал несколько глотков. Вода смешалась с грязью и потом и была на вкус солёной.

- Думаешь нам доведётся увидеть времена, когда Эрлказар не будет сражаться? – спросил он, возвращая бурдюк Тамселю.

Стальной полу-дракон пожал плечами:

- Нам наверное не доведётся, - он сделал глоток воды. – Начинать новое королевство – нелёгкое дело, а Барон Вейлон...

- Теперь он *Король* Вейлон, - поправил его Пурдун.

- Ну да, - ответил Таммсель. – Я так долго называл его бароном, что так и не привык к этому изменению.

- Главное, чтобы он не услышал, вздумай ты снова его так называть.

Таммсель улыбнулся:

- Ещё и года не прошло, как он носит этот титул. Я подозреваю, что он и сам иногда оговаривается.

- Они лезут через заднюю стену! – крикнул посыльный во внутреннем дворе.

Лорд Пурдун резко встал и взял Таммсея за руку:

- Идём.

Двое легионеров бегом спустились во внутренний двор – в самый центр Крепости Зиирит. Помещения внутри были тихими и необитаемыми. Огромные холлы и изящно обставленные обеденные комнаты остались в том же состоянии, в котором были до того, как на горизонте появилась армия гоблинов. Было странно видеть эти расставленные к обеду столы, эти опрятные гобелены в то время, когда снаружи свирепствовала война.

Через залы для приёмов, Пурдун и Таммсель побежали в другую часть крепости, туда, где располагалась оружейная и казарма. Все двери в офицерских комнатах были распахнуты, но внутри никого не было. Когда они приблизились к задней решётке, звуки битвы эхом отражались от каменных стен коридора.

Через конюшни они бросились к площади для построений. Обороной руководил их товарищ по легиону Ризодил Бостронг – самый мускулистый эльф, из тех, каких ему только доводилось видеть. В каждой его руке у него было по мечу. Он проткнул голову приближающегося гоблина одним мечом, а вторым снёс её с плеч.

Площадь для построений использовалась преимущественно армией Лорда Пурдуна. Здесь собирались отряды всадников, прежде чем отправиться на патруль. Эта территория была добавлена, когда стало очевидно, что армия вскоре перестанет помещаться в уже существующие в двухсотлетней крепости казармы.

Ворота хорошо охранялись, но стена здесь была не такой высокой, как возле опускной решётки на главном внутреннем дворе. Изначальная, более высокая стена, была там, где кончались конюшни, и служила точкой отхода, на случай, если площадь для построений захватят – а ждать этого оставалось не долго.

Гоблины перелезали через стену в двух местах, прыгивая на землю перед ожидающими их с мечами на голо отрядами. Пока что, им не удавалось перебраться через стену сколь бы то ни было внушительным числом одновременно и Бостронг хорошо контролировал обстановку. Он стоял плечом к плечу с другими солдатами, истребляя гоблинов сразу же, как только они приземлялись.

- Каким образом они перелезают через стену? – крикнул Пурдун, пытаясь перекричать предсмертные вопли умирающих гоблинов. – Снова притащили дерево? Бостронг покачал головой:

- Нет. Они строят пирамиду, вставая на карачки друг у друга на спинах, чтобы другие могли залезть. Это пока что ещё не происходит повсеместно, но только потому, что основные силы ещё не догадались до этого способа.

- Сколько их там, снаружи?

- Сотня или около того. Причём половина громоздится друг на друге, - ответил эльф. – Я могу с этим справиться. Если потребуется помощь, я направлю посыльного...

Реплика Бостронга оборвалась, когда он был сбит с ног чёрным четырёх-ногим зверем.

- Варги! – раздался крик.

Но было уже поздно. Один уже стоял на груди у Бостронга.

Пурдун с размаху ударил наездника – краснокожего гоблина с Пиков Кульдина. Его меч не достиг цели и был остановлен пастью варга, со звоном схватившего его зубами.

Пурдун вытянул меч назад, выдёргивая его из пасти огромного волка и делая внушительный порез на его дёснах. Существо взвизгнуло и попыталось схватить его зубами, но легионер увернулся, едва избежав щёлкнувших рядом с ним клыков.

С шипением Таммсель прыгнул на варга, обхватывая руками шею животного и прижимая его к земле. Пока стальной полу-дракон и грязный зверь катались по пыльным плитам, всадник был сброшен со спины своего верхового животного. Варг выл и громко щёлкал зубами всякий раз, когда пытался укусить схватившего его мужчину.

Пурдун быстро прикончил выбитого из седла гоблина, разрубив его пополам могучим взмахом, а затем помог Бостронгу подняться на ноги.

- Готов продолжать бой?

Эльф кивнул и подобрал свои мечи.

Ещё три варга перепрыгнули через стену, перемахнув через головы легионеров дальше, вглубь площади для построений.

Пурдун и Бостронг развернулись, чтобы встретить их. Теперь они стояли спиной к внешней стене. Прыжок, который совершили животные, позволил им близко подобраться к открытым воротам Крепости Зиирит – ближе, чем находились Бостронг и Пурдун. Уже ничто не стояло между ними и незащищёнными внутренними помещениями крепости.

- Нельзя позволить им прорваться внутрь! – крикнул Пурдун и набросился на первого наездника.

Солдаты у стены последовали за ним, рассредоточиваясь вокруг варгов.

Таммсель всё ещё продолжал своё сражение с хищником. Градом лилась кровь, во все стороны летели клочки меха. Они обменивались ударами своих когтей и старались впиться друг другу в глотку. Это была битва насмерть – существа, ведомые первобытными инстинктами, сражались за свою жизнь.

Справа от Пурдуна, Бостронг скользнул в сторону, чтобы оказаться позади ближайшего наездника. Это движение запутало огромного хищника и он попытался схватить зубами сначала одного легионера, затем другого, но схватил лишь воздух.

Гоблин, сидевший у него на спине, пытался направить зверя, но это было бесполезно – животное выбирало, что ему делать, а не наездник.

Варг сделал выпад в сторону Бостронга и Пурдун рубанул по его хвосту, когда тот отвернулся. Существо взвизгнуло и рыча крутанулось обратно. Но этот разворот был единственным, что варг успел сделать. Обходной манёвр эльфа удался и он, высоко подпрыгнув, обрушил на зверя свои клинки.

Задняя часть варга упала на землю; теперь она представляла собой немного больше чем окровавленный обрубок. Существо сложилось внутрь. Оно визжало и издавало стонущий вой, поворачивая себя при этом кругами оставшимися передними ногами. Сбитый с толку и отчаявшейся варг опрокинулся, пытаясь зализать рану. В процессе, мечась в агонии, своей тяжёлой и волосатой тушей он пригвоздил к земле своего наездника и превратил его в кровавую размазню.

Ещё один вой эхом разлетелся по всей площади, заглушая все остальные звуки битвы. Таммсель поднялся на ноги, варг, с которым он боролся, висел у него на руке – драконьи когти легионера впились в его глотку. Существо слабо било его руки своими лапами, пытаясь вдохнуть. На боках варга были глубокие раны, источающие кровь и гниль, а хвост вытянулся, как струна.

Когда варг издох, вой прекратился. Его безвольное тело свисало из когтей Таммселя, на подобии того, как недавно забитые коровы свисают с крюков для мяса.

Другие солдаты прикончили одного из оставшихся двух варгов, когда последний развернулся и решил прорваться в открытую дверь, ведущую в Крепость Зиирит.

- Эй, вы, - крикнул Пурдун, показывая на полдюжины солдат, стоявших не далеко от двери, - за ним!

Однако его приказ утонул в рычании ещё пяти варгов, перемахнувших через стену. Двое воинов, не успевших среагировать, были порваны на куски этим безумствующим штормом зубов и когтей.

Пурдун осмотрел площадь. Они не могли сдвинуться с мёртвой точки. Гоблины продолжают перепрыгивать через стену и в конце концов ещё больше монстров прорвётся в открытую заднюю дверь. У них не было весомой причины удерживать эту часть крепости, так что оставаться здесь было просто глупо.

- Отступить! – приказал он. – Все в крепость! Мы оставляем площадь.

Воины сделали так, как им приказали, вышли из боя с гоблинами-наездниками и бегом устремились к тяжёлым дверям Крепости Зиирит. Пурдун Бостронг и Таммсель заняли место в арьергарде, прикрывая отступление. Они стояли плечом к плечу и сражаясь медленно отступали назад, пока варги и их наездники напирали, пытаясь прорваться внутрь.

- Теперь наш черёд бежать внутрь! – сказал Пурдун и устремился к двери.

Эльф и полу-дракон последовали за ним, в ожидающие их двери. Гоблины-наездники преследовали их по пятам.

Среди воинов раздался крик:

- Закрывайте!

Солдаты навалились, но дверь двигалась медленно. Тяжёлая деревянная дверь, окованная металлом была спроектирована так, чтобы её было тяжело открыть, но как итог, она имела и побочный эффект – её было также тяжело закрыть. Старые металлические петли скрипя ворчали, пока она закрывалась, а варги просовывали в

цель свои когти и зубастые пасти, чтобы схватить хоть что-нибудь, до чего им удастся дотянуться.

Рвущихся внутрь бестий и их наездников отгоняли мечами. Когда один из нападавших отступал, другой тут же занимал его место, не давая двери полностью закрыться.

- Упритесь в неё спинами! – крикнул Пурдун. Он присел и со всей силы уперся плечами в тяжёлую, деревянную, окованную железом дверь.

Дверь поддалась, двигаясь на варгов. Бести рычали, терзая её зубами и когтями. Их всадники тыкали в проём свои мечи, создавая дополнительное препятствие.

- Все вместе! – крикнул Таммсель. – Раз, два, три – взяли!

Все, кто не мог дотянуться до двери руками, упирались в неё оружием. Клинки в проеме скрестились, глаза, на сдавленных мордах варгов, выдавливались, зубы вываливались, лапы разрывались на клочки. Коллективное усилие солдат отбросило бестий назад и последние несколько дюймов проёма поддались.

-Толкайте!

Воины стонали от напряжения, толкая изо всех сил и дверь, наконец, захлопнулась.

Звук тяжёлой запорной балки, вставляемой на своё место, был для Пурдуна сродни камню, упавшему с сердца. Он глубоко вздохнул. Ощущение того, что можно отдохнуть, облокотившись на жесткую, старую древесину массивной двери было приятным. Но впереди всё ещё маячила битва, а внутри его дома всё ещё бегал варг.

Оттолкнувшись от двери, он направился внутрь крепости.

- Половина из вас останется здесь. Остальные, за мной.

Он сделал рукой знак следовать за собой, и отправился в путь, прихватив с собой Бостронга, Таммсея, и горстку солдат.

Двигаясь вдоль каменного коридора, воины по одному отделялись, проверяя комнаты, мимо которых проходили и вновь примыкали к группе. Обыск всех казарменных помещений не занял у них много времени и они перешли в другое крыло.

Достигнув входа в следующую часть крепости, они нашли то, что искали.

Варг стоял загнанный в угол в одной из бывших столовых комнат, рыча на пол дюжины копейщиков, поставивших его в такое положение. Большой стол в центре был перевернут и на полу валялись осколки тарелок. Гоблин-наездник спешил и стоял рядом с варгом, безумно размахивая своим коротким мечом.

Один из копейщиков медленно приблизился к паре, принуждая упереться в стену. Когда варг осознал, что зажат в угол, он запаниковал и прыгнул на ближайшего солдата. Как результат, его вспороли от горла до брюха стальным наконечником.

Видя печальную судьбу своего верхового животного, гоблин попытался скрыться под перевернутым столом. Он отчаянно вцеплялся когтями в обрывки скатерти и обломки стола, но спрятаться было негде и он тоже получил полный живот стали.

- Я думаю, вы и сами разберётесь здесь, - сказал Пурдун. – Отлично сработано, парни.

Вкладывая меч в ножны, он в последний раз взглянул на разгромленную столовую и направился во внутренний двор, чтобы оценить ситуацию там.

Снаружи все было относительно спокойно. Лучники, на площадке сверху, время от времени выпускали стрелы в гоблинов. На нижнем уровне солдаты суетились вперёд и назад, заботясь о раненных и собирая припасы. Кучи хлеба и вёдра с водой были расставлены вокруг, чтобы каждый мог воспользоваться перерывом в битве и подкрепить свои силы перед ещё одной.

Пурдун взял ломоть хлеба, разорвал его на три части и вручил по куску Таммселю и Бостронгу.

- Интересно, сколько ещё это продлится.

- Наличие еды или передышка? – спросил Таммсель, откусывая кусок тёплого хлеба.

Относительная тишина была прервана звуком тысяч гоблинских глотков, вдруг разом решивших поговорить. Их голоса возвысились до безумного исступления, а потом всё стихло.

Ризодил Бостронг взбежал вверх по лестнице, ведущей на площадку для лучников. Он посмотрел вниз через зубцы, затем повернулся, складывая свои руки рупором около рта.

- Король гоблинов явился!

Лорд Пурдун поспешил наверх и его компаньон, стальной полу-дракон, не отставал. Достигнув вершины зубчатой стены, он глянул вниз, в море гоблинов, окружавших его крепость. Король гоблинов приближался с запада, расчищая себе путь.

Превосходя самого крупного гоблина на поле боя по меньшей мере в три раза, он медленно ковылял на холм, не выказывая спешки. В одном из своих массивных кулаков он сжимал плечо требушета, волоча его позади себя. Этот сувенир с предыдущей битвы даже сохранил корзину на конце.

Он был уродливым даже по меркам гоблинов. Его отдающая зеленью кожа была туго натянута на его бородавчатых плечах и предплечьях. Он носил на себе коллекцию шкур, которые накиннул себе на грудь и спину в случайном порядке. В некоторых местах это выглядело так, будто он прибил скунса и привязал его хвост к остальным элементам своего наряда.

Бородавки также покрывали его лоб. Его нос был кривым и вздёрнутым кверху, словно был сломан, а потом сломан ещё и ещё, всякий раз изгибаясь по другим углом. Беспорядочная копна слипшихся, жирных волос тянулась от верхушки его головы, ложилась на его плечи и спину и путалась в его ногах во время того, как он пробирался вперёд.

Поверх своих волос, король гоблинов нацепил помятую, искорёженную и сломанную бронзовую корону. Корона это выглядела так, словно когда-то служила колесом какой-нибудь изящной кареты. Чем бы она ни была в прошлой жизни, она повидала много боёв и это не прошло для неё незаметно.

Короля окружало множество краснокожих гоблинов-охранников верхом на варгах. Они отпихивали с дороги других гоблинов, расчищая место для своего короля. Те, из гоблинов, что не убирались или не могли убраться с дороги быстро, были растоптаны варгами или растерзаны в клочья их могучими челюстями.

- Так вот он какой, знаменитый король Эртик Ул, - сказал Пурдун, приглядываясь к оппоненту.

Он многое слышал о короле гоблинов. Эртик Ул был первым кто объединил гоблинов двух пиков – Пиков Кульдина и Высоких Пиков. В результате объединения возникло племя Звёздного Утёса – противники, с которыми Пурдун и другие легионеры месяцами бились в Дулнариме. Война длилась почти целый год, но прежде, король гоблинов никогда не показывался лично.

Достигнув вершины холма, Эртик Ул остановился и осмотрел собранную им армию. Король гоблинов воздел к небу свою боевую дубину, а затем махнул ей вперёд, в сторону Крепости Зиирит. При этом движении корзина для камней, на конце его «дубины», перекинулась сверху и воткнулась в землю перед ним.

Тишина была нарушена и гоблины снова стали одновременно переговариваться. Они формировались в большие группы, каждая из которой получала какое-то коллективное задание. Во всяком случае, так это выглядело.

Чем бы они не занимались, это не было атакой на Крепость Зиирит и это дало легионерам время ещё раз остановиться и собраться с мыслями. Снова спустившись вниз, во внутренний двор, Пурдун, Таммсель и Бостронг присели на кромке низкой стены, чтобы поговорить.

- Похоже это никогда не кончится, - начал Пурдун. – Теперь, когда здесь их король, они будут нападать день и ночь. У них есть нужное количество бойцов, чтобы отдыхать посменно и держать нас в напряжении пока мы не сломаемся.

- Отрадно видеть, что ты начал воспринимать ситуацию здраво, - ответил Таммсель. – Время покинуть Крепость Зиирит. Мы хорошо держались, но нет никакого смысла умирать здесь. Мы можем выжить, чтобы дать им новый бой, на наших условиях и когда у нас будет больше ресурсов.

- Не думаю, что нам удастся бежать, - ответил Пурдун. – Их слишком много и мы полностью окружены. Да и даже если нам удастся выбраться из окружения живыми, то куда нам идти? Назад в Тетир? Мы долго и упорно сражались, чтобы выйти из-под их власти, а теперь ты хочешь просто вернуться и спросить, не соблаговолят ли они снова принять нас под своё крылышко?

- Разумеется нет, - ответил Таммсель. – Мы независимый народ и я намерен сохранить этот статус.

- Замечательно! – Пурдун улыбаясь похлопал его по плечу.

- Если ты не рассчитываешь на побег, тогда на что? – спросил Бостронг.

- Я предлагаю пойти в наступление.

- В наступление? Ты спятил? – осуждающе воскликнул эльф. – Крепость – это наше единственное преимущество. Эти стены – это единственное, что сдерживало практически неистощимую армию этих паразитов. С чего бы нам от них отказываться?

- Нужно убить их короля, - ответил Пурдун в свою защиту. – Без него, их армия развалится. Они боятся его. Они штурмуют нас, идя навстречу гибели, потому, что боятся нас меньше, чем его. Но если мы его убьём, если они увидят, как он падёт в битве, они станут нас бояться. Они запаникуют, растеряют дисциплину и разбегутся.

Пурдун взглянул на своих товарищей по легиону:

- Мы не можем убить их всех, а если попытаемся отсидеться в крепости, то я подозреваю, что нам не удастся пережить эту ночь. У нас нет выбора. Король Эртик Ул должен умереть.

Эльф и стальной полу-дракон посмотрели сначала друг на друга, потом на Лорда Пурдуна.

-Мы с тобой! – сказали они в унисон.

- Начинается!

Люди во внутреннем дворе рассеялись в поисках укрытия. Свистя, через стену перелетали пахнувшие гнилой плотью и плесенью объекты.

Снаряды падали на землю в центре крепости и н поверку оказывались гоблинами с Высоких Пиков. Они были переброшены через стену, с мечами на изготовку.

Пурдун снова взбежал на площадку для лучников. Там, на вершине большого холма, гоблины умудрились сконструировать пару неуклюжих катапульти. Группы гоблинов забирались в пусковую чашу и отправлялись в полёт через стену.

Пурдун развернулся и бегом спустился во внутренний двор.

- К решётке! – крикнул он.

Гоблины, которых перекидывали через стену, были связаны пачками, так что те, кто оказывался на вершине связки, могли пережить падение. Те же из них, кто был достаточно неудачлив, чтобы оказаться снизу, после приземления представляли из себя не многим больше, чем раздавленное месиво из плоти и сломанных костей.

Выжившие срезали с себя связывавшую их верёвку и бежали к опускной решетке и вороту, управлявшему дверью и подъёмным мостом. Они оттеснили горстку солдат, охранявших дверь, сбили их с ног и втоптывали в землю; противный визг чудищ многократно отражался от каменных стен.

Пурдун и Таммсель прибыли первыми, врубаясь в роящуюся массу гоблинов – Пурдун своим мечом, а Таммсель своими серебряными когтями. Кровь их врагов потоками стекала с их орудий, но в то время пока они успевали убить одного гоблина, через стену перелетало ещё двое.

- Нужно идти сейчас, - сказал Пурдун, поворачиваясь и отсекая голову очередному гоблину. – Они могут пожертвовать половиной своей армии, перекидывая их через стену, но даже в этом случае мы в проигрыше.

Он снова атаковал, разрубая двоих гоблинов одним длинным и широким взмахом:

- В конце концов, если ещё больше этих уродцев проберётся внутрь, всё будет кончено, - сказал он крутанувшись и рубанув желтокожего гоблина по груди, а затем развернулся и пнул другого в пах, посылая существо в нокдаун, лицом в землю. – У нас нет выбора. Мы должны их удивить. Надо убить их короля. И сделать это надо сейчас.

Слушая своего друга, Таммсель когтями пробил себе путь через четырёх гоблинов, разрывая их одного за другим. Затем кивнул:

- Я с тобой.

Пурдун оглянулся на внутренний двор и в центре заметил Бостронга разрубающего гоблинов на куски, даже до того, как им удавалось освободиться от своих раздавленных в лепёшку товарищей.

- Идём, - Пурдун направился к двери. – Приготовь своих людей.

Эльф просто кивнул, заканчивая свою расправу, а затем повернулся, чтобы обратиться к ожидающим неподалёку солдатам.

Сделав два больших шага, Пурдун вышел из боя. Гоблины, застывшие в оборонительной позе, зашипели на него и кололи злобными взглядами. Когда они

поняли, что он не собирался атаковать, они стали осторожно подбираться к решётке, собираясь открыть её. Пурдун дал им сделать то, что они хотели.

- Стражи! Легионеры! За мной! – крикнул он.

Гоблины повернули большой деревянный ворот, который наматывал цепь решётки. Массивные железные ворота начали тяжело подниматься, обнажая тяжёлые пики, впивающиеся в землю.

Пурдун ждал того момента, когда решётка поднимется достаточно высоко, чтобы он мог пролезть под ней пригнувшись, а затем поднырнул под неё, оставляя позади относительную безопасность Крепости Зиирит, чтобы вступить в бой с врагами.

Когда он и его люди перемахнули через ров, мост не успел опуститься даже наполовину. Там внизу, бурлило и волновалось нечестивое море гоблинов, которое только и ждало возможности хлынуть внутрь. Их глаза расширились, когда они увидели как хранитель крепости обрушивается на них сверху, оседлав подъёмный мост, словно боевого коня, несущего его в битву.

У Пурдуна не было времени, чтобы оценить положение, в которое он сам себя загнал. Здесь не было места страху. Приземлившись, он издал боевой клич.

- За Эрлказар!

И началась кровавая бойня.

Пурдун вклинился в толпу, прорубая себе тропу сквозь гоблинов и варгов. Следовавшие за ним в бой солдаты, неистово вопя, набрасывались на врагов. Земля перед подъёмным мостом пропиталась кровью и нападающие двинулись дальше.

Так отчаянно стремились гоблины попасть в крепость, что они напирали друг на друга, толкаясь, чтобы быть первыми – первыми, кого убьют. Войско гоблинов полностью заполняло поле битвы, куда бы ни падал взгляд. Они растоптали кусты и маленькие деревья, стояли на камнях, в грязи, на земле. Казалось, будто весь мир обернулся в размытую мешанину жёлтого и красного.

Стоя высоко на своей платформе, лучники поливали стрелами копошащуюся внизу толпу гоблинов, делая их массу менее плотной. Направляемые Пурдуном, Таммселем и Бостронгом, солдаты прорубали себе путь через сгрудившуюся в сплошную стену плоть врагов.

Отдаляясь от моста, они медленно пробивались к центру армии гоблинов. Наездники на варгах обходили их сзади, замыкая круг, окружавший атакующее войско. Теперь можно было забыть о любой возможности отступления, но это и не имело значения, так как смысла в нём никогда и не было.

Король Эртик Ул проревел что-то на своём ломанном неразборчивом наречии, что привело его отряды в безумство. Гоблины устремились вперёд. Те, кто были позади, напирали на тех, кто был перед ними. Их бешеный напор промял фронт людей и эльфов, разделяя их на две неравные группы. Пурдун, Таммсель и основная часть их сил уцелели, но Бостронг был отрезан от основной армии с куда меньшим количеством солдат.

Гоблины вклинились в возникшее между ними пространство, разделяя две группы ещё дальше. Времени не было ни на перегруппировку, ни для какого-бы то ни было манёвра. Всё что они могли – это продолжать сражаться.

Пурдун и Таммсель плечём к плечу стояли в центре фронта. Гоблины налетали на них по двое и даже по четверо за раз и легионеры разрубали их на части. Они

сражались на смерть, сражались за свой дом. Но армия гоблинов была практически неисчерпаемой. Они просто превосходили их числом и хоть и умирали дюжинами, но места убитых тут же занимали другие.

Воины позади них уставали. Силы покидали их руки, замедляя движения их мечей. Как бы хорошо они ни были натренированы, был предел усилий, которые могли бы быть сделаны одним человеком и они быстро приближались к этому порогу.

Круг гоблинов вокруг солдат стягивался туже и Пурдун был вынужден сделать шаг назад. Клинок просочился сквозь его защиту и скользнул ему под руку, прямо между пластин его брони. Хранитель крепости зашипел и схватился за бок. Его пальцы были в крови, однако сделать что-то ещё, кроме как стряхнуть капли на землю и продолжить сражаться, он не мог.

Таммсель тоже истекал кровью неподалёку. Он получил несколько ран на руках и приличное рассечение на левой стороне лица. Могли быть и другие раны, но Пурдун не мог рассмотреть их сквозь летящие во все стороны от его когтей клочки плоти гоблинов.

Они были окружены, в меньшинстве, за пределами спасительных стен крепости и не в состоянии добраться до своей цели. Их перспективы представлялись в весьма мрачных красках. Тогда, уголком глаза, Пурдун заметил Бостронга. Он и его люди умудрились вырваться из толпы неприятелей и приближались к вершине большого холма, к Королю Эртику Улу.

- Туда! – крикнул Пурдун, надеясь, что зрелище эльфа, приближающегося к их цели подстегнёт его бойцов. – Это Бостронг! – через головы гоблинов он указал своим людям на легионера.

У солдат открылось второе дыхание и позади Пурдуна и Таммсея раздалось ликование.

Половина бойцов Бостронга погибла, но остальные добрались до короля гоблинов. С военной точностью они пробивались через состоявший из наездников на варгах эскорт, расчищая себе дорогу к цели.

Бостронг лично встал перед королём; его клинки были готовы атаковать. Зеленокожий вождь племени Звёздного Утёса казался довольно большим даже издали. Теперь же, в сравнении с мускулистым эльфом, Эртик Ул был просто огромным.

Бостронг атаковал возвышающегося над ним гоблина четыре раза. Его клинки поражали короля прямо в центр груди, всякий раз разметая в разные стороны куски вонючего меха. Эртик Ул опустил на эльфа взгляд своих самодовольно полу прикрытых глаз, словно только что заметил муху, кружащую вокруг его носа. Затем, вздохнув обрушил на Бостронга свою боевую дубину. Корзина разрушенной катапульты, проходя по пути замаха над огромным плечом гоблина, набрала скорость и, словно пущенная из катапульты, опустилась на свою цель.

Голова Бостронга исчезла между его плечами и через шею вошла в его грудь. Руки эльфа обмякли и всё его тело опрокинулось набок. Удар убил его на месте. Пинком, король гоблинов отправил тело вниз, к подножью холма, смотря как оно скатывается в кучу убитых варгов.

Пурдун почувствовал, как его желудок поднялся, а затем опустился. Он мог ощутить, как энергия покидает воинов, увидевших как их друг и их надежда потерпели поражение и пали.

Позади них раздался крик:

- Крепости Зиирит пала!

Оглянувшись, Пурдун увидел, что решётка была полностью поднята и мост кишел желтыми и красными спешащими внутрь уродцами. Он мог видеть внутренний двор и двери в его глубине. Гоблины добрались до входа и заняли проходы. Его дом был потерян. Всё, за что он сражался, погибло.

Острая боль от зубов вцепившегося в его руку варга вернула его в битву. Рукоятью меча, Пурдун ударил бестию по затылку. Другой варг вцепился ему в ногу. Рыча и кусая, зверь разрывал его голень и лодыжку.

Из вихря бойни появился Таммсель, хватая двух варгов своими мощными когтями и пытаясь оторвать их. Но чем больше они боролись, тем глубже входили их клыки, минуя броню Пурдуна и впиваясь в его плоть. Он метался из стороны в сторону, пытаясь освободиться от их хватки. Затем весь его слух заполнил резкий хруст, его тело вздрогнуло от боли и в глазах всё побелело.

Покой опустился на Властителя Крепости Зиирит и он почувствовал, как его измождённое тело падает назад. Его нога была сломана, плечо смещено и кровь сочилась из нескольких дюжин укусов. Когда вся армия гоблинов устремилась внутрь Крепости Зиирит, до него донеслись крики людей.

Он поднял взгляд на Таммсея. Лицо его друга носило выражение непреклонной решимости. Ничто не могло остановить его. Если кто и мог надеяться выйти из этой передраги живым, то разве что Дживаам Таммсель. Пурдун посчитал себя счастливым, раз ему довелось иметь такого друга.

Когда он упал, варги выпустили его из своих челюстей. Таммселю удалось оттащить их и швырнуть одного из них в редкую толпу гоблинов, а второго разорвать на клочки голыми руками. Всё как будто замедлилось, а кипящая вокруг Крепости Зиирит битва, словно и вовсе застыла.

Где-то недалеко зазвучали трубы. Пурдун не был уверен, действительно ли он их слышал или только вообразил их себе, проваливаясь в беспамятство. Повернув голову к холму он увидел скачущих лошадей.

Верхом на самом первом коне Пурдун увидел знакомое лицо и надежда не дала ему потерять сознание.

- Корокс! – выдохнул он, приподнимаясь и поддерживая своё раненное плечо здоровой рукой.

Король Вейлон Моркан и его легионер Корокс триумфально вернулись и теперь возглавляли отряд из пятидесяти всадников. Но не они должны были стать теми, кто спасёт Крепость Зиирит. Эта роль отводилась пяти сотням Огров Щитоломов, которых они привели.

Каждый из великанов был не меньше короля гоблинов. Они были грязными и уродливыми созданиями и носили одежды из коровьих шкур и куски металла с импровизированными шипами, торчащими под странными углами. Многие несли в своих массивных руках сломанные стволы деревьев, огромные камни. Другие были

вооружены костями мёртвых животных или иногда даже ржавыми стальными мечами.

- За крепость! – крикнул Король Вейлон и его всадники вступили в бой, предваряя своих невероятных союзников.

Войско гоблинов захлестнула массовая паника. Король Эртик Ул издал что-то похожее на сдавленный вой и расталкивая всех сбежал с поля битвы в том же направлении, откуда появился. Дюжина огров пустилась в погоню, сотрясая землю своими шагами.

Заприметив Таммсея и Пурдуна на земле, Корокс пришпорил коня и врезался в толпу врагов. Он размахивал своим мечом словно молотом. Длинные круги, которые описало его оружие, к моменту, когда он добрался до легионеров, отсекали головы трём гоблинам.

Достигнув друзей, он спрыгнул с лошади, спугнув гоблинов и варгов.

- Что, не повезло вам в Тетире? – спросил Таммсель, глядя на пятьдесят всадников, устремившихся к мосту. – Ну по меньшей мере тебе удалось сохранить свою жизнь.

Корокс покачал головой.

- Мы не ездили в Тетир, - ответил новоиспечённый принц Эрлказара. – Отцу удалось заключить соглашение о помощи несколько ближе к дому.

Битва ещё не кончилась, но уже было ясно, что её ход повернулся в другую сторону. Без своего короля, гоблины потеряли всякое подобие боевого порядка и просто рассеялись перед отрядом огров.

Корокс и Таммсель помогли Пурдуну подняться, распределив его вес между собой.

- И как тебе удалось заключить союз с ограми? – спросил Пурдун, вздрагивая от боли в плече.

- Оказалось, что они ненавидят гоблинов даже больше, чем мы, - ответил Корокс. – Пойдём. Война ещё не закончилась и надо поставить тебя на ноги как можно скорее.

И воины покинули поле битвы, намереваясь начать подготовку к тому, чтобы вернуть себе Крепость Зиирит.

НАГРАДА ЗА МИЛОСЕРДИЕ Марк Зеэсштедт

Год Змея (1359 согласно Летоисчислению Долин)

- Просыпайся.

Одну из сторон лица Гетреда обожгло и в ушах раздался резкий звон.

- Просыпайся.

В этот раз он почувствовал это на другой щеке. Кто-то отвесил ему пощёчину. И сильно.

- Открой глаза или я тебе веки отрежу. Ну же.

Голос был глубокий и безошибочно выдавал произношение человека, не привыкшего говорить на Общем языке.

Гетред открыл глаза и вздрогнул. Мрак слегка рассеивался тусклым серым светом, но даже этого было достаточно, чтобы пронзить его голову нестерпимой болью. Он застонал и попытался дотянуться до лба. Его руки не сдвинулись с места и удвоив усилие он попробовал ещё раз, в этот раз почувствовав укус врезавшейся в его руки верёвки.

Огромные руки схватили его за плечи, переместили в сидячее положение и затем отпустили. Гетред откинулся назад и его голова стукнулась о каменную стену. Он вскрикнул и зажмурил глаза.

- Я сказал открой глаза.

Сжимая зубы, Гетред заставил свои глаза открыться.

Серый свет очерчивал массивную фигуру стоявшего перед ним человека. В этом мраке он казался большим, словно огр. Свет, лившийся на фигуру человека сзади, скрывал от Гетреда большинство его черт, но он мог различить большую копну волос, хотя он и затруднился бы сказать, где кончалась она и начиналась его одежда. Стоящий перед ним мужчина был полностью одет в шкуры и меха. Мудро. Когда живёшь так близко к границе открытой степи у подножия гор, зимние морозы могут убить тебя быстрее, чем Орда.

Вокруг здоровяка Гетред мог различить то, что только самый неприхотливый человек мог бы по доброте душевной назвать жилищем. Это была пещера. Сухая? Да! Но чистота здесь была в дефиците, как и признаки человеческого обитания: несколько меховых одеял, свёрток, обглоданные кости. На одном из волчьих черепов всё ещё сохранялись кусочки мяса.

Человек слегка толкнул Гетреда ногой и спросил:

- Ты кто?

- Просто голодный, полу замёрзший путешественник, - ответил Гетред.

Здоровяк присел на корточки и произведённый им звук был чем-то между вздохом и рычанием.

- Ты лжец. Ты не из Рашемна, а те, что с запада не шарятся по этим холмам без запасов. Но ты и не теец, судя по цвету кожи. Ты загадка. Загадка, которую мне решать недосуг. Ты опустошил мою ловушку. Зачем?

- Волк страдал.

- Ты тоже.

- Я просто хотел проявить немного доброты к другому существу, прежде чем свалиться замертво самому.

- Хмм. Ты осуществил своё первое желание. Я осуществлю второе.

На какой-то момент наступила тишина, а затем здоровяк спросил:

- Значит, ты их не знаешь?

- Их?

Мужчина просто сидел перед ним и смотрел. Гетред прищурился, пытаясь рассмотреть его получше, но не смог. Хотя вонь, исходившая от него, говорила уже о многом.

- Если ты врешь, - сказал здоровяк, - перед тем как ты умрешь, тебе будет больно. Тебе будет очень долго больно.

- Вру? – переспросил Гетред. – О чем ты? Я... не понимаю.

Мужчина сделал глубокий вдох через нос.

- Ты не мелешь языком, но я чувствую, что ты что-то скрываешь. Я чую это. Тебе не скрыть зловоние *шен гусен*. И ты мужчина. Значит магия?

- Магия?

- *Шен гусен* хитры. Могущественны. Ты *можешь* оказаться шпионом.

Гетред сглотнул. Его горло болело.

- Я не знаю, о чём ты говоришь. Я даже не знаю, что такое *шен гусен*. Я клянусь.

- Клянёшься своим богам?

- Да.

- Хорошо, - сказал здоровяк. – Давай-ка отправим тебя к ним.

Мужчина встал, потянулся к себе за спину, а когда его рука снова появилась в поле зрения Гетреда, он мог видеть, как свет отражается от кромки большого кинжала. Клинок был почти что с ладонь Гетреда шириной. Он выглядел скорее как топорик мясника с острием, а когда мужчина повернул его, Гетред увидел выгравированные в металле руны – закорючки, извивающиеся под острыми углами. Прочсть их он не мог, но от их вида он почувствовал зуд под веками.

- Пожалуйста...

- Что «пожалуйста»? – сказал здоровяк.

- Я не шпион, - ответил Гетред, - клянусь. Пожалуйста.

- Но ты воришка. И мне *доставит* удовольствие обрушить на тебя правосудие.

Гетред попытался отпрыгнуть, но из-за верёвок, стягивающих его щиколотки, колени и бёдра, он мало что мог сделать, кроме как извиваться гусеницей. Единственное, что ему удалось – это соскользнуть со стены чуть ниже.

- Идти тебе некуда, - мужчина рассмеялся и схватил стягивающие щиколотки Гетреда верёвки. Он зафиксировал его ноги на месте и поднёс кинжал к промежности Гетреда. – Как думаешь, твои боги сильно расстроятся, если ты предстанешь перед ними немного меньше, чем мужчиной?

- Пожалуйста!

Гетред закрыл глаза и напряг всё тело. Лёжа на полу пещеры, тяжело дыша и ожидая укуса стали, он успел позабыть о повергавшей его в агонию головной боли.

Боль не наступила. Гетред открыл глаза. Здоровяк стоял над ним, недвижимый словно камень. Его голова была наклонена, будто он прислушивался к чему-то. Казалось, он даже не дышал.

В этой внезапно наступившей тишине, Гетред тоже что-то услышал. Лошади приближались. Они не бежали галопом, но спутать с чем-то звуки медленного приближения нескольких лошадей было невозможно.

Рыча, здоровяк выпустил из рук ноги Гетреда и отвернулся. Ослепляющий свет залил пещеру, когда он отодвинул толстый плетень из палок и прутьев, служивший дверью. Один раз он оглянулся – его глаза всё ещё были глубоко в тени его огромной копны волос – затем вышел, захлопнув за собой ветхую дверь.

* * * * *

Лежа в темноте пещеры, Гетред прислушивался, силясь услышать хоть что-нибудь кроме панических звуков собственного дыхания.

Первыми словами, которые он услышал, были оклики издали на туиганском диалекте.

Затем голос здоровяка:

- Говори на языке, который можно слушать без рвотных позывов, а не на вашей степной тарабарщине.

Другой участник разговора, помедлив, ответил по-рашемнски:

- Мы ехать от Ямуна Хана. Мы ехать после победы в Цитадель Рашемар. Мы ехать уже пять дней выслеживать шпионов с Запад, которые избежали мести Ямуна Хана. Два дня до этого мы поймать их. Мы сражаться с ними. Трое из наших воинов гибнуть, убивая шпионов. Но один убежать. Мы идти его след в нескольких милях отсюда. Потом мы идти по более крупным следам. Я думать, твоим следам. И вот мы здесь.

- А мне что за дело? – спросил здоровяк. – Я не проявляю гостеприимства к попрошайкам из степей. Проваливайте обратно к своему Хану.

- Мы не просить твоё гостеприимство. Мы искать шпиона.

- Зачем?

- Мы доставить его к Ямун Хану. Наши владыки хотеть допрашивать его.

Последовала долгая тишина. Гетред думал, что слышал, как лошади ржали и топтали снег. Затем здоровяк заговорил снова:

- Не знаю я ни о каких шпионах. Мне попался лишь один воришка и он мой.

- Этот воришка, - сказал туиганец, всё ещё комкано говоря по-рашемнски, - может быть нашим шпионом.

- *Вашим* шпионом? Вашего здесь ничего нет, кроме кляч, на которых вы сидите и вони, которая вас сопровождает.

Последовавшая пауза была ещё дольше первой. Гетред спрашивал себя, сколько же там туиганцев. Вряд ли слишком много, ведь здоровяк говорил с ними так храбро.

- Мы просить тебя позволить нам увидеть этого воришку, - сказал туиганец.

- Нет.

- Ямун Хан просить тебя позволить нам увидеть этого воришку.

- Так пусть он сам явится и попросит.

- Мы просить от его имени.

- Сегодня, после ужина я напишу его имя мочой на снегу.

Крики – два искренне изумлённых оскорблением, а затем много яростных – за которыми последовали звуки скачущих лошадей. На сей раз это не было осторожным приближением.

Это была атака. Гетред чувствовал, как содрогалась под ним земля.

Ему показалось, что он слышал короткий изумлённый вопль, даже скорее вопль страха, а затем рычание, да такое громкое, что с потолка пещеры осыпалась пыль. После этого настала такая страшная какофония и многие звуки перемешались настолько, что Гетред уже не мог отличить, где кончался один и начинался другой: крики людей, слишком уж похожий на человеческий крик умирающей лошади, падающие тела и над ними всеми рычание какого-то огромного зверя.

Грохот стих, а потом и вовсе сменился звенящей тишиной. Единственными звуками были звуки падающих на Гетреда грязи и щебня. А затем что-то ещё. Он почувствовал приближающиеся шаги раньше, чем услышал их.

Дверь толкнули внутрь, да так грубо, что одна из петель была выдернута из стены. Двое туиганцев вошли внутрь. У обоих были мечи, у одного из них меч был окровавлен. Их глаза были широкими от страха, а кожа красной от перенапряжения. Один из них, с чистым мечом, указал на Гетреда и сказал что-то на своём родном языке. Их речь была непонятна Гетреду, за исключением одного слова: «Кормирец».

* * * * *

Туиганцы выволокли Гетреда из пещеры. Яркий полуденный свет отражался от укрывавшего долину снега. Пленник вздрогнул, но заставил себя не закрывать глаза, чтобы осмотреться.

Пещера располагалась в основании одного из холмов, окружавших подножие Рассветных Гор. Место было усыпано вековыми булыжниками, а склоны заросли соснами. Снегопад, свирепствовавший прошлой ночью, укрыл своим покрывалом всё, обернув мир в ослепительно белый саван – всё за исключением тел.

Лошадь лежала, распростершись не далее чем в пятидесяти футах от пещеры, её голова держалась лишь на нескольких полосках кожи. Кровь била фонтаном на десять футов во всех направлениях. Трое туиганских воинов лежало рядом. У двоих отсутствовали конечности, а другой, казалось, пробежал добрые сорок футов, прежде чем его настигла смерть. Его внутренности покрывали оставшиеся двадцать футов позади него. Ещё больше туиганцев – по меньшей мере пол дюжины и все в сёдлах – бродили вокруг, двое из них держали запасных лошадей. Не было никаких следов здоровяка, державшего в плену Гетреда.

Двое туиганцев тащили Гетреда по земле, не обращая внимания ни на острые камни, ни на снег, который, казалось, находил любую щель в его одежде, чтобы забиться внутрь. Его перебросили через одну из запасных лошадей, даже не подумав о том, чтобы срезать его путы и через несколько моментов весь оставшийся отряд уже галопом мчался в открытую степь.

* * * * *

К моменту, когда они остановились, Гетред уже не чувствовал лица. Они бежали галопом, кажется, по меньшей мере с дюжину миль, с Гетредом связанным по рукам и ногам и перекинутым через седло лицом вниз. Если бы за последние три дня ему довелось хоть что-нибудь съесть, он без сомнения, потерял-бы каждый кусочек. Туиганские лошади имели плавную поступь, но земли, которые находились столь близко к горам, были испещрены огромным количеством расселин, которые весной заполнялись водой. Каждая миля, которую они проезжали била, пихала и трясла Гетреда, а верёвки, привязывающие его к седлу вгрызались в кожу. Но туиганцы не сбавляли скорости и ветер, обдувающий его открытое лицо, заморозил его кожу до полного онемения. Он был уверен, что единственным, что не давало ему окончательно отморозить уши и нос, было тепло разгорячённой лошади под ним.

Когда солнце закатилось за горы, а покрытая снегом степь облачилась в синие, словно лепестки цветов тона, их лидер скомандовал остановку. Они разбили лагерь в широкой расщелине, пролежавшей с севера на юг, которая предоставила им приют от горных ветров.

Пока остальные Туиганцы занимались лагерем, один из них – Гетред узнал в нём того, кто вошёл в пещеру с чистым мечом – подошёл к лошади, ослабил верёвки, державшие Гетреда в седле и сбросил его на землю. Он увёл лошадь, оставив его лежать связанным в снегу. Что-то твёрдое – камень или старый корень – упиралось ему между лопаток, но он был слишком измучен, чтобы сдвинуться.

Туиганский воин вернулся вместе с другим. Они схватили связывающие его лодыжки верёвки и приволокли к ближайшему костру. Воины зажгли только три и Гетреда они приволокли к самому маленькому.

Два воина стояли над Гетредом, смотря на него сверху вниз. У обоих в руках были ножи. Гетред услышал хрустящие по снегу шаги и тогда в поле его зрения появился третий воин. Он был выше двух других и из под его меховой шапки вниз сбегали две косы. Черты его лица были более молодыми и очерченными, чем у его компаньонов и Гетреду показалось, что он видел концы узоров татуировки, выползающей из под шерстяного ворота его *калата* – туники длиной по колено, которую носили многие туиганцы.

Третий воин присел на одно колено и заговорил на Общем языке:

- Я Холван из Кассиди. Мои братья из Оигура. Они не знают ни этих земель, ни твоего языка. Я буду говорить за нас.

Не зная, что ещё сказать, Гетред сказал:

- Братья?

Один из двух оигурцев сказал что-то Холвану. Это прозвучало резко и Холван вздрогнул. Вновь сосредоточившись на Гетреде, он сказал:

- С приходом Ямуна Хана, говорят, что все туиганцы – братья.

- Ты так считаешь?

Холван нахмурился ещё больше и сказал:

- Как ты оказался в доме этого *шу т'мет*?

Гетред с трудом сглотнул. Во рту было сухо, как на открытой всем ветрам скале.

- *Шутемет*?

- Большой человек, в чьём доме мы тебя нашли.

В груди Гетреда зародилась дрожь и начала расползаться по всему телу, пока его зубы не начали стучать:

- О-он... взял меня в плен. В-вчера, наверное.

- В плен?

- Пожалуйста, - сказал Гетред, - воды...

* * * * *

Гетред сбежал из темницы Цитадели Рашемар с четырьмя другими узниками; все были кормирцами, посланными лично королём Азуном, ибо весть о собирающейся Орде достигла даже Кормира. Меллорен умер ещё до того, как цитадель скрылась из виду – туиганская стрела угодила ему в глаз. Те, кто выжил - сбежали. Но все эти

подробности Гетред не упомянул в своей истории. Вероятно, Холван и его компаньоны уже знали о многом из этого или, по крайней мере, подозревали. Как бы там ни было, Гетред не собирался признаваться. У него почти не было сомнений, что он обречён. Если сегодня его и не убьют, то без сомнения сделают это когда вернутся в свою Орду. Он не предаст ни память своих компаньонов, ни свою миссию. Он не собирался предстать перед лицом Миликки в загробной жизни трусом и предателем.

Два дня назад эта самая группировка выследила Гетреда и его товарищей. Гетред был единственным, кому удалось скрыться. Он убежал на север, стремясь к холмам Рассветных Гор. К западу была лишь открытая степь и неминуемая смерть. Он надеялся, что ему удастся найти какое-нибудь отдалённое рашемнское поселение и просить там о приюте и припасах, возможно даже найти другой путь на запад, через горы. Эту часть он тоже опустил.

В Кормире были зимы и Гетред часто путешествовал ради интересов своей родины и короля. Он знал, что такое дикая природа и видел её даже в самые тёмные дни зимы. Но Земли Орды оказались тем, с чем он встретиться никак не ожидал, несмотря на то, что он всего лишь путешествовал по их периферии, не углубляясь. Единственной водой, которую можно было найти, были снег и лёд и он знал, что если их есть, это приведёт лишь к тому, что он замёрзнет ещё быстрее. В ночь перед атакой он хорошо поел, но с тех пор в его животе не было ни крошки. Ему повезло, что он смог сбежать из темницы с тёплой одеждой, хорошим плащом, своим ножом и живым, но времени прихватить припасы не было.

Но всё же холод и жажда были хуже голода. С той ночи, когда свет их костра привлёк к ним туиганцев, он не смел развести огня ни в день побега, ни в последующие дни. Им потихоньку овладевало отчаяние. Когда вся твоя жизнь концентрируется на холоде, жажде и преодолении мили за милей, когда ты бредёшь по суровому, покрытому снегом краю, когда все твои друзья мертвы, а между тобой и домом расположилась армия и ты знаешь, что тебя ищут... да, это чертовски сложно продолжать на что-то надеяться. Хотя опытный путешественник, вроде Гетреда, мог ещё много дней протянуть без еды, он знал, что холод и жажда скоро его прикончат – это или туиганцы, всё ещё охотящиеся на него.

На этой части рассказа Гетреда, Холван не улыбался. Гетред думал, что окажись на его месте кто-то из его земляков, он бы точно не выдержал, но лицо Холвана было маской, лишённой всяких эмоций.

Итак, Гетред решил позволить холоду покончить с собой. Его дед всегда говорил, что смерть от холода – самая коварная. Сама она наступает безболезненно, человек даже чувствует тепло, когда его тело погружается в сон, а затем в бесконечный сон. Гетреду всегда было интересно, откуда люди, даже такие опытные в жизни в дикой природе, как его дед, знали о подобных вещах. Может они попросили жреца поговорить с их замёрзшими друзьями? Если так, то Гетред мог бы придумать более интересные вопросы к мертвецам, нежели «Что ты чувствовал?» Но дед Гетреда был не из тех, с кем можно было говорить на подобные темы.

Будучи вынужденным, выбирать между смертью от холода и смертью от туиганцев, Гетред выбрал холод. Не то, чтобы из-за страха – хотя если подумать, то было чего бояться – просто из вредности. Он не хотел доставлять своим врагам

удовольствие лишить его жизни. Всяко лучше найти хорошее место, чтобы лечь и устремиться в объятия Миликки.

Такими были его мысли, когда он прокладывал свой путь вниз по долине, лежащей между двумя длинными хребтами Рассветных гор. Долина заросла деревьями и он заключил, что по крайней мере сможет найти какое-то подобие убежища, прежде чем умереть.

Он как раз дошёл до конца долины, когда до его слуха донеслись звуки – звуки борьбы за близлежащими зарослями папоротника. Достав нож, он подполз ближе.

Когда он протиснулся сквозь плотные зелёные заросли, первым, что он увидел, было тело волка. Его мех был бледно-серым, труп был выпотрошен, а внутренности были разбросаны рядом. Самым жутким была челюсть, которую насильно раскрывали, пока она не сломалась и кожа не разорвалась. Простая и бессмысленная жестокость, от которой Гетреду скрутило живот. Самым странным явлением здесь являлась большая руна, состоявшая полностью из острых линий, пересекающихся под невыносимыми углами, которая была выжжена у животного в боку. Гетреду казалось, что он всё ещё чувствует запах палённого меха в сухом, морозном воздухе.

Внезапное движение куста заставило Гетреда повернуть голову и рядом он увидел другого волка, всё ещё живого, его шея попала в силки. Верёвка тянулась к толстой ветке, и заканчивалась петлёй на высоте его передних лап, и петля эта затягивалась с каждым сделанным зверем движением. Одного взгляда Гетреду хватило, чтобы понять, что эта борьба окончится тем, что ловушка рано или поздно задушит животное.

Первой мыслью Гетреда было дождаться охотника и попросить его о еде и приюте, но он устыдился своих мыслей и попросил прощения у Миликки. Кроме того, будучи свидетелем того, с какой жестокостью было убито другое животное – он не мог сказать, в качестве приманки ли, или же принесённой жертвы – да и глядя на выжженную руну, Гетред решил, что было бы лучше, если бы встреча с охотником не состоялась. Что-то в этой руне вызывало в нём большее беспокойство, нежели очевидная жестокость расправы над первым волком.

Гетред убрал нож в ножны и снял плащ. Вызволнение волка из силков было не простой задачей даже для нескольких человек. Находясь в состоянии паники, волк будет пытаться убить всех, кто приблизится к нему. Единственной его надеждой было попробовать накинуть ему на голову плащ на время, которого окажется достаточно, чтобы перерезать верёвку. После этого, он надеялся, что волк будет больше заинтересован в том, чтобы сделать ноги, чем в разрывании его на куски. Ну а если нет... что же, это избавляло его от необходимости выбора между холодом и туиганцами.

Расправив перед собой плащ, Гетред приближался плавно и медленно, не делая резких движений.

Пасть волка оскалилась, обнажив длинные зубы. Пена вокруг его чёрных губ была уже с вкраплениями крови. Ещё один шаг и волк зарычал и рванулся к нему. Но единственное, к чему привело это движение зверя, это к ещё большему затягиванию петли и его рычание сорвалось в сдавленный визг. Гетред воспользовался открывшейся возможностью и ринулся вперёд, накинув свой толстый плащ на голову волка и крепко обхватив зверя руками. Он был, наверное, в два раза тяжелее волка, но

всё же отчаянно метаящийся зверь почти что скинул его. Если бы не тугая верёвка вокруг его шеи, Гетред был убеждён, что волк бы сбросил его и перегрыз ему горло.

Всё ещё держа свою правую руку вокруг шеи волка, и фиксируя ей обёрнутый вокруг его головы плащ, словно капюшоном, другой рукой он быстро выхватил нож, замахнулся и полоснул по верёвке. Клинок уперся в шнур и проскользнул. Запаниковав, Гетред почти обронил нож. Верёвка, казалось, была сплетена из каких-то сухожилий и она была крепкой, как проволока. Гетред перехватил нож покрепче и ударил по верёвке ещё раз.

Верёвка порвалась и держащая её ветка отпружинила вверх, ломая другие, более мелкие ветки. Внезапно освобождённый от хватки силков, волк извернулся под Гетредом и лягнул его своими задними лапами. Если бы не толстая куртка и кожаный жилет под ним, волк вероятно выпустил бы ему кишки.

Гетред отпустил животное и прижав подбородок к груди, закрыл голову руками. Он знал, что если волк захочет его убить, он будет целиться в шею. Если ему удастся добраться до шеи, то смерть его будет долгой, но если мощные челюсти животного сомкнутся на его загривке и сломают его шею, он, вероятно, умрёт, не успев даже выдохнуть.

Но укуса не последовало.

Медленно и с осторожностью Гетред перекатился на бок и поглядел вверх. Волк стоял у дальнего конца рощи. Оборванная верёвка всё ещё была вокруг его шеи, но натяжение ушло и она висела свободно. Существо просто стояло и смотрело на Гетреда, свет падающий сквозь ветви играл на его мехе. Его взгляд заставлял Гетреда нервничать. Хотя с волчьим взглядом так бывает всегда. Он выслеживал многих зверей, охотился и даже приручал их много раз и всегда думал, что глаза волка казались самыми человеческими.

Затем что-то случилось. Сначала он думал, что поднялся небольшой ветерок, раскачивающий ветки и приводящий в движение тени под ними. Но ветра не было. Свет вокруг волка, казалось бы, преломлялся и искажался, а неглубокие тени в его мехе рябили, словно живые. Силуэт волка дрогнул и исказился, а когда мерцание света и теней замедлилось и прекратилось, волка уже не было. На месте волка стояла молодая девушка, её кожа и волосы были лишь на оттенок темнее, чем снег. Она стояла на морозе без одежды и обуви, но казалось, что холод её не беспокоил. Её взор застыл на Гетреде и он заметил, что по разрезу глаз и линии челюсти, она больше была сродни эльфам, чем людям.

Одной рукой она взяла обвисшую верёвку, свисавшую с её шеи, перекинула через голову и отбросила в сторону. Она что-то сказала – слово или два, на языке, которого Гетред никогда раньше не слышал.

До крайности удивлённый, Гетред сказал лишь:

- Я...

Женщина наклонила голову, будто бы слушая. Хоть другие части её тела не двигались, Гетред видел, что каждый её мускул был натянут и напряжён.

- Что...? – начал было Гетред, но женщина развернулась и убежала.

Она исчезла, оставив за собой лишь кроткий шорох кустов, и мягкий шорох упавшего с потревоженной ветки снега.

Затем и Гетред это услышал. Что-то приближалось с той стороны, откуда он пришел, со стороны глубоких зарослей. Что-то большое.

Но Гетред был слишком измождённым, слишком голодным и слишком ошарашенным, чтобы бежать. С бегом было покончено.

Он как раз пытался нащупать свой нож, который упал в нескольких шагах от него, когда из кустов показался самый большой человек, которого ему когда-либо приходилось видеть. Это был мужчина, полностью одетый в кожу и шкуры, а его борода и волосы представляли собой один, торчащий под всеми мыслимыми и немыслимыми углами, огромный куст. Увидев пустой силоч, а поблизости Гетреда, тянущегося за ножом, мужчина издал грозный рев, отразившийся эхом от гор и набросился на Гетреда.

* * * * *

Сначала Холван ничего не говорил, просто сидел на корточках глядя на Гетреда. Наконец он встал и вступил в продолжительный разговор со своими компаньонами на их родном языке. Костёр рядом с ними потрескивал, а туиганцы всё говорили и говорили, затем Холван снова сел так, чтобы смотреть Гетреду в глаза.

- Ты сказал, что видел девушку... она была одной из рашемнских ведьм?

- Я не знаю, кем она была.

- Но ты из Кормира.

Гетред выдержал взгляд Холвана и сказал:

- Можно ещё воды, пожалуйста?

- Как тебя зовут? – спросил Холван.

Он на мгновение задумался, прежде чем заключил, что в его ответе не будет никакого вреда:

- Гетред.

Холван кивнул и что-то в его взгляде ожесточилось.

- Гетред Кормирский, прислушайся к моим словам. Я собираюсь перерезать твои пути. При первых лучах солнца ты поедешь верхом. Человек, удерживавший тебя был *шу т'мет* - падший дух огромной силы. Он убил троих наших, прежде чем сбежал. Ты украл его добычу. Глупо. Твоя единственная надежда – остаться с нами и держаться как можно ближе. Если *шу т'мет* найдёт тебя, он тебя убьёт.

- А вы нет?

- Наш хан приказал нам схватить шпионов из Кормира, которые сбежали из Цитадели Рашемар. Если мы доставим вас живыми – он будет доволен. Мертвыми... он будет не так доволен. Твои товарищи мертвы. Пока что мы заинтересованы в том, чтобы ты остался в живых.

- А ваш хан?

- Ему решать. Но я бы посоветовал тебе найти способ быть поговорчивее, прежде чем ты с ним встретишься. Будучи в милостивом расположении духа, Ямун Кхаан – самый щедрый правитель. В гневе же... эх, просто будь поговорчивее. Кормир далеко.

* * * * *

Этой ночью, после того, как ему впервые, за несколько дней удалось поесть – хотя он боялся спросить, что за мясо он ел – Гетред спал в толстом одеяле у тёплого огня. Он почти благодарил богов за свой плен. Если хан Кхаан и убьёт его через несколько дней, по меньшей мере сегодня он был сыт и в тепле. «Во всяком случае, сейчас достаточно и этого», - подумал Гетред, прежде, чем провалиться в сон.

Он не знал, как долго он спал, но когда он проснулся, было ещё темно, небо на оттенок темнее чем глубочайшая пучина моря, а каждая звезда казалась бриллиантом, отражающим далёкий огонёк. Что его разбудило?

И тогда он услышал... вой. Он показался ему далёким, но в скученном морозном воздухе степи звук мог преодолевать огромные расстояния, а жалобный звук, казался ему очень отчётливым.

Гетред сел. Огонь всё ещё потрескивал, но уже горел низко и всего лишь несколько тонких язычков голубого пламени лизали высохший навоз, который туиганцы использовали в качестве топлива.

Снова раздался вой и стреноженные кони заржали и забили копытами. Вой теперь казался ближе. Он доносился откуда-то с востока.

С другой стороны костра поднялась тёмная фигура.

- Отдыхай, - сказал Холван. – С первыми лучами мы поедем быстро и будем ехать долго.

- Я слышу волков, - сказал Гетред.

- Среди моего народа существует примета, что встретить волка на пути – хороший знак.

- А что говорится о случаях, когда слышишь их завывания?

- Об этом никаких примет нет.

Гетред снова лёг. Ещё одна серия завываний прокатилась над лагерем, когда он снова завернулся в одеяло и закрыл глаза. Сон снова овладел им и в грёзах он видел бледную девушку, стоящую среди теней.

* * * * *

Сон Гетреда не длился особенно долго. Он проснулся от не слишком нежной встрече своих рёбер с ботинком Холвана. Гетред очнулся и открыл глаза. Кассидец стоял над ним с луком, на который была наложена стрела.

Холван только мельком глянул вниз на Гетреда и сказал:

- Вставай. Едем.

Гетред сел и осмотрелся. Всё ещё было темно, но небо на востоке начало светлеть. Лагерь гудел как улей: два туиганца упаковывали вещи, двое других готовили лошадей, другой стоял на другой стороне лагеря с копьём.

- В чём дело? – спросил Гетред.

- Один из часовых не вернулся, - сказал Холван. – Он не отвечает на наш зов. Деян и Кобид пошли на поиски. Они не вернулись. Мы уезжаем.

У Гетреда не было с собой сколь-нибудь стоящего багажа. Он скатал своё одеяло и пристегнул плащ, в котором спал, к куртке. Сделав это, он был готов двигаться.

- Идём, - сказал Холван и направился к лошадям.

Прежде, чем они прошли половину пути, Холван остановился и посмотрел на восток. Гетред тоже услышал этот звук – лошадь, приближающаяся полным галопом.
- Деян! – окликнул всадника один из туиганцев.

Всадник ворвался в лагерь, осыпая снегом один из тлеющих костров. Он остановил лошадь, но животное всё ещё боролось с поводьями, семеня из стороны в сторону и вращая глазами. Всадник выпал из седла. Двое из оигурцев кинулись за лошадью, но было уже слишком поздно. Освободившись от крепкой хватки всадника, лошадь загрохотала копытами по заснеженной земле и унеслась прочь.

Один из оигурцев направился к другой лошади, но сделав два шага остановился. Гетред проследил за его взглядом, остановившемся на упавшем всаднике. Кровь стекала вниз с его талии и большое её количество было размазано выше. Мужчина сжимал свой торс и Гетред видел что-то бледное между его пальцами. Рукой он удерживал собственные внутренности.

Холван открыл рот, чтобы заговорить, но голос, раздавшийся неподалёку, прервал его. Он говорил по-рашемнски.

- Любители лошадей! Вы атаковали дом Вурзхеда и украли его воришку! Оставьте этого червя у одного из ваших потухших костров, да проваливайте и тогда, оставшиеся могут вернуться к вашей поганой орде!

Гетред узнал голос здоровяка, чью ловушку он опустошил и кто держал его в плену и угрожал кастрировать его. Он не мог определить, как далеко он был, но голос его звучал близко.

Один из оигурцев что-то резко шепнул на своём языке и туиганцы двинулись к лошадям.

Гетред последовал за ними. Он посмотрел на Холвана и сказал:

- Я верно понимаю, что вы не принимаете его предложение?

- Держись рядом, - сказал Холван.

- Вы не должны...

Один из оигурцев, приближающихся к лошадям, вздрогнул и полетел по воздуху. Приземлившись, его тело проехало по снегу и остановилось у ног Гетреда. Из груди воина торчало копьё. Всё ещё не было достаточно светло, чтобы сказать наверняка, но Гетреду казалось, что он разглядел выжженные на древке руны.

Гетред услышал, как что-то свистнуло в воздухе и ещё один оигурец упал; из его горла торчал огромный и знакомый кинжал.

Лошади заржали и начали дёргать свои путы. Кто-то закричал и Гетред посмотрел в сторону выхода из ущелья. На фоне светлеющего восточного неба отчётливо выделялся силуэт – массивная фигура, заслоняющая собой меркнущие звёзды.

Гетред услышал пение тетивы луков – одним из стрелявших был Холван – но Вурзхед просто взмахнул рукой и три стрелы разлетелись на щепки в воздухе перед ним.

Здоровяк, смотревший на них сверху вниз, сказал:

- Теперь, у вас не только мой воришка, но и моё копьё и мой кинжал. Оставьте их и те, кто ещё дышат, могут проваливать. Это последний знак моего милосердия.

Гетред видел, как двое туиганских воинов тянутся за второй стрелой, но Холван, стоявший рядом с ними, свободной рукой залез за пазуху своего *калата*. Что-то

висело на плетённом, кожаном шнуре, перекинутом через шею касидца и он держал это в воздухе. В предрассветном сумраке Гетреду казалось, что он видит переплетение костей, веточек, вперемешку с перьями или пучками меха.

Сверху до них донёлся голос Вурзхеда:

- Ты застал меня врасплох прежде. Там, у моего дома, ты победил меня, маленький шаман, потому что я не был готов. Теперь я готов.

Глубокий голос Вурзхеда стал ещё ниже, когда он заговорил слова, которые даже нетренированное ухо Гетреда определило как магические. Мужчина откинул голову назад, по его телу словно прошла рябь и его форма исказилась и вместе с тем выросла. К тому времени, когда туиганцы натянули луки, Вурзхед превратился в огромного медведя.

Туиганцы спустили тетиву. Их стрелы попали в гигантского медведя, но он даже не сбавил скорости. Встав на четыре лапы, он прыгнул в ущелье – лавина меха и когтей, от которой у Гетреда под ногами задрожала земля.

Испуганные туиганские лошади встали на дыбы и порвали сдерживающие их путы. Они толкались, врезаясь друг в друга, торопясь поскорее убраться подальше и разбежались во всех направлениях. Один из воинов попытался отпрыгнуть в сторону с их пути, но поздно и одна из лошадей втоптала его в снег.

Холван оказался быстрее. Он увернулся и лошадь пронеслась мимо него. Отбросив лук, касидец схватился за длинную гриву лошади и вскочил в седло. Он смог схватить поводья и развернуть упирающееся животное.

Ещё одна стрела ударила медведя в бок, но он неумолимо приближался. Он сбавил скорость лишь для того, чтобы смести одного из туиганцев на землю. Гетред вздрогнул, услышав звук разрываемой кожаной одежды и ломающихся костей, прежде чем увидел несущуюся на него лошадь. Он бросил взгляд наверх как раз вовремя, чтобы увидеть Холвана, наклонившегося в седле и протягивающего ему руку.

Недолго думая, Гетред схватил руку Холвана и с его помощью вскочил на круп лошади, позади седла и они уже мчались прочь из лагеря, к выходу из долины.

Холван ослабил поводья на первых нескольких поворотах у выхода из ущелья, а потом направил лошадь вверх по небольшому склону, направляя её в открытую степь. Когда они закончили подъём, Гетред крикнул:

- А как же остальные?

- *Шу т'мет* придёт за тобой, - ответил Холван. – Молись за себя, а не за моих братьев.

Гетред так и сделал.

* * * * *

Туиганские лошади не большие. На самом деле, большинство людей, к западу от Рассветных Гор, называет их пони, хотя Гетред знал, что такое представление было ошибочным. Хоть туиганские лошади и были короче, своих западных собратьев, но они были крепче и лучше приспособлены к жизни в Землях Орды. Но какой бы крепкой не была их лошадка, а нести двух всадников галопом длительное время было выше её сил. И прежде, чем они минули два низких холма, до слуха Гетреда донеслись

звуки дыхания животного, судя по которым, оно было на пределе своих возможностей.

Однако ужас, в котором прибывало животное, придал ему сил и да и Холван его не щадил.

Гетред осмелился оглянуться. Небо на востоке светилось как бледный занавес, а всё ещё видимые звёзды сместились вправо от макушек Рассветных Гор. Светлеющее небо ярко отражалось от снежных полей и то, что Гетред увидел, заставило его желудок свернуться в тугой узел.

Их лошадь оставляла за собой шлейф из летящего снега, но позади них возникло другое снежное облако, которое было намного больше. Сначала, оно было просто большой массивной формой, а потом можно было различить черты медведя. И он догонял их.

- Холван, быстрее! – закричал Гетред.

Кассидец дал бокам лошади шпор и умудрился выжать из животного ещё немного скорости. В сердце Гетреда зажглась надежда и он снова обернулся...

... как раз вовремя, чтобы увидеть, как коготь, размером с щит горца, ударил по задним ногам лошади.

Он открыл рот, чтобы закричать, но крик лошади опередил его и он и Холван упали, вместе с раненым животным, вздымая огромную шапку снежной пыли.

Гетред сначала соскользнул на снег, но сила его падения была настолько грандиозна, что уже вскоре он проехался лицом по почве и камням.

Пытаясь сделать вдох своей ушибленной грудью, Гетред сумел подняться на ноги. Он кашлял и плевался, надеясь освободить свои горло и рот от снега и грязи, но вместе с ними он выплюнул порядочное количество крови и по меньшей мере два зуба. Он вытер снег и грязь со своего лица и посмотрел наверх.

Челюсти медведя сомкнулись на шее лошади. Бедное животное пиналось и кричало. Медведь потрянул своей головой вверх и в сторону, с хрустом сломав шею скакуна и жалобные крики прекратились.

Медведь бросил труп в снег и переключил своё внимание на Гетреда. Морда зверя, разумеется, была не способна передать улыбку, но Гетреду казалось, что на него направлен слишком уж человеческий, злорадный взгляд.

Из-за спины Гетреда выступила шатающаяся фигура – Холван. Мужчина держал в одной руке кинжал, а в другой свой священный символ, который он воздел высоко над головой. Гетред слышал, как кассидец читает какое-то заклинание на своём родном языке. Гетред не мог понять ни слова, но в его интонации явно был страх.

В глазах медведя зажглась ярость, он низко и утробно зарычал. Он приблизился, но боль притупила ярость в его взгляде. Что-бы Холван ни делал, медведю это не нравилось. Но рыча, он всё-таки приближался. Он подходил медленно, каждый шаг был осторожным и сделанным с усилием. Скоро он будет достаточно близко, чтобы ударить.

- Холван? – позвал Гетред и сделал шаг назад.

Медведь сделал выпад. Одна его лапа просвистела в воздухе - Гетред почувствовал ветер от этого движения – и Холван упал.

Медведь содрогнулся и вернул своё внимание Гетреду. Он чувствовал, как от его рыка у него под ногами дрожала земля.

Но и что-то ещё...

Перекрывая медвежий рык, на холме, позади себя, он услышал волчий вой. Их было много.

Медведь посмотрел вверх и Гетред проследил за его взглядом. Волки – по меньшей мере дюжины – стояли на краю холма.

Медведь осмотрелся вокруг. Ещё больше волков. Они были окружены.

Трое волков – один из них большой, как волкодав, но более мускулистый – спустились по склону легкой труссой. Они остановились в десятке шагов.

Гетред наблюдал, как фигуры волков рябили и размывались, словно лунный свет прорезающий туман над водой. Как только первые лучи рассвета перевалили через восточный горизонт и упали на лощину, перед ними предстало трое эльфов. Из всех эльфов, которых ему когда-либо довелось видеть, эти были самыми странными. Как и та девушка, которую он видел в лесу, они были обнажены и их бледная кожа, казалось, не чувствует никакого дискомфорта от контакта с морозным воздухом. Но в отличие от той неё, их тела были испещрены большим количеством шрамов. Некоторые из отметин достались им в битвах, а некоторые, судя по их виду, были нанесены умышленно. С помощью чернил, на их кожу были нанесены стилизованные узоры.

На месте, где несколько моментов назад стоял массивный волк, теперь был самый высокий из троицы. Его белоснежные волосы свисали ниже талии, а всё его тело, от бровей до пяток было лабиринтом из чёрных татуировок, иссечённых старыми ранами. Его руки и грудь испещряли руны, которые в лучах рассвета, казалось, были цвета свежeproлитой крови. Три глубоких шрама прорезали его кожу от черепа к щеке и к подбородку, оставив в его бровях три не заросшие линии. А под теми бровями, словно морозные самоцветы, сияли глаза.

Он посмотрел на медведя без страха и сказал:

- Предстань предо мной в своём истинном различии, Вурзхед.

Внимание Гетреда было так поглощено вновь прибывшими, что он совсем забыл о медведе. Он оторвал от них взгляд и повернулся. Медведя больше не было, и на его месте стоял здоровяк, который поймал девочку-волка, держал Гетреда в плену и перебил туиганцев.

- Герул, - сказал Вурзхед, - что ты здесь забыл? Это не твоя охота.

Высокий эльф бросил взгляд на Гетреда.

- Этот человек спас дочь моего сына из одного из твоих силков и она вернулась, чтобы поведать мне, что ты также убил одного из Вил Адарат в качестве приманки.

Вурзхед посмотрел на Гетреда и Гетред увидел что-то в его глазах. И это было последним, что он ожидал там увидеть. Это был страх. Нет, не страх. Чистый ужас. Вурзхед боялся этого обнажённого эльфа, несмотря на то, что был, по меньшей мере, вдвое больше него.

- И... ты хочешь, чтобы я отдал тебе этого воришку? – сказал Вурзхед. – Я отпущу его и ты отпустишь меня. Правильно?

- Ты слишком самонадеян, - сказал Герул. – Ты поймал в силки дочь моего сына. Ты пролил кровь моего народа. Думаешь, что если ты прячешься у гор, ты вне моей досягаемости? Ты видел свой последний рассвет, Вурзхед. *Никто* не смеет трогать мою семью. Дочь моего сына сегодня будет спать в твоей шкуре.

Вурзхед издал крик отрицания и этот крик превратился в рык – в рык огромного медведя. Гетред упал на колени рядом с недвижимым телом Холвана и закрыл уши. Но как бы он не закрывал их, он не мог спрятаться от этого рычания и воя.

* * * * *

Всё было кончено. Гетред сидел на снегу тупо уставившись на холодный труп кассидца, который был несколькими днями назад был его врагом и менее чем день его тюремщиком. Он не думал, что будет вспоминать о нём, как о друге, но всё же... Гетреду было жаль, что он мёртв. Холван спас его и оставался рядом до самого конца. Из-за заботы ли о Гетреде или просто чтобы выполнить долг перед своим ханом... как бы там ни было, Холван продемонстрировал свою отвагу и не уронил честь.

Гетред сидел на другой части того холма, где Вурзхед...умер. Хотя *умер*, было не совсем подходящим словом. Гетред видел совсем малую часть того, что волки сделали с медведем, но даже этого короткого знакомства было достаточно, чтобы его ужин попросился наружу.

Он слышал шаги. Не хруст от тяжёлых стоп, проминающих снег, а лёгкую поступь, которая – будь оно всё проклято – напомнила ему ни о чём ином, как об осторожной поступи волка. Но этот волк шел на двух ногах.

Эльф сел на корточки по другую сторону от трупа Холвана. Гетред посмотрел на него. Это был не тот, высокий эльф, что вызвал на бой Вурзхеда, а один из тех, кто сопровождал его. Сейчас на эльфе была одежда. Все одеяния были просто шкурами и кожами, но мастерство их отделки вызывало восхищение. Гетред не знал их планов относительно себя.

- Меня зовут Лирен, - сказал эльф.

Гетред проглотил комок и сказал:

- Гетред.

- Гетред, ты спас жизнь моей дочери. Я у тебя в долгу. Спасибо тебе.

Гетред не знал, что сказать и просто кивнул.

- Ты ранен? – спросил эльф. – Твоё лицо...

- Думаю просто синяки и царапины.

- Мы вылечим твои раны. Ты голоден?

Горло Гетреда горело, а во рту всё ещё чувствовался вкус желчи.

- Нет.

Эльф кивнул и посмотрел вниз, на Холвана.

- Это был твой друг?

Гетред почти сказал «нет», но передумал и сказал:

- Он умер, защищая меня.

- Мы окажем его телу все почести, какие ты сочтёшь необходимыми.

- Спасибо, - мысль о похоронах заставила Гетреда осознать, что у него не было ни малейшего понятия о том, как кассидцы поступали со своими мёртвыми. Сожжение? Пирамида из камней? Гробница? Он не знал. Потом он вспомнил кое-что ещё. – Могут быть и... другие.

- Другие?

- Как этот. Туиганцы. Они... они мне не друзья.

Брови эльфа недоуменно нахмурились.

- Ты имеешь в виду всадников?

Гетред кивнул.

- Так они не были твоими друзьями?

- Нет.

Брови Лирена нахмурились ещё больше.

- Это длинная история, - сказал Гетред.

- Всадники... - сказал эльф, - несколько умерло, как и их лошади. Несколько остались в живых. Когда последние, из моего народа, видели их, они удирали на восток, словно сам Владыка Зверей кусал их за пятки. Тебя устраивает такое положение дел?

Гетред пожал плечами.

- Ты в порядке, Гетред?

- Что со мной случится?

- Случится?

- Что вы собираетесь со мной делать?

- Делать? – эльф наклонил голову и его губы, казалось, были готовы растянуться в улыбке.

- Те... всадники. Они держали меня в плену.

- Те всадники ушли, - сказал Лирен. – И как я и сказал: ты спас мою единственную дочь. Я у тебя в долгу. Мы проследим, чтобы ты ни в чём не нуждался и проводим тебя. Это по меньшей мере. Народ Вил Адарат чтит свои долги и платит сполна. Нельзя ожидать меньшего от сына *ома нин*.

- *Ома*...?

- Вождь нашего народа, - сказал Лирен. – Вождь вождей. Мой отец.

- Так ты... принц?

Наконец Лирен не выдержал и у него прорвалась улыбка.

- Ну что-то вроде того.

- А где, - внезапная дрожь пробила Гетреда так, что у него застучали зубы, - *ома нин*?

- Когда я видел его последний раз, он отдавал нашим воинам приказ собрать достаточно меха Вурзхеда, чтобы сделать одеяло.

- Одеяло?

- *Ома нин* поклялся, что сегодня моя дочь будет спать в шкуре Вурзхеда, но в бою... его ярость взяла над ним верх.

- Он серьёзно делает одеяло из медвежьей кожи? Я думал, что это только угроза.

Лицо Лирена стало очень серьёзным.

- *Ома нин* не бросает пустых угроз. Он делает в точности так, как говорит.

- О боги, - сказал Гетред. – Я хочу домой.

ИСКУПЛЕНИЕ

Элейн Каннингем

Год Знамени (1368 согласно Летоисчислению Долин)

Если не брать в расчёт отдалённый шепот моря и слабое эхо храпа, доносящееся со второго этажа Помесья Мэнер, ночь можно было назвать тихой. То, что когда-то вмещало в себя роскошные спальни, наполненные всеми внешними атрибутами дворянского дома, теперь приютило в своём лоне Тетирских солдат, спящих почти что друг у друга на плече на тонких соломенных подстилках. Офицеры спали на третьем этаже, в маленьких комнатках, некогда принадлежавших слугам. Но в этих скромных покоях можно было найти два предмета, составляющих настоящую роскошь: узкую кровать и приватность. Какой-нибудь умный человек, у которого водились деньжата, мог бы придумать, как этим воспользоваться.

Судя по блеску в глазах и полускрытой в густых чёрных усах улыбке, Капитан Лэмфор считал себя именно таким. «Кто если не я, - кричало выражение его лица, - мог ухитриться тайно провести в гарнизон калишитскую куртизанку?»

Куртизанка позволила себе натянутую, мимолётную улыбку. Действительно, кто если не он?

Девушка откинула вуаль, показывая своё искусно накрашенное лицо, обрамлённое шелковым тюрбаном осенних цветов. Она застенчиво отвернулась, глядя на офицера через медленно обнажаемое плечо, позволив своему верхнему платью соскользнуть на пол. Когда она снова повернулась к нему, её стройное коричневое тело было облачено прозрачным шелком.

- Сними это, - сказал Лэмфор хриплым голосом.

Подходя к нему, куртизанка собрала тонкую материю в горсть.

- Эти шелка мягкие, словно вздохи девы, - уверила девушка офицера. – Они ничего не скрывают, но многое добавляют.

Лэмфор протянул руки к девушке. Когда они вдвоём упали на койку, он сорвал с неё тюрбан.

Несколько мгновений он лежал, таращась на неё сверху вниз. Смех, зародившийся глубоко у него в брюхе, сотряс их обоих.

- Я – подозрительный человек, - сказал он мягко, - и думал, что тюрбан может скрывать нож. Но то, что я найду шлюху, которая окажется зелёным эльфом...? – Лэмфор без особой деликатности потянул заострённое ухо. – Этого я не ожидал.

Эльфийка изогнулась под ним. Это быстрое, словно у змеи, движение удивило Лэмфора и скинуло его с койки. Он откатился в сторону и умудрился встать на колени, прежде, чем девушка прыгнула на его спину. Одна маленькая рука вцепилась в его волосы и отогнула его голову назад, другая быстро и глубоко полоснула его по горлу костяным ножом.

Эльфийка, известная среди своего народа, как Ферит, встала, всё ещё сжимая в руке волосы умирающего офицера. Она отогнула его голову ещё дальше назад и с яростью посмотрела в его быстро меркнущие глаза.

- Ты ошибся насчёт шлюхи, - прошептала Ферит, - но насчёт ножа был прав.

Плюнув ему в лицо, она толкнула его на пол. Двигаясь быстро, она сняла с себя тонкие одеяния и натянула тёмную рубашку и легинсы, которые она спрятала под пышным платьем. Она намотала вокруг головы тёмный шарф и надела поверх этой конструкции шапку Лэмфора. Шапка была ей велика, но она придавала её тёмным одеянием иллюзию униформы, которую носила принадлежащая новой королеве армия оборванцев. Кроме того, Тетирские солдаты часто наматывали шарфы подобным образом, чтобы уберечь свои лица и шеи от южного солнца. Издали, она могла сойти за своего.

Когда последний булькающий вздох офицера растаял в тишине, Ферит как раз натягивала сапоги. Она позволила себе испытать момент триумфа. Капитан Лэмфор был последним наёмником Бунлапа.

Вот уже четыре года она охотилась на людей, которые жаждали обогатиться, уничтожая прекрасные леса Вилдата и живущих в них эльфов. Четыре года лжи, заговоров и обильно пролитой крови.

Уже на четыре года ей пришлось забыть, что такое быть *сай Тель'Кессир*, чтобы её народ мог сохранить память.

Огнелис – воевода её племени - не одобрил бы принесённой Ферит жертвы. Даже её брат, Ротомир, который мало ценил человеческие жизни, устыдился бы, случись ему узнать, что она сделала, когда вышла из лесов. Все они помнили, что последовало после случайной гибели тетирского короля Эрилама. Это случилось около девяноста лет назад. Эрилам скончался в Вилдате и многие люди отказывались верить, что *сай Тель'Кессир* не имели к этому никакого отношения. Три предыдущих короля Тетира дали разрешение на уничтожение лесных эльфов. Ферит не ожидала, что Заранда – будущая королева – будет чем-то отличаться от предшественников. Даже если ей удастся удержать трон и быть справедливым правителем, её подданные привыкли относиться к эльфам с подозрением и жестоко мстить им как за реальные, так и за вымышленные обиды. Ферит прекрасно осознавала цену, которую придётся заплатить её народу, если правда о её личной войне всплывёт на поверхность.

Узкий коридор за пределами комнаты Лэмфора был тёмным и тихим. По тёмной лестнице эльфийка пробралась на второй этаж. Залы здесь были шире, на полу лежали выцветшие калишитские ковры, а в потускневших настенных подсвечниках горело несколько свечей. Посредине зал переходил в круглый балкон, половина которого свешивалась над большим залом, который теперь использовался как оружейная, а другая половина нависала над садом на заднем дворе. Двери балкона оставили открытыми, чтобы впускать свежий ночной воздух.

Ферит выскользнула в ночную темноту. Она поморщилась, увидев двух крупных, безбожно храпящих мужчин, развалившихся у двери. Прежде она не видела, чтобы на балконе выставляли часовых. Наверное, они сами решили вынести свои подстилки на свежий ночной воздух. Эльфийка осторожно переступила через них. Ритм их дыхания не изменился.

Когда она направилась вперёд, один из них схватил её лодыжку так неожиданно, что она потеряла равновесие.

Ферит удалось смягчить падение руками, но всё же её лоб встретился с плиткой с такой силой, что у неё из глаз посыпались искры. Грубые руки схватили её и поставили на ноги.

Её спина врезалась в широкую и жёсткую грудь. Длинные жилистые руки крепко вцепились в неё. Она быстро отказалась от борьбы. Тот, кто её схватил, был высоким – пальцы её ног едва могли дотянуться до пола – и он держал её руки накрепко прижатыми к телу. Она расслабилась, свесив голову, признавая поражение.

Её очевидный отказ от борьбы возымел желаемый эффект; держащий её мужчина ослабил хватку. Не на много, с досадой, но и с уважением заметила Ферит, но вполне достаточно для осуществления задуманного.

- Ещё один проклятый дезертир, - пробормотал второй солдат, поднимаясь на ноги. – Уже третий за последние десять дней.

Тот, кто держал Ферит, был здоровяком, но стоящий перед ней мужчина был, пожалуй, вдвое тяжелее. Он сбил с её головы шапку и приблизил своё лицо к её. Его глаза расширились от удивления.

- Что это тут у нас? – прошептал второй солдат. Взяв подбородок эльфийки своей огромной лапцей, он повернул её лицо так, чтобы на него упал лунный свет.

Ферит, словно животное, в честь которого она была названа, вцепилась зубами в шею мужчины. Она оплела его тело своими ногами и словно пиявка, решила держаться так долго, как сможет.

Долго ей продержаться не удалось.

Державший Ферит мужчина отшвырнул её в сторону и поймал своего умирающего товарища. Он пошатнулся под весом здоровяка, а Ферит выплюнув приличное количество крови, вынула из-за голенища сапога тонкий изогнутый нож. Она не могла добраться до горла второго врага, но она вогнала рукоять своего клинка глубоко ему в глаз. Прежде, чем он мог закричать, она крутанула рукоять в одну сторону, а потом с жестокостью дернула в другую, словно поворачивая ворот. Мужчина умер прежде, чем он и его товарищ рухнули на пол.

Когда Ферит посмотрела на переплетенные друг с другом тела, её губы вытянулись в мрачную линию. Лэмфора до утра скорее всего никто не найдёт, но этих двоих мог увидеть любой проходящий мимо солдат.

Следуя за опьяняющим ароматом цветков франчилии, эльфийка поспешила к краю балкона. Она проворно перелезла через поручень и спустилась по толстой, цветущей лозе. Как только её стопы коснулись земли, она припустила, что было духу.

Фэрит обогнула тянущуюся на милою тропинку, ведущую на Торговый Путь, петляя между холмиками и небольшими скалами, которые были характерны для этих мест к востоку от морских утёсов. Скоро она увидела Торговый Путь, а за ним поросль высоких трав и кустов, ведущая в лес. Она почти добралась до дороги, когда рев рога пререзал сонный ночной воздух.

Этому зову вторил лай собак.

Мурашки страха пробежали по спине эльфийки, бросая её в озноб, словно прикосновение гуля. Тетирские гончие, которые обладали длинными ногами и мускулистой грудью – были поистине страшными существами. Выведенные смешением мастифа и гончих, они были достаточно быстры, чтобы загнать оленя и настолько свирепы, что пара таких зверушек могла разорвать в клочья бугбера.

Фэрит стрелой перебежала дорогу и бросилась в кусты, петляя на бегу. Раскатистый вой собак сменился возбуждённым лаем, что являлось верным знаком того, что они напали на её след и стремительно приближались. Деревья были слишком низкорослыми да и располагались слишком далеко, чтобы эльфийка могла рассчитывать укрыться в их листве. Как только она заберётся на дерево, она окажется в ловушке – да, вне досягаемости зубов свирепых псов, но она станет лёгкой добычей для следующих за ней людей.

Облака на небе разошлись и широкие полосы лунного света упали на молодую рощу сумеречников. Фэрит различила светящиеся глаза рядом с вывороченными корнями упавшего дерева. Спустя момент, эти огоньки исчезли в маленькой пещере, спрятанной меж раскученных корней дерева, но острые глаза эльфийки различили серебристый мех и длинный пушистый хвост. Это был волк и большой, возможно даже сверхъестественно большой.

У неё был лишь момент, чтобы принять решение.

Звук ломающихся кустов предупредил о том, что собаки уже минули Торговый Путь. Фэрит побежала прямо к логову волка. Если она допустила ошибку, то она станет для неё фатальной.

Во всяком случае, волк убьёт её быстрее и с меньшей жестокостью, нежели псы.

* * * * *

Элайт Кроулнобар не мог припомнить, когда в последний раз ему приходилось чувствовать себя настолько в гармонии с собой и с окружающим миром. Не мог он и представить иного места во всём Фаэруне, которое он бы предпочёл тому, где он был сейчас. Сад, позади городского дома Данилы Танна в Глубоководье, наполнил его ностальгией по Эвермиту и в кое то веки, эти воспоминания не были приправлены чувством позора или сожаления.

В этом обнесённом стеной раю росли уникальные для Эвермита растения: маленькие, сапфирового цвета виноградины; нежные, белого цвета «приветные фанфары», настолько чувствительные к теплу, что поворачивались к любому, кто входил в сад; ароматные травы и даже какое-то количество небесно-голубых роз, ассоциирующихся с благородными лунными эльфами. Всей силы воображения Элайта не хватало на то, чтобы представить, каким именно образом Данила убедил эльфов этого закрытого от мира королевства расстаться с такими сокровищами.

Но любимой частью сада для лунного эльфа была уединённая аллея для фехтовальной практики. В руке Элайта был прекрасный эльфийский клинок, на дорожке перед ним стоял достойный противник, а впереди ему предстояло стоящее дело. Жизнь была действительно прекрасна.

Его оппонент – высокая полу-эльфийка – атаковал его на бегу. Элайт поймал её клинок своим и повернув, отвел их клинки вниз, совершив круговое парирование, разворачиваясь. Это движение поставило его лицом к лицу с соперницей так, что острия их мечей были направлены вверх.

Полу-эльфийка нагнулась и ударила прямым джебом над скрещенными клинками. Элайт поймал её кулак свободной рукой.

- Смелый ход, принцесса Эрилин, однако рискованный. Так можно остаться и без руки.

Она стряхнула его руку и сделала шаг назад.

- Не называй меня так. Но ты прав насчёт риска. Это было глупым решением. Я хотела опустить твой меч и отвести его назад в то время, как я наносила удар...

- Но ты не смогла, - закончил за неё Элайт. – Тебе не хватает силы.

Эрилин скривила лицо:

- *Пока* не хватает.

Она снова атаковала. Элайт парировал два быстрых укола и выпад легкими и экономными движениями. Скользнув друг по другу и лязгнув, их мечи разошлись и Эрилин отступила.

Пока они обходили друг друга по кругу, Элайт урвал момент, чтобы изучить своего оппонента. Как всегда, это значило, что ему предстояло приложить усилие, чтобы не обращать внимание на сходство полу-эльфийки с Амнестрией – принцессой Эвермита.

Его принцессой.

«Сосредоточься на том, что ты делаешь», напомнил себе Элайт, видя, что дочь Амнестрии снова заняла боевую стойку.

Такое знакомое лицо полу-эльфийки состояло из решительных линий, но оно было вытянутым, тонким и чересчур бледным. Боль бросала тень на её голубые глаза, а её волосы, которые были гладкими и блестящими, словно вороново крыло, когда они впервые скрестили мечи, теперь выбились из причёски и теперь лежали неуправляемой темной массой.

Волосы её матери были почти такими же тёмными, но они были того редчайшего оттенка, который только встречался у лунных эльфов – цвет прекрасных сапфиров, цвет полуночной синевы усыпанного звёздами неба...

Элайт заставил изображение исчезнуть из своего умственного взора.

- Ты двигаешься так-же быстро, как и всегда, - сказал он Эрилин, - но твоим атакам не хватает силы и ты держишь клинок не надёжно.

Чтобы доказать справедливость сказанного, он притворился, что атакует её ноги. Полу-эльфийка легко парировала эту атаку. Однако, прежде чем она успела отдёргнуть свой меч, Элайт наступил на него. Такое не академическое движение застало Эрилин врасплох и рукоять клинка выскользнула из её ненадёжной хватки.

Её тренировочный меч не успел полностью упасть на землю, когда девушка развернулась на своей отставленной назад ноге и пнула его на несколько дюймов ниже того места, где застёгивался его ремень.

Лунный эльф отшатнулся назад, борясь с соблазном упасть на землю и скорчиться в агонии.

Возможно, его неожиданная атака была не настолько уж неожиданной.

- Хорошая контратака, - выдавил он из себя, - но грязные приёмы уличной драки не достойны принцессы.

- В следующий раз, когда я увижу какую-нибудь принцессу, я ей это передам, - заверила его Эрилин. – Ей наверняка пригодится эта информация. Если тактика её «недостойна», то возможно она также будет и неожиданной.

- И правда.

Полу-эльфийка подцепила свой упавший меч мыском сапога, подкинула в воздух и поймала за рукоять. Когда Элайт занял оборонительную позицию, Эрилин покачала головой и засунула свой меч в ножны, в которых до недавнего времени покоился её лунный клинок.

- Благодарю за спарринг.

Серебряные брови Элайта изогнулись удивлённой дугой:

- Мы тренировались всего лишь с восхода. Толька два колокола пробило с тех пор, как мы начали.

- Ты просто не хочешь прерываться на том моменте, когда я вырвалась вперёд, - подразнила она его.

Лунный эльф покачал головой:

- Принцесса, если вы чаєте надежду снова владеть своим фамильным клинком, вы должны восстановить свою силу.

Улыбка исчезла с лица Эрилин:

- Если ты ещё раз назовёшь меня «принцессой», - сказала она мягко, - мне не понадобится трижды проклятый лунный клинок. Я просто вырву твою печень собственными ногтями.

Она развернулась и направилась прочь, толкнув плечом высокого светловолосого мужчину, который только вошёл на тренировочную площадку. Данила Танн – один из немногих людей, которых Элайт считал среди своих друзей – смотрел вслед удаляющейся в сторону задних ворот полу-эльфийке.

- Куда это она?

- Наточить коготки, надо полагать, - сухо ответил Элайт.

Данила моргнул. Спустя мгновение он выбросил из головы эту загадочную реплику.

- Скоро у нас будут посетители. Я получил послание – ошеломительный поток магии, надо сказать – с запросом разрешить посещение этого сада Шалане из Ротомира – сестре воеводы эльфов из Вилдата - и Гинимеду из народа литари.

- Литари, - удивлённо повторил Элайт. Он ещё не до конца верил в существование расы волко-подобных эльфов-оборотней. – В Глубоководье?

- Ну это не будет его первым визитом. Ганимед и Эрилин – старые друзья. Он может открыть магические врата практически где угодно, используя её лунный клинок для фокусировки.

Взгляд Элайта скользнул к оружейной стойке, на которой покоился древний эльфийский длинный меч. Восемь рун отмечали его по всей длине, а бело-голубой лунный камень в рукояти светился от магии. Всего лишь десять дней назад он обернулся против своей обладательницы, предпочтя пролить скорее пролить её кровь, чем кровь одного лунного эльфа, который полагал, что он давно находится за пределами той грани, когда искупление всё ещё возможно.

- Не знаю, сможет ли принцесса когда-нибудь снова его носить, - сказал он мягко.

Уголок рта Данилы коснулась слабая улыбка.

- Твоё счастье, что она не слышит, как ты её величаешь. Что же до клинка, то Эрилин знала, что может произойти, когда она бросит тебе вызов. Она считала, что принять на себя ответный удар собственного меча, было наискорейшим и

наивернейшим способом убедить лесных эльфов сражаться под твоим началом бок о бок с твоими соратниками.

- Форма убеждения, которая едва не стоила ей жизни.

- Она считала, что причина веская и считала, что ты стоил того, чтобы рискнуть ради тебя. Учитывая реакцию её лунного клинка, кажется, насчёт тебя она не ошиблась.

- Представь моё удивление, - тихо сказал эльф, - в особенности, учитывая то, что мой собственный лунный клинок до сих пор не разделяет её оптимизма.

Воздух около оружейной стойки задрожал, облачаясь в слабое сияние, которое легко можно было перепутать с волной восходящего жара. Если бы не врождённая эльфийская способность чувствовать открывающиеся магические врата, Элайт мог бы и вовсе их не заметить. Данила был менее подготовлен и поэтому его глаза широко открылись, когда в саду неожиданно появились два эльфа.

Элайт узнал в женщине лесную эльфийку – одну из тех, кто недавно был в Глубоководье и сражался под его началом. Она называла себя Ферит. Мужчина же не был похож ни на одного лесного эльфа из тех, что ему когда-либо приходилось видеть. Хотя цвета его янтарных глаз и серебряных волос были такими же, как у Элайта. Также, как и Элайт, он был высоковат для эльфа, имел длинноватые ноги, да и плечи его были шире, чем у большинства. Если бы Элайт не знал его истинного происхождения, то пожалуй мог бы принять эльфа-литари за родственника.

- В Вилдате проблемы, - без лишних вступительных слов сказала эльфийка.

Плечи Данилы поднялись и опустились в знак покорности.

- Пойду приведу Эрилин.

- Не эту полу-эльфийку. В этот раз в ней нет нужды, - сказала Ферит кивнув в сторону Элайта. – Нам нужен он.

* * * * *

Когда Элайт снова вернулся в эльфийский сад принадлежащий Даниле, солнце низко нависало над западными городскими стенами. Он был занят сбором припасов и информации, встречался с нужными людьми, читал заклинания – такие вещи требовали времени.

Вокруг *литари* образовался сияющий ореол. Ферит нетерпеливо сжала руку Элайта и потянула его в ту сторону. Трое эльфов оказались в глубокой зелёной тени древнего леса.

Всего лишь один шаг – настолько простым и беспроblemным было путешествие.

Элайт склонил голову в знак почтения к Ганимеду.

- Много раз доводилось мне путешествовать магическими серебряными тропами, но никогда они не были столь искусно открыты.

Литари кивнул, принимая комплемент.

- Приходите сюда, когда наступит ночь.

- До Сулданесселара тут не близко, но мы можем вернуться даже до заката, - сказала Ферит и не дожидаясь ответа обогнула ствол гигантского дуба и бодро пошла по едва различимой дорожке.

Уже очень скоро Элайт обнаружил, что поспевать за лесной эльфийкой было задачей не из простых. Вскоре Ферит свернула с тропинки и направилась в заросли шипастых кустов. Ужасные колючки на них были длиной с палец Элайта.

- Не отставай, - распорядилась Ферит. Она остановилась, нагнула голову и задумалась.- А лучше положи руку мне на плечо, иначе роща может тебя не признать.

Элайт чувствовал магию: слабую, но могущественную, непохожую ни на что, с чем он раньше сталкивался. Повинуясь этому странному чувству, он сделал, как проинструктировала его Ферит.

Ветви разошлись, чтобы пропустить их. Лунному эльфу показалось, охранная роща слегка ворчливо отреагировала на его присутствие, ибо ветви позади него возвращались на своё место с зловещим шипением - достаточно близко, чтобы поцарапать его кожаную одежду, но не настолько сильно, чтобы проткнуть её.

Наконец, они вышли из рощи на окружённую деревьями лесную поляну. В центре поляны находилась сложенная из камней пирамида, высотой доходящая до плеча взрослого эльфа. Пирамиду венчала деревянная платформа с вырезанными на ней рунами. На платформе покоился низкий гроб, закрытый полированной стеклянной крышкой. Внутри лежала эльфийка средних лет. Она была облачена в доспехи, каких уже не видывали в течении пяти веков. Но разложение её не коснулось. В воздухе, словно аромат витала магия а с ней и что-то более редкое – чувство, что прикоснулся к легенде. Элайт преклонил колени, чтобы оказать честь истории, которую ещё не слышал.

- Гробница Зоастрии, - сказала Ферит.

Память Элайта встрепенулась. Он знал это имя. Когда он встал и подошел поближе, его сердце забилось чаще. Лицо лежащей в усыпальнице девушки казалось ему знакомым, а её длинные, заплетённые в косичку волосы имели отличительный темно сапфировый оттенок, который Элайт называл луноцветово-синим. Более пятидесяти лет назад, эльфийка, которая была очень похожа на эту спящую воительницу, явилась в Эвермит. В жилах Таситалии Луноцвет текла кровь королей Эвермита и она нарекла принцессу Амнестрию наследницей своего клинка. В то время Элайт был капитаном королевской стражи, был помолвлен с Амнестрией и был полон надежд на будущее, которое он планировал с ней разделить.

- Зоастрия Луноцвет – друг лесного народа, - сказала Ферит, подтверждая подозрения Элайта. – Она пала в битве всего лишь четыре года назад.

Элайт круто развернулся к ней. Ярость, внезапная и необъяснимая, заполнила его сердце и сверкнула в его янтарных глазах.

- Это невозможно! Зоастрия была четвёртым лунным воителем в линии своей семьи. Она жила и погибла задолго до того, как ты родилась.

- Да, так и было в первый раз, - согласилась Ферит, не обращая внимания на гнев лунного эльфа. – Но каждый лунный воитель вносит свою магию в клинок, разве нет? Эльф, который передал свой клинок Зоастрии уверил её, что пока магия её лунного клинка не угасла, герой может пробудиться, когда в нём возникнет великая нужда. В Эрилин течёт её кровь. Когда она вложила меч в незапятнанные руки своего предка, Зоастрия снова стала живым эльфом.

Бессмертный сон... первая из своего рода... герой может пробудиться... своего рода... пробудиться... живым эльфом.

Слова Ферит ворвались в разум Элайта, ошеломляя своим значением.

Амнестрия была седьмой в роду Зоастрии.

Это было возможно. Каким-то образом он всегда это знал. Как только он впервые увидел Эрилин шесть лет назад, на мгновение ему показалось, что это была перерождённая Амнестрия. Такие вещи не были в диковинку для Фаэруна, даже среди эльфов. Но если не брать в расчёт тот момент внезапно вспыхнувшей надежды, Элайт никогда всерьёз не рассчитывал, на то, что Амнестрия возродится.

Но что если она могла бы? И что если она уже...

- Это место беспокоит тебя? – спросила Ферит.

- Возможно, нам стоит пересмотреть план.

Это было не то, что Элайт ожидал от себя услышать, но слова казались ему правильными. Он был настолько занят составлением первичного и вторичного планов, а также плана на случай непредвиденных обстоятельств, что совершенно не потрудился взвесить их с точки зрения морали. Говоря откровенно, у него и не было такой привычки. Но если лунный клинок Амнестрии пощадил его как раз для того, чтобы он сыграл свою роль в её возвращении, ему лучше было бы обзавестись подобной привычкой!

Непроницаемое лицо лесной эльфийки дало слабину, уступая место удивлению:

- Пересмотреть план? Это ещё к чему? План хорош.

- Но в нём нет места чести.

- И я благодарю всех богов за это, - сказала она колко. – Все пути, так или иначе связанные с честью, навлекут на мой народ ответные меры.

Быстрым и нетерпеливым движением руки она смахнула прядь волос со лба.

- К чему эти сомнения? Ты прекрасный полководец. С тех самых пор, как Огнелис вернулся из Глубоководья, он без усталости поёт тебе деферамбы.

- Огнелис и сам хороший полководец. Даже более чем хороший. К тому же он знает этот лес лучше, чем я. Может быть он мог бы разработать...

- Нет, - внезапно и решительно отрезала Ферит. – Сердце Огнелиса слишком чисто, чтобы он мог сделать то, что должно быть сделано. Для чего ещё я стала бы к тебе обращаться?

Её слова ужалили Элайта больше, чем должны были.

- Странные слова ты говоришь у гробницы Зоастрии.

- Если бы я знала, какое влияние окажет на тебя это место, я бы сказала их в каком-нибудь другом.

- Тогда зачем ты меня сюда привела?

- *У сай Тель'Кессир* принято воздать почести предкам перед тем, как отправиться на битву.

Ферит указала на лежащий в ножнах и запечатанный лентой лунный клинок Элайта. Принести его с собой было импульсивным решением. Хоть он и не мог воспользоваться мечом, символизм был для него очень важен.

- Я не знаю мест, которые священны для вашего рода, - продолжила Ферит, - поэтому я привела тебя сюда, чтобы воздать почести линии другого лунного воина.

Что-то в выражении лица Элайта заставило её запнуться:

- Я поступила неправильно?

- Нет, - ответил он тоскливым и мягким голосом. – Ты не поступила неправильно.

«Ты не поступила неправильно, - повторил он про себя, - но кажется, что мне придётся».

И таким образом решение было принято.

Некоторые называли Элайта импульсивным, хотя в большинстве случаев за его спиной. Это было не совсем так. Элайт просто верил в судьбу.

Была причина, почему лунный клинок Кроулнобаров отверг его, причина, по которой лунный клинок Амнестрии пощадил его несправедную жизнь. Причина, по которой он был трижды посвящён семье Луноцветов: он был воспитан эльфийской королевой, и обучен искусству сражений её августейшим супругом, был назначен капитаном королевской стражи, а также помолвлен с младшей из принцесс. И теперь эта причина переплетения его судьбы с судьбой королевской семьи стала ему во всей своей мрачной неожиданности очевидна.

Он мог делать то, чего не могли они.

Амнестрия посвятила себя службе лесным эльфам. Элайту казалось странным, что теперь ему предстояло принять её наследие. И действительно, Вилдат находился в огромной нужде, но в этот раз лесному народу не нужен был герой.

Им нужен был *он*.

* * * * *

Благодаря магии Ганимеда, пять эльфов оказались в тени Роши Митарана – места, которое было старым и странным, даже по меркам этого древнего леса. Небольшой отряд включал в себя литари и двух воинов, которых Ферит привела с собой из эльфийского поселения Сулданесселар. Одинокого из них звали Кивессин Султазар из племени Салдаск. Другой же, на удивление Элайта, был капитаном Уиваретом Кориантилом – лунным эльфом из Эвермита. Очевидно, что после того, как четыре года назад лесные эльфы отбили вторжение наёмной армии людей, королева Амларуил послала в Вилдат своих представителей. Таким образом, она дала людям в Тетире понять, что очередная агрессия против её лесных сородичей не останется безответной.

Это существенно поднимало ставки.

Элайт повернулся к капитану Кориантилу.

- Вы уверены, что желаете быть частью этого?

Лунный эльф кивнул. Выражение его лица было при этом мрачным.

- Леди Шалана права; люди, которые последовали за ней в лес не могут вернуться, неся на устах историю об эльфийских убийцах. Будут ответные меры, и тогда королева Амларуил сдержит своё обещание. Я не хочу увидеть Эвермит втянутым в так называемую войну возмездия с Тетиром.

- Есть и другие причины, - мягко продолжил Кориантил. – Вы были моим первым командиром. Это честь снова служить под вашим началом.

Брови Элайта поднялись.

- Даже выполняя подобное задание?

- Даже так.

- У всех у нас есть свои причины, чтобы убивать людей, - прорычал эльф племени Салдаск. – Нам надо нанять барда, чтобы он всем им написал по мадригалу или просто возьмёмся за дело.

Элайт поймал себя на мысли, что ему нравится этот ворчливый воин.

- Ты эксперт по Вилдатским ограм, - сказал он Кивессину. – Мы последуем за тобой.

Эльф начал движение, углубляясь в разлапистые заросли папоротника. Вскоре они услышали шепот бегущей воды. Маленький ручеёк проложил себе путь через лесную подстилку. Когда отряд последовал за ручейком на север, земля стала более каменистой, а сам ручеёк глубже, а течение его более стремительным. Они шли не разговаривая, всё время всматриваясь в окружающий их лес.

Элайт почувствовал запах лагеря огров раньше, чем он его увидел. Влажный лесной воздух пах костром, обгорелым мясом, и резким мускусным запахом самих существ.

Элайт поднял руку, сигнализируя остановку. Он достал из сумки амулет и обмотал его вокруг запястья. Мир странно исказился и внезапно он смотрел на своих партнёров сверху вниз с большой высоты. Четверо эльфов смотрели на него с одинаковым выражением удивления смешанного с отвращением.

- Зелёный... судя по вашим лицам, этот цвет мне не совсем подходит? – спросил он мягко, но его голос прозвучал как гортанный рык.

- Отлично, я служу под началом огра, - пробормотал капитан Кориантил. – С каждым часом всё лучше и лучше.

Элайт улыбнулся ему полным бивней ртом и повернулся в сторону лагеря.

Трое огров остались в лагере, чтобы охранять его, а остальные ушли на охоту. Охранники увлечённо спорили об игре в кости, поэтому у Элайта не было никаких проблем с тем, чтобы пробраться в пещеру с молодняком.

Внутри пещеры оказалось с пол десятка существ, какие то из них лежали прижимаясь друг к другу, как кучка уродливых щенков, остальные разлеглись по всему полу. Тощий коротышка чуть в стороне, был примерно такого же роста, как и Ферит. Элайт быстро бросил на молодого огра заклинание очарования. Существо подёргалось, словно пытаясь стряхнуть с себя назойливое магическое вмешательство, но вскоре встало, позёвывая. Элайт знаком показал огру следовать за собой. Существо с отсутствующим видом подняло свою набедренную повязку – Элайт не мог не заметить, что оно оказалось мальчиком – и зевая грубо почесалось, прежде чем последовать за замаскированным под огра эльфом к выходу.

Огры охранники лишь мельком взглянули и вернулись к игре. Элайт с облегчением отметил, что до сих пор всё шло хорошо. Он боялся, что подобные заклинания могли дать сбой, если их применять так близко к искалеченным развалинам легендарного эльфийского города.

Внезапно, полу прикрытые веками глаза молодого огра распахнулись. Он безумно огляделся, словно лунатик, неожиданно разбуженный во время своей прогулки.

Сыпля себе под нос проклятиями, Элайт пихнул в рот огру кляп, перекинул существо через плечо и пустился наутёк.

Когда они были на приличном расстоянии от лагеря, Элайт бросил молодого огра на землю и сорвал со своего запястья амулет. Возвращение к своему истинному размеру и форме было столь стремительным, что на какой-то момент у него возникло чувство, что он падает.

Лицо юного великана превратилось в почти что комичную маску изумления. Его внушённая страхом покорность к старшему члену племени уступила место ярости. Он прыгнул на Элайта, пытаясь схватить эльфа за горло.

Ферит свалилась на него с дерева, повалив его на землю в середине прыжка. Он зашипел на неё как кошка и чиркнул когтями одной руки по лицу эльфийки. Она занесла кулак, чтобы отплатить той же монетой, но Кивессин схватил занесённую руку и отдёрнул Ферит в сторону.

Из кустов выскочили лунный эльф и литари.

Каждый из четырёх эльфов, включая Элайта схватили огра кто за запястье, кто за лодыжку и растянув его таким образом сообщая приволокли осыпающее их проклятиями существо на заранее подготовленную площадку.

К их счастью им не нужно было идти далеко. Несколько сотен шагов привели их в место, где лес граничил с королевством ночных кошмаров.

Лишённые плоти остовы ночных птиц, держащиеся в воздухе не иначе, чем благодаря какой-то жуткой магии, безмолвно парили среди клубящегося тумана. Деревья были вывернуты и обуглены, будто от огня, но их ветви двигались, зловеще переплетаясь на фоне затянутой облаками луны. Черные корни наощупь прокладывали себе путь вдоль лесной подстилки, словно ища свою добычу. Единственным очевидно живым элементом было разве что изобилие тёмного плюща, тянущегося между корнями. Лозы были унижены фиолетовыми и красными цветами – довольно красивыми, если не брать в расчёт источаемый ими аромат гнилой плоти.

Литари с грустью покачал головой.

- Цена за подобную магию слишком высока.

Элайт не мог не согласиться. Это были развалины некогда легендарного города, на который было наложено могущественное заклинание. И как результат действия этой извращённой магии, каждое существо, погибшее на этой поражённой чарами земле, восстало в качестве нежити. Ни один эльф не мог войти в это королевство не подхватив смертельную болезнь или не призвав Мэлина – ставшего нежитью волшебника, который правил этим мрачным королевством уже более шести столетий.

- Бросаем существо здесь, - приказал Элайт, указывая на мох под большим сумеречником.

Кивессин и Ферит быстро связали извивающегося огра, а затем привязали его к свисающей с высокой ветки верёвке. Остальные трое эльфов оторвали молодого огра от земли и затянули узел покрепче. Кивессин выдернул кляп изо рта огра и притянув его поближе к дереву качнул его в сторону поражённой магией земли.

Потребовалось ещё пару раз качнуть огра, чтобы он достиг нужной амплитуды. Когда Элайт рассудил, что существо пролетит требуемую дистанцию, он перерубил верёвку. Молодой огр отправился в свободный полёт вопя от страха и ярости. Он тяжело приземлился и откатился прямо к кромке отравленного леса. Существо начало кричать ещё истошнее, корчась словно от нестерпимой боли.

Эльфы забрались на деревья. Спустя несколько мгновений из леса выскочили три взрослых огра. Крики подростка стали слабее, как и его метания, а его маленькие красные глаза были стеклянными и смотрели в одну точку.

- Тупые эльфы, - прошипел один из них.- Подошли слишком близко и заболели. Возможно они теперь далеко, выблёвывают свои внутренности.

Остальные двое, казалось, не были в этом так убеждены. С оружием на изготовку, они поворачивались то в одну сторону, то в другую.

- Мы сторожим, ты иди, развяжи Глува, - прорычал один из них.

Троица великанов приблизилась к молодому огру, двое из них приближались к границе тёмного измерения спиной вперёд, глазами неотступно наблюдая за лесом.

Внезапно, тот огр, который шёл первым, остановился. Его зелёное лицо исказилось в озадаченную хмурую гримасу. По неизвестной причине, существо споткнулось и упало. Раздался резкий треск. Кровь хлынула из раны на вывернутой лодыжке огра и из её краёв показались зазубренные края кости.

- Бегите! – крикнул гигант.

Прежде, чем двое других смогли отреагировать, лес наполнился гудом арбалетных болтов. Четыре больших снаряда выстрелили с ближайших деревьев, таща на хвосте тонкие верёвки. Каждый болт глубоко вонзился в грудь огров и прошёл на вылет. Корчась, существа повалились на землю.

Эльфы спустились с деревьев. Одной рукой Элайт сделал быстрое, резкое движение. Тщательно наложенная им иллюзия исчезла и граница между здоровым лесом и проклятыми землями переместилась на дюжину шагов ближе к эльфам. На том месте, где огры повалились на землю, зелёный мох и живые растения уступили место черным корням и гнилым цветам. Приняв иллюзию Элайта за чистую монету, огры вошли напрямиком на проклятые земли.

- Быстро, отвязывайте верёвки, - отчеканил Элайт. – Мы должны их вытянуть как только они умрут. Огры-нежить под контролем Мэлина нам бесполезны.

Четверо эльфов схватились за присоединённые к гарпунным снарядам верёвки и привязали каждый к высокому и гибкому молодому деревцу, подготовленному заранее. Четыре дерева были аккуратно пригнуты к земле, пока их верхние ветки не коснулись земли и зафиксированы в таком положении.

- Уж не думал, что настанет день, когда мне придётся пользоваться арбалетом, - прошептал лунный эльф, носивший капитанское звание.

- А вы когда-нибудь думали, - холодно сказал Элайт, - что настанет такой день, что вам нужно будет выстрелить снарядом таких размеров, да и ещё с силой, достаточной, чтобы он прошёл огра насквозь?

- Стрела из длинного лука обладает огромной силой и точно также прикончила бы их, - вставил эльф из Салдаска.

- Верно, - сказал Элайт.

Он схватился за одну из верёвок и с силой дёрнул. Когда наконечник стрелы врезался в грудную клетку умирающего огра, он разделился на четыре крюка.

- Но обычные стрелы просто выдернулись бы обратно, когда бы мы стали вытаскивать огров, - сказал Элайт. – С этими такого не случится.

Эльфы дождались, пока смертные муки огров закончатся. Когда Элайт дал сигнал, они перерезали верёвку и молодые деревца разогнулись, выдергивая огров на приличное расстояние за границу проклятой земли.

Существа вздрогнули и поднялись на ноги. Их красные глаза были пустыми и смотрящими в одну точку.

Капитан Кориантил смотрел на этих восставших из мертвых огров с неприкрытым отвращением.

- Никогда не думал, что придётся быть в одной лиге с подобными существами.

- Не будь они нежитью, они наверное разделили бы ваши чувства, - коротко прокомментировал Элайт. Он достал несколько амулетов из своей сумки и вручил их лунному эльфу. – Наденьте на них вот эти, а сами наденьте синий. Это позволит вам управлять ими.

Лунный эльф какой-то момент глядел на амулеты, а потом с беспокойством посмотрел в лицо Элайту.

- Это... некромантия.

- Вам известен лучший способ управлять нежитью?

Кориантил горестно усмехнулся:

- Откровенно говоря, Лорд Кроулнобар, мне не приходилось над этим размышлять.

- Для того меня и позвали, - ответил Элайт с лукавой улыбкой.

Кориантил взял амулеты.

- А эта магия стабильна? Ведь то заклинание, которое вы наложили на огра рассеялось.

- Эти амулеты не подведут. Некромант, создавший их, гордится своими злыми делами... да и просит соответствующую плату, - ответил Элайт с ухмылкой.

- Ясно. Надо полагать, что это также объясняет, как вам удалось наложить иллюзию у самых границ Мит Ринна?

Улыбка исчезла с лица Элайта:

- Вы не хотите знать происхождение этого заклинания, капитан. Уж поверьте мне.

- Прошу меня простить, - помедлив, сказал Кориантил, - но если вы хотите познавать и использовать такую магию, почему вы просто не убили этих огров и не оживили их самостоятельно?

- Если бы я мог использовать подобное заклинание, я бы так и сделал, - откровенно сказал Элайт. – Я никогда не учился подобному. По какой-то странной причине я считал, что подобная магия ниже моего достоинства.

- Разумеется, - немедленно сказал лунный эльф. – Простите, что спросил.

- Скажите, капитан, вы всегда задаёте своему командиру столько вопросов?

- Если бы вы позволили ещё один, я бы спросил, почему вы сами не управляете ограми?

В качестве ответа, Элайт показал ему амулет позволяющий ему принимать облик огра.

- Мне будет недосуг.

* * * * *

Последовавшая битва едва ли стоила того, чтобы так называться. Это была простая и бесхитростная резня.

Прежде чем, она началась, Элайт выбрал того единственного, кто останется в живых. Им оказался самый молодой солдат из посланного на отслеживание неизвестного убийцы отряда.

Приняв облик огра, Элайт подполз к лагерю и схватил молодого солдата за уши. Проснувшись от таких нежностей, парень обнаружил себя лицом к лицу с красными глазами и зловеще загнутыми бивнями. Прежде, чем он смог закричать, Элайт приложил его головой о землю. Глаза солдата закатились, а тело обмякло.

Элайт приложил большие, кончающиеся когтями пальцы к горлу парня. Да, поток крови вряд ли остановится, он будет слабым, но продолжительным. Парень очнётся посреди ночного кошмара и побежит к себе в гарнизон с рассказами. Он переживет одиночное путешествие через лес – уж лесные эльфы об этом позаботятся.

Замаскированный лунный эльф присоединился к учиненной мёртвыми ограм резне.

Когда всё было кончено, Элайт подобрал оружие солдат – много мечей так и осталось лежать в ножнах – и отправил оживлённых огров на теперь уже вечный покой. Когда молодой солдат очнётся, он поверит, что его товарищи сражались храбро и умело.

Элайт собрал амулеты с тел огров и в качестве финального штриха нацепил на отрубленную голову молодого огра шапку Лэмфора.

- Огр-убийца, - шепнул Кивессин. – Думаешь люди поверят, что это существо проникло в их гарнизон?

- Я планирую в этом убедиться, - сказал Элайт, подняв свой взгляд на Ферит. – Осталось последнее.

Лесная эльфийка кивнула и повернулась к своим товарищам:

- Вы идите вперёд. Вам тут смотреть не на что.

Эльфы молча переглянулись. Наконец, капитан Кориантил коснулся кулаком сначала своего лба, а потом своего сердца – жестом почтения к эльфийским владыкам. Затем трое защитников лесных эльфов – капитан из Эвермита, воин из Салдаска и литари – исчезли в сияющем портале.

- У меня есть заклинания, которые свяжут духи убитых тобой людей так, что они не смогут опознать убийцу, - сказал Элайт. – Эти чары налагать проще, если делать это над их трупами. Я знаю заклинание, которое замаскирует убийцу, но оно не из приятных.

Ферит нетерпеливо пожала плечами:

- Давай уже.

- Мне потребуется кровь.

Эльфийка даже не посмотрела на залитый кровью лагерь. Она выставила своё предплечье, готовая к укусу ножа.

- Это некромантия, - предупредил Элайт.

- Ясно.

- Кто-то сочтёт такую магию злом.

Улыбка Ферит была одновременно и грустной и страшной:

- Я думаю, мы оба уже зашли слишком далеко, чтобы иметь подобные колебания. Если что-то должно быть сделано - сделай это.
Это было его судьбой, поэтому Элайт так и поступил.

ИЗМЕНЧИВЫЕ ВОЛНЫ

Мел Одом

Флеймрул, Год Рукавицы (1369 согласно Летоисчислению Долин)

1

- А я всё же говорю, что ты будешь дураком, если пойдешь туда в этот шторм, Ритагир! Уж лучше остаться не корабле, где ты будешь в безопасности, когда эта буря обрушится на нас! Эти обломки корабля валяются там сотни лет! Они подождут ещё немного!

- Верно подмечено, капитан, - ответил Ритагир Волак, глядя на вздымающиеся волны Моря Упавших Звёзд. В его ответе не было ни отрицания, ни участия. Потребовался год, чтобы всё зашло так далеко. - А если бы тот корабль с сокровищами соблаговолил самостоятельно всплыть со дна морского и причалить у нас в порту, жизнь была бы ещё более удобной, разве нет?

Капитан Забан нахмурился:

- Ты даже не знаешь, там ли *Нос Пейлама* или нет! - ответил он, пытаясь перекричать ветер.

Ритагир поднял руку заслоняясь он ветра и льющего дождя:

- Вы наверняка правы, капитан. Лучше бы нам дождаться более благоприятного дня.

Капитан корабля был широким и коренастым мужчиной в скромной рубашке и таком же плаще. Его штаны и ботинки видели лучшие дни. Сбоку висела тяжёлая абордажная сабля. Его черные, уже тронутые сединой волосы были убраны назад и собраны в косичку. Его курчавая чёрная борода была присыпана сединой ещё больше. Годы не пощадили Забана, но по крайней мере у него сохранились родные конечности. Для человека, который всю жизнь бороздил Море Упавших Звёзд и много сражался с пиратами, это было существенным достижением.

- Я не это имел в виду, - Забан погрузил свои пальцы в бороду. Его широкая шляпа затеняла его скуластое лицо, а тёмные штормовые облака наверху ещё больше скрывали его черты. - Те книги, которые ты откопал... ведь наверняка есть другие умники, которые могли расшифровать их, верно?

- Любой, кто умеет читать и кто найдёт время взглянуть, капитан, - ответил Ритагир. Ему нравилось играть на терзающем капитана чувстве противоречия между жадностью и беспокойством.

Экипаж корабля – разношерстное сборище морских волков, которые в течение многих лет видели грубые ласки моря без каких-бы то ни было намёков на удачу – теперь с тревогой и голодными глазами внимали их разговору.

- Итак, - сказал Забан, - может так случиться, что мы тут попусту тратим время. – Он сделал паузу прежде, чем закончить высказывание. – Если там вообще что-то есть.

Ритагир ухмыльнулся:

- Есть лишь один способ проверить.

Он посмотрел за борт корабля. *Лазурная Пустельга* была из тех когов, чьё имя им льстило. Корабль был так назван из-за своих светло голубых парусов. Зацепившись за морское дно, корабль стоял на якоре.

Если верить квартермейстеру, то до дна была сотня и ещё с десятков футов. *Нос Пейлама* должен был быть где-то тех окрестностях.

«Если те расчёты течений, основанные на найденных картах верны, - напомнил себе Ритагир». Морские течения, а в особенности прикрытые налётом двухста семидесяти восьми лет, плохо поддавались вычислениям.

Ритагир был мужчиной среднего роста с широкими плечами. Годы плавания и ныряния в реках и океанах, а также спасения утопающих покрыли его бронзовые от загара руки и ноги тугими мышцами. На нём был хороший кожаный доспех, а у бедра висел длинный меч. За голенищами его достающих до колена сапог располагалось два ножа. Свои золотисто жёлтые волосы он предпочитал стричь коротко, чтобы они не свисали.

Его глаза были серо-зелёного цвета, словно моря. Его предыдущая любовница говорила, что его глаза настолько соответствуют этому оттенку, что казалось, будто в них просочилась частичка моря и на веки вечные заявила свои права на него.

Ритагир полагал, что это могло быть правдой. Любовницы никогда не задерживались надолго. Они предпочитали мужчин, которые могли отвлечься от других своих страстей хотя бы немного больше, чем несколько часов или даже день. Вся жизнь Ритагира состояла из исследований и поисков нового. Он усвоил всё, что его отец – следопыт из Кормира – мог ему рассказать о дикой природе. Но к великому отчаянию его родителя, тем, что нашло истинный резонанс в сердце его сына, оказались моря Фаэруна.

Ритагир быстро сказал несколько магических слов и начертил в воздухе символ. Он почувствовал, как через него прошла сила. Он перемахнул через борт корабля, на встречу ударяющим в деревянную обшивку волнам.

Вся команда подбежала к леерам, чтобы посмотреть на него.

Вместо того, чтобы шлёпнуться в воду, Ритагир остановился в нескольких дюймах от её поверхности, удерживаемый там произнесённым заклинанием. Он согнул колени чтобы погасить силу падения и встал по весь рост, хоть это и было не просто на таких волнах. Заклинание ходьбы по воде не давало ему провалиться, но поверхность моря была, мягко говоря, совсем не ровной поверхностью.

С напыщенным, театральным жестом – а он совершенно признавал, что требовал к своей персоне намного больше внимания, чем для него было бы разумным, чему, кстати, был совсем не рад его отец, который был более, чем скромным человеком – Ритагир повернулся и поклонился команде корабля.

Матросы, в ужасе сжавшись, укрылись за правым бортом корабля. Шторм пугал многих из них. Как правило, к лету все шторма прекращались, но зато любой шквал, который после этого нарушал установившуюся благодать, мог быть воистину разрушительным. Команда уже шепталась, что этот ветер был проклятым. Проклятые воды и плохие ветры на протяжении многих лет отправляли корабли на дно.

Ритагир тщательно отсчитал сто тридцать два шага на северо-запад от того места где Лазурная Пустельга бросила якорь. Прошлой ночью он с точностью рассчитал положение корабля по звёздам. Море хорошо охраняло свои секреты и тот, кто собрался в нём что-то отыскать, должен был хорошо представлять, где именно это надо было делать. Покончив с отсчётом шагов, он прервал заклинание и словно булыжник исчез под волнами.

2

Холодное море высасывало тепло из тела Ритагира, пока он погружался. Пока он беспрепятственно опускался на дно в сотне футах под ним, он чувствовал, как постепенно растёт давление. Вокруг него сновали рыбки, но акул не было. Маленькие рыбки, которые не выказывали большого беспокойства в связи с его появлением, были хорошим знаком и говорили о том, что поблизости нет крупных хищников.

Он запустил руки под кожаный нагрудник и вынул небольшую шёлковую сумочку, словно ожерелье перекинутую через шею. Внутри была жемчужина – простой белый шарик, размером не больше, чем ноготь на его мизинце. Жемчужина была насажена на простую цепочку из белого золота, которую Ритагир накинул на шею.

Когда ожерелье было надето, жемчужина на мгновение тускло вспыхнула лунным светом и Ритагир, открыв рот, вздохнул. Вместо того, чтобы нахлебаться воды, он вдохнул магически извлечённый из моря воздух. Его погружение тоже закончилось. Он завис в подвешенном состоянии, готовый двигаться в любом направлении.

Жемчужина была подарком от русалки, которую он встретил во время исследования Драконьего Предела, рядом с Вороньим Утёсов в Импилтуре. Большинство русалок стремилось к разрушению и они часто заманивали моряков на скалы и рифы, соблазняя их своими почти полностью обнажёнными телами и щемящими сердце песнями.

То та русалка была другой. Она была напугана и не могла ничего сделать с захватившими её работорговцами. Тогда, как и сейчас, Ритагир был в поиске легендарного затонувшего корабля.

В тот раз он не нашёл своё сокровище. Но как бы там ни было, ему удалось спасти русалку. В качестве подарка за избавление своей дочери от работорговцев, её отец подарил ему эту зачарованную жемчужину, сильно облегчающую ему ныряние.

Какое-то время он пожил среди них. В конце концов, как это было всегда, он должен был оставить их, чтобы пойти навстречу очередной тайне, очередной практически потерянной вещи. Это было его жизнью и он верил, что так оно и останется, пока он не умрёт.

«Да и смерть будет не из приятных» - напомнил он себе, невесомо болтаясь в толще воды.

Но даже эти плохие мысли никогда его не останавливали. Магия жемчужины также позволяла ему двигаться в любом направлении в независимости от глубины или его естественной плавучести. Несмотря на то, что его кожаный нагрудник был тоже зачарован, без даруемой жемчужиной магии, он непременно бы потянул его навстречу неминуемой гибели, если бы он не смог вовремя от него освободиться. Магия нагрудника защищала его материал от губительного воздействия морской воды, а также позволяла избавиться от него, произнеся одно магическое слово – перспектива, которой Ритагир надеялся никогда не воспользоваться, потому, как это был дорогой и трудно-заменяемый элемент снаряжения.

Он взмахнул руками и ногами так, словно плыл. Когда он перевернулся вверх ногами, он поплыл вниз во тьму морской пучины.

* * * * *

Нос Пейлама лежал на дне океана, зарывшись левым бортом в песок. Это был большой грузовой корабль, некогда совершавших рейсы из Старых Империй к Дрэгонмиру, также известному, как Озеро Драконов, чтобы торговать с Кормиром. Его родным портом был Скалд, лежащий на побережье Малхоранда.

Согласно текстам, которые прочёл Ритагир – бортовому журналу, журналу торговца и двум сообщениям, надиктованным скалдской гильдии торговцев, так как часть груза пропавшего корабля принадлежала королю и нужно было сделать расчёт, – Нос Пейлама был атакован бандой сахуагинов.

У корабельного мага и охранников не было и шанса выстоять против морских дьяволов. Все моряки были перебиты, а корабельный маг выпотрошен и повешен на рее грот мачты. Большинство было съедено сахуагинами. После этого, более чем в восьми сотнях миль от места бойни, в судне была пробита брешь и корабль был пущен на дно.

Одна из старых песен, которая уже вышла из моды во Внутреннем Море, также содержала в себе крупицу истины об атаке. Впервые эта песня удостоилась внимания Ритагира около года назад, в таверне Потрёпанные Паруса в Милваруне, что в землях Теска. Он как раз исследовал местные деревни, от которых не осталось камня на камне после нашествия Туиганской Орды.

Из-за этой крупицы истории, донесённой ему грустным и проникновенным голосом барда, Ритагир потратил десять дней, расследуя всё, что касается *Носа Пейлама*. И того что указано в декларации его груза.

Когда исследователь – коим Ритагир себя несомненно считал – не имел судна, которое ему разумеется было необходимо, чтобы извлекать на поверхность добро из обломков кораблей, он додумался найти подробности, которые вдохновили бы других инвестировать своё время и своё судно в его знания и опыт. В данном случае он набросал приблизительную декларацию корабельного груза, чтобы соблазнить капитана Забана стать его партнёром в этом поиске и, разумеется, использовать для этого его корабль.

* * * * *

Ритагир остановил своё погружение в нескольких футах над обломками корабля. Несмотря на вплетённую в жемчужину магию, в царящем на этой глубине мраке его зрение было сильно ограничено.

Он медленно плыл, осматривая *Нос Пейлама* от сломанного кия до отличительной носовой части, благодаря которой, корабль получил своё название, а именно дворфийского плотника, который забросил кузнечный горн ради того, чтобы обрабатывать древесину на верфи.

Даже будучи на половину зарытым, нос корабля отчётливо напоминал свирепый профиль дворфа. Его большой нос существенно выдавался за все остальные черты лица. Глаз, который был виден Ритагиру, носил выражение неустрашимости. Борода Пейлама переходила в зубчатый узор, который тянулся через весь нос, пока постепенно не сглаживался с двух сторон от бортов.

Это был несомненно тот корабль, который Ритагир искал. Он залез в водонепроницаемую сумку на плече и извлёк оттуда журнал, в который он записывал всю информацию о *Носе Пейлама*, которую ему удалось найти.

Защищённый магией жемчужины, сидя на дне со скрещенными ногами, Ритагир быстро набросал изображение лежащего на морском дне корабля. Пока что всё шло проще, чем он ожидал.

Гораздо чаще корпуса кораблей, особенно если они были намеренно затоплены, раскалывались и разбрасывали свои «внутренности», в число коих входили и ценные вещи, по всему морскому дну. Такой след мог тянуться многие мили.

Ритагир был настолько увлечён наброском рисунка для страниц книги, которую он собирался написать об этом корабле, что не замечал, что он уже не один. Во всяком случае, пока не увидел, как его тень перекрыла чья-то ещё.

3

Почти что будничным движением, Ритагир закрыл журнал и сунул его обратно в заплечную сумку. Его рука сжалась на бесхитростно выполненной рукояти его длинного меча и вытянула клинок наружу. Он развернулся лицом к наблюдателю, выставив между ним и собой свой меч.

Принимая в расчет гуманоидную форму силуэта, первой его мыслью было то, что за ним следит сахуагин. Но он знал, что шансы на это были малы.

Сахуагины принесли гибель *Носу Пейлама*, но злобные морские дьяволы уже не так свободно перемещались по течениям внутреннего моря. Массивная стена со звучным названием Акуля Погибель заперла их в пределах Аламберского моря. Оборонительная постройка растянулась на сотни миль, выдавалась над морем на шесть, а шириной достигала сотни футов. Легенда гласит, что дозор на этой стене несут морские эльфы и другие существа, которые хотели остановить экспансию сахуагинов в Море Упавших Звёзд.

Но наблюдавший за Ритагиром был не сахуагином, а морским эльфом. Морской эльфийкой, если быть совсем уж точным, к тому же красоткой. Её одежда состояла из

устричных ракушек, которые прикрывали её аппетитную грудь, треугольника серебряной пряжи, который едва ли прикрывал её промежность, и штанов из такого-же материала. Её бледно-голубая кожа имела белые пятна, которые, по сути, являлись природной маскировкой многих морских существ.

Как это водилось среди других обитателей глубин, со спины – там, где у неё был плавник - она была темнее, чем спереди. Двойственность цветов была высшим благословением, которое море могло даровать своим детям. Тёмный верх был незаметен сверху, а светлый низ был трудноразличим на фоне ниспадавшего с поверхности сияния.

Даже среди *алу Тель'Кессир*, как именовали себя морские эльфы, она считалась удивительной красавицей, из-за того, что являлась редкой обладательницей искрящихся серебряных глаз и длинной, вздымающейся в такт течением гривы рыжих волос, ниспадавшей до её пышных бёдер. Даже порознь эти цвета встречались у *алу Тель'Кессир* не часто.

Её направленный на Ритагира взгляд запечатлел в себе явное неудовольствие и вызов. В её руке покоилась рукоять выполненного из щербатого обсидана трезубца, с её левого бедра свисала сплетённая из серебряной пряжи сеть, а к щиколотке правой ноги был приторочен обсидановый нож.

Она была не одна. Дюжина других морских эльфов, мужчин и женщин, зависло в пучине позади неё. Следует ли упоминать, что все были вооружены. Вокруг курсировало с полдюжины дельфинов. Дельфины были незаменимыми спутниками разведки морских эльфов.

Ритагиру стоило бросить на них лишь один взгляд, чтобы понять, что это была явно не приветственная делегация.

- Ты человек, - произнесла морская эльфийка с обвинением в голосе.

Ритагир вложил в ножны свой длинный меч.

- Верно. Меня зовут Ритагир.

Один из мужчин, тот, что был помоложе, заговорил с эльфийкой на их родном языке. Ритагир знал этот язык, но пока что не видел необходимости обнаруживать свою осведомлённость.

- Я слышал о нём, Леди, - сказал молодой воин. Он не спускал с Ритагира своих зелёных глаз. – Он из тех, кого среди людей называют искателем. Говорят, что он не несёт опасности для морского народа.

Ритагир хорошо знал о своей доброй репутации. Он много работал, чтобы заработать и поддерживать её.

- Что ты здесь забыл? – потребовала эльфийка.

- Я учёный, Леди, - Ритагир указал на останки корабля. – Я прибыл, чтобы задокументировать последние дни этого судна.

Эльфийка выгнула бровь:

- Он был атакован сахуагинами и утонул. Наверняка твоему народу это известно.

- Совершенно верно. Но мы не знали, что случилось с грузом.

- Если бы вы, жители поверхности, более аккуратно относились к своим вещам, - огрызнулся один из эльфов, - тогда бы вы не засоряли наши воды своими отбросами и потерянными вещами.

- Не всё что потеряно, является отбросами, - уточнил Ритагир. Хотя в этих обвинениях и действительно была толика истины: корабли, которые были уже не ремонтпригодны, попросту затапливались, да и прочие отходы из городов попадали в море, смытые туда реками или будучи вывезены на мусорной барже. – Сегодня я как раз представляю тех, кто хотел бы вернуть свои вещи назад.

Эльфийка подплыла к нему на расстояние нескольких дюймов:

- Как только что-то погружается в пучину, человек, с этого момента оно становится нашим. Даже золото на том корабле. Ты не получишь его пока мы не решим, что ты можешь его забрать. Или пока ты не заплатишь выкуп.

Ритагиру это не было в новинку. Хотя среди *алу Тель'Кессир* золото и не ценилось так, как это был в наземном мире, но золото всё же представляло ценность как строительный материал. Таверны были полны историй о городах морских эльфов, полностью построенных из золота.

- Тогда я хочу заключить договор, - сказал Ритагир.

Морской эльф описал вокруг Ритагира круг, скорчив презрительную гримасу.

- Мы не дураки, человек. Мы знаем, как вы цените золото у себя, на поверхности.

- Я здесь не из-за золота.

- Тогда зачем же ты здесь, человек? - спросила эльфийка.

- Ради истории. Чтобы семьи этих людей знали, какая судьба их постигла.

На лице молодой эльфийки появилось выражение насмешливого сомнения:

- Спустя три сотни лет после того, как корабль затонул? – она покачала головой и её красивые локоны затрепетали в воде в такт её движению. – Не думаю, чтобы в живых остался кто-то, кого это всё ещё волнует. Век твоего народа столь же краток, сколь узок круг его интересов.

- На борту важные документы.

- За ними ты пришёл? Не за золотом?

- Я пришёл за документами, а капитан корабля, там над нами, пришёл за золотом. Таковы были условия нашей сделки.

- И ты совсем не претендуешь на это золото? – брови морской эльфийки изогнулись широкой дугой, показывая то, насколько неубедительными для неё были его слова.

- Я намереваюсь получить свою долю золота. Я бы был дураком, поступая иначе. Да и экспедиции вроде этой далеко не бесплатные.

Алу Тель'Кессир в ответ усмехнулась.

- А что, если мы решим, что тоже хотим это золото? – спросила эльфийка.

Ритагир обвёл их компанию взглядом.

- Возможно, мы могли бы выработать тщательно выверенное соглашение.

4

- Не вижу причины, по которой мы должны делиться, - прорычал другой морской эльф. – Если мы захотим, мы можем пустить на дно их корабль, а их всех утопить. – Эльф прожёл Ритагира взглядом. – Если вы конечно не сбежите раньше.

- Жадные жители поверхности не сбегают, - подметил ещё один эльф.

Ритагир добавил голосу жёсткости:

- На борту два корабельных мага. Это ребята не из простых. Оба на крови поклялись защищать корабль и я не думаю, что к их словам стоило относиться несерьёзно.

Алу Тель'Кессир знали о существовании корабельных магов. Они отвечали за сохранность корабля и команды и умели с помощью заклинаний устранять небольшие повреждения, сохранять древесину от гниения и делать прочие полезные в море штуки. А некоторые из них могли вызывать штормы, метать огненные шары, образовывать водовороты, вздывать морские волны, которые могли разбить корабль о скалы.

Хоть морские эльфы и были чертовски упёртыми, всё же они питали здоровую долю уважения к магии, что могло сделать эту сделку для них чуть более привлекательной.

- Каковы же твои условия, человек? – спросила эльфийка.

- Мне нужен груз этого корабля.

- Я не позволю этому кораблю сдвинуться со своего места, - ответила она. – Он стал домом для многих морских существ.

Ритагир понимал испытываемые ей чувства. Его отец в точно такой же манере был склонен считать, что изменение, если только оно не происходит естественным образом, было не той вещью, к которой стоило стремиться. Вмешательство в окружающую среду было не тем, с чем стали бы мириться.

- Я поклялась защищать пожалованные мне земли и моря, - сказала эльфийка.

- Корабль мне не к чему, - ответил ныряльщик. – Всё, что мне нужно – это груз и документы, если таковые найдутся.

- Что мы получим взамен? – спросил эльф.

- Я отдам вам десять процентов того, что мы найдём просто за то, что вы не станете препятствовать.

- Не жди от обитателей поверхности честной сделки, - пробурчал один из эльфов.

- Я заключу честную сделку, - парировал Ритагир, - но я не собираюсь вам попросту дать меня ограбить. Если вы поможете мне поднять груз на корабль, я могу предложить тридцать процентов.

- Так ты хочешь, чтобы мы были твоими вьючными животными? – насупился эльф.

- Говорить буду я, Расчи, - сказала эльфийка.

Расчи неохотно умолк.

- Мы хотим половину, - сказала рыжеволосая красавица.

Ритагир холодно улыбнулся:

- Мы должны перевезти груз и организовать его подъём. Это занимает больше времени и усилий. И потребуются более солидные инвестиции. Мы возьмём себе шестьдесят процентов. Это настолько щедро, насколько я могу себе позволить.

- Щедро говоришь? – сказала эльфийка. – Если ты найдёшь документы, которые ты ищешь, ты всё ещё имеешь все шансы на существенную прибыль. Я знаю, что волшебники часто хорошо платят за книги заклинаний, а сборщики охотно покупают уникальные рукописи и или предметы искусства.

- Леди, клянусь всем святым, чем дорожу, что я здесь не ради такой вот прибыли. Я ищу исключительно бумаги и документы, которые прольют какой-нибудь свет на утерянные истории окрестных мест.

Морская дева улыбнулась:

- В таком случае я попрошу благословения у Глубинного Сашеласа, чтобы мы все нашли что-то стоящее.

Глубинный Сашелас был богом подводных эльфов. Он также был известен как Знающий и Повелитель Дельфинов. Многие морские народы и даже некоторые люди – в основном моряки – поклонялись ему. Ритагир был не понаслышке знаком с алтарями, посвящёнными Принцу Дельфинов.

Он посмотрел в те серебряные глаза и спросил:

- Могу ли я узнать ваше имя, Леди?

- Не смей переходить границы приличия, человек! – сказал Расчи и его копьё устремилось в лицо Ритагира.

5

С ослепляющей скоростью, Ритагир вынул свой длинный меч и отвёл копьё Расчи в сторону. Это движение вывело морского эльфа из равновесия и закружило в воде.

Очевидно раздражённый таким поворотом дел, Расчи крутанулся и напряжился, готовый тотчас кинуться в бой. Когда он снова ринулся на избранного им противника, пальцы на его руках и ногах растопырились, чтобы перепонки между ними помогли ему лучше оттолкнуться от воды.

- Расчи, - сказала эльфийка тоном, не терпящим возражений, - остановись.

Расчи немедленно прекратил свою атаку. Море наполнилось грубыми ругательствами на его родном языке.

Ритагир не торопился прятать свой меч в ножны. Он перебирал в памяти известные ему заклинания. Не то, чтобы они были особо могучими, но ему пришлось бы удовольствоваться ими. Он знал, что он не успеет добраться до поверхности прежде, чем они его настигнут.

- Глубинный Сашелас, сохрани нас от мужчин и их тяги к кровопролитию, - сказала эльфийка. Она одинаково осуждающе посмотрела и на Расчи и на Ритагира. – Я нисколько не сомневаюсь, что у вас на двоих мозгов не меньше, чем у креветки. В противном случае, вам придётся отложить свою разборку на другой день.

Спустя мгновение, Ритагир напряжённо вздохнул и убрал меч в ножны. Он отвёл пристальный взгляд от Расчи и взглянул на говорившую.

- Прошу прощения, Леди, если мои слова обидели вас. Знайте же, у меня не было такого намерения.

- Я знаю. Просто этим воинам было доверено заботиться о моей безопасности, - сказала она, метнув на Расчи испепеляющий взгляд. – Они действуют по приказу моего отца. И надо признать это раздражает. – Взгляд её серебряных глаз снова устремился на Ритагира. – Меня зовут Ирдинмай.

Имя ничего ему не скало Ритагиру, но по тону её голоса оно где-то что-то да значило. Он кивнул.

- Благодарю вас, Леди. Тогда, с вашего позволения, давайте исследуем корабль.

- Разумеется.

* * * * *

Ритагир шёл по морскому дну, аккуратно отдаляясь от *алу Тель'Кессир*, которые плыли перед ним. То, что на его пути возникли морские эльфы, было плохим знаком. Капитану Забану это тоже не понравится. Он ожидал, что его и капитана ждёт такой же спор, как и с эльфийкой. Но прямо сейчас он решил отложить это противостояние до лучших времён.

У входа в носовую надстройку, Ритагир запустил руку в наплечную сумку и вынул оттуда светящийся коралл. Он размотал плотную ткань, удерживавшую внутри бледно голубой свет.

С этим кораллом в руке он мог видеть на несколько футов вокруг, но на такой глубине его зрение всё же было сильно ослаблено. Он сжал коралл сильнее и спустился в трюм.

У противоположного конца корпуса плавало множество бочек. В большинстве из них, согласно декларации, содержались драгоценные масла, которые предназначались для использования в парфюмерных или кулинарных целях. Они были легче воды и как результат парили в затопленном трюме. Почти все металлические части корабля, коих было мало, полностью проржавели и развалились. То, что сохранилось, не стоило того, чтобы доставать его со дна.

С древесиной дело обстояло иначе, и большинство материала прекрасно сохранилось в холодной воде. Более того, большинство древесины было драгоценным. Пейлам не скарденничал на конструкции своего корабля.

- О чём ты думаешь? – спросила Ирдинмай.

- Выгода от нашей операции значительно увеличится, если мы поднимем корабль на поверхность, - как-бы между делом заметил Ритагир, потирая рукой гладкую поверхность борта.

Ирдинмай покачала головой.

- Я не позволю уничтожить это место. Или куда-то его передвинуть. К этому времени оно стало частью моря.

- Древесина, из которой сделан корабль – драгоценная, - аргументировал Ритагир. – Если бы мы подняли эти обломки на поверхность, выгода...

- Если бы мы подняли на поверхность эти обломки, - возразила морская дева, - то существа, которые здесь живут и размножаются, остались бы без своего убежища. Море жестоко. Выживают лишь самые умные и быстрые. В течении многих поколений это был дом для здешних обитателей. Нет, мы не будем его двигать.

Ритагир кивнул. Он знал, что капитан Забан не был бы впечатлён её доводами, но тут им не приходилось выбирать. Во всяком случае, если в их планы не входила заварушка с морскими эльфами.

До них донёсся возбуждённый возглас одного из сопровождающих принцессу морей эльфов:

- Леди Ирдинмай, вам стоит на это взглянуть.

Ирдинмай оттолкнулась от борта корабля и поплыла к корме. Ритагир последовал за ней.

Проплыв немного, он достиг середины корабля. Квартермейстерам следовало тщательно планировать расположение груза, чтобы во время путешествия, не возникало проблем с балансировкой. Логично было предположить, что золото они поместили в центральной части судна.

Толстые жёлтые слитки золота были разбросаны у противоположного борта. Бледно-голубое сияние коралла привело к жизни тусклое сияние драгоценного металла.

Возможно, золота, что там лежало, было недостаточно, чтобы построить дом, даже маленький, однако его вполне хватало, чтобы они все, в короткое время стали богачами.

Ирдинмай взглянула на Ритагира:

- Когда мы начнём поднимать это золото на поверхность, - спросила она, - сможем ли мы доверять капитану и команде?

- Да, - ответил Ритагир.

Эльфийка оглядела его холодным взглядом.

- Народу *алу Тель'Кессир*, ведомо, что такое жадность. Мы конечно не столь погрязли в этом пороке как поклоняющиеся *Ллос Ссер Тель'Кессир*, но мы знаем, что это такое. А ещё мы знаем, что наземные обитатели подвержены этому ещё больше.

- Этот капитан и его команда будут придерживаться заключённых со мной условий сделки, - ответил Ритагир, встретив её полный оценки взгляд.

Ирдинмай какое-то время хранила молчание.

- И ты будешь за них в ответе.

* * * * *

- Я думал, ты утонул, - проворчал Забан, когда Ритагир перевалился на борт *Лазурной Пустельги*. - Или же поселился у какой-нибудь морской ведьмы, которая согласилась тебя терпеть.

- Устыдись даже болтать о таких вещах, капитан, - пожурил его Дорлон. Это был тощий, седой, и явно уже не молодой моряк, но отличный квартермейстер. - Если будешь говорить такие слова слишком легко, можешь накликать беду на наши головы.

Забан лишь посмеялся:

- Знаешь, ты стареешь. Во всяком случае, брюзжишь ты уже как старик.

Дорлон от всего сердца выругался на капитана.

Стоя на палубе, Ритагир изучал тёмное небо. Он не видел ни одного просвета в затянувших свод простынях дождевых облаков, чьи тугие струи барабанили по настилу. До ночи было ещё несколько часов, но из-за шторма это не делало большой разницы и было темно, словно она уже наступила.

- Итак, - спросил Забан, - нам суждено быть богачами или попрошайками?

Ритагир не смог сдержать улыбки: ему нравилось, когда его проекты реализовывались удачно.

- Корабль там, капитан. Золото тоже.

По команде прокатились полные энтузиазма радостные возгласы.

- Плохая новость состоит в том, что нам придётся поделиться добычей, ну а в качестве хорошей, могу сказать, что поднять её со дна будет проще, чем я думал.

- Поделиться? Что ты... - большой рот Забана захлопнулся, когда рука Ирдинмай уцепилась за край леера и морская дева вскочила на борт.

- Так вот, она какая, твоя плохая новость? – спросил Забан.

Ирдинмай взглянула на него с пренебрежением. Таким же взглядом она наградила Ритагира:

- Никогда ещё меня не упоминали подобным образом.

- Кажется, она говорит по-нашему, - промямлил Забан.

- И довольно хорошо, - ответила Ирдинмай. – И мы рады этому вынужденному сотрудничеству не больше вас, капитан.

- Я оговорился, Леди, - с уважением сказал капитан. – Итак, давайте выжмем из сложившейся ситуации самое лучшее. – Он покосился на Ритагира. – Я лишь надеюсь, что вы не оставите нас в накладе.

- Золота достаточно, - сказал Ритагир, но он был уверен, что каждый на борту думал, что его могло бы быть и больше.

7

После того, как условия были обговорены, дело пошло проще. Ритагир остался на дне и организовывал подъём груза. Воины Ирдинмай не имели большого опыта в работе с затонувшими кораблями, но они быстро учились.

Сначала на борт подняли золото. Они грузили слитки в сети и плыли с ними к поверхности. Люди Забана складывали поднятый груз в трюме Лазурной Пустельги. Ирдинмай расположила на борту судна небольшой отряд стражи, чтобы убедиться, что корабль не отплывёт неожиданно.

Усталость подтачивала Ритагира физически и умственно, но он продолжал работать. Когда все дела с грузом были улажены, он переключил своё внимание на капитанскую каюту.

Он довольно легко нашёл бортовой журнал капитана, но бумаг, которые он искал, там не оказалось. Это были те бумаги, которые касались заключения мира, о которых он слышал и читал, проводя подготовительное исследование. Во всяком случае, они были не на виду.

Затем она начал искать тайники, где капитан мог хранить документы, контрабанду и личные трофеи.

- Может, этих документов здесь нет.

Отгоняя от себя подкрадывающееся чувство разочарования, Ритагир повернулся к Ирдинмай:

- Если они здесь, я их найду, - пообещал он.

- Что в них такого важного?

- Они прольют свет на события, которые происходили в этом регионе три сотни лет назад.

- И это имеет значение?

- Наша история подвержена более частым поворотам, чем ваша, Леди, - ответил он. - В любое время две культуры, два города или две нации конфликтуют. Кто-то из них проигрывает и теряет что-то или исчезает. Если в конфликт втянуты больше, чем двое, то потери только увеличиваются. Документ, который я ищу - это мирное соглашение. Его ранний проект. Было бы интересно сравнить его с соглашением, которое в итоге было принято.

- От этого что-то изменится?

- Сомневаюсь. Но для тех из нас, кто хочет знать историю целиком, а не только частями, эти документы необходимы.

- Похоже, что их поиски заботят тебя больше, чем золото.

- Да. У вас же есть истории, которые вы передаёте своим детям, которые являют им мудрость, наставляют и учат отличать хорошее от плохого.

-Разумеется, как и у каждого племени.

- Там, наверху, уже мало людей всё ещё живёт в племенах. Многие живут в больших городах.

Эта реплика заставила Ирдинмай ощетиниться, словно её оскорбили:

- Мы тоже когда-то жили в городах. Я знаю, что такое *город*.

- Я не хотел вас обидеть, Леди. Моей целью было подчеркнуть, что города намного больше поселений, к которым вы здесь привыкли. Там живёт много людей, а некоторые из очень дальних земель. Там их тысячи. В результате чего, наша история не такая чистая, как ваша.

На мгновение, серебряные глаза Ирдинмай подёрнулись печалью:

- Я видела руины городов, которые провалились в Серос, - сказала она. - Я бродила среди их зданий. Мне остаётся только воображать, кем бы я была, если бы мне пришлось там жить.

Существовали истории об исчезнувших на морском дне городах морских эльфов, но никто никогда так и не узнал наверняка. Ритагир верил в мифы больше, чем большинство людей, но даже он чувствовал, что их задачей было скорее вселение в людей надежды, нежели правдивая передача истории.

- Если когда-либо, Леди, вы решите, что вам хочется увидеть существующий город, то дайте мне знать. Я буду рад быть вашим гидом.

Ритагир не знал, что подтолкнуло его сделать подобное предложение. Он даже не знал что, собирается сделать его, пока слова сами не повыскакивали из его рта и теперь он чувствовал себя по-идиотски.

- Если я решу увидеть город, я это сделаю, - ответила эльфийка, затем повернулась и начала помогать ныряльщику в поисках тайного содержимого капитанской каюты. - Возможно две головы лучше, чем одна.

- Спасибо, - сказал Ритагир. Он отгонял от себя град вопросов, которым осыпал его собственный разум. Воспользуется ли она его предложением? А если воспользуются, то куда он её поведёт и что они будут там делать? Град не хотел утихать, ведь эльфийка была столь красива и было столько замечательных мест, которые он мог бы ей показать.

Он вынул кинжал из-за голенища сапога и использовал его рукоять как небольшой молоточек, которым он простукивал пол и стены. Звук ударяющего по дереву металла звучал под водой иначе. Однако резкий треск ломающегося дерева позади него мгновенно привлёк его внимание. Не уверенный в том, что же именно является источником звука, он развернулся.

Ирдинмай предостерегающе крикнула.

Там, в едва разгоняемом светом люминесцирующего коралла мраке, Ритагир увидел мощную фигуру пролезающую сквозь кормовые окна, ведущие в капитанские покои. Шесть конечностей, которыми обладал монстр и две дополнительные руки ему сильно помогали.

Существо напоминало скорее рыбу, нежели человека. Чешуйки, покрывающие его могучее тело, переливались в тусклом свечении коралла. Из кончиков его пальцев, загибаясь, росли чёрные когти. Несмотря на свою внушительную ширину, существо не казалось высоким, но исходя из размеров окна, Ритагир мог сказать, что рост его был около семи с половиной футов.

Из-под нависающего надбровного нароста на них смотрели большие чёрные глаза. Голова существа была угловатой, с выдвинутой вперёд челюстью. Чернеющий провал рта был унизан острыми зубами. Обилие гребней, увенчивающих его лицо, придавало уму воистину зловещее выражение. По всей длине рук чудовища – от запястья практически до самых плеч – у него росли плавники.

Как и морские эльфы, существо было спереди светлее, чем сзади. В целом чудище было синим, но его окрас был не равномерным, с рваными пятнами серого и зелёного. Огромные плавники, которые росли по бокам его головы, тянулись назад и соединялись со спинным. Те же плавники, которые обличали в существе морского дьявола внешних морей, росли отдельно.

Существо носило тёмную набедренную повязку неопределённого цвета, которая свисала до его коленей. Его ноги были двух-суставными: второй сустав позволял ему выгибать колено в другую сторону. Сахуагин был вооружён длинной дубиной, которая выглядела как копьё. С одного конца оружия был наконечник с острыми гранями, а на другой наверхие шипастой дубины. На торсе чудища была кожаная упряжь, к которой была приторочена сплетённая из подводных растений сумка.

Ритагир и раньше имел дело с морскими дьяволами, и каждая такая встреча вполне могла стать последней.

- Мясо, - визгливо крикнул сахуагин на своём языке и ткнул наконечником копья в грудь Ирдинмай.

8

Ритагир бросился на выручку, но он знал, что не успеет.

Ирдинмай отступила и выхватила свой меч. Клинок сверкнул перед ней и столкнулся с дубиной сахуагина. Наконечник копья прошёл далеко от своей цели.

Раздосадованный провалом своей атаки, морской дьявол зарычал. Ещё двое его приятелей – в этот раз лишь с одной парой рук на каждого – пролезли в разбитые окна.

Поймав ногами опору, Ритагир взмахнул мечом, целясь в голову сахуагина. Нижняя правая рука существа взметнулась и приняла удар человека на браслет, который покрывал её от запястья и практически до локтя. Металл скрипнул по металлу, когда Ритагир отдёрнул клинок обратно.

Двое других сахуагинов поплыли к каюте капитана, но коридор был узкий и они мешали друг другу. Ритагир притворился, что собирается атаковать одного из них в голову и низко присел, когда его оппонент решил поднять свою дубину, чтобы защититься.

Сидя на корточках, Ритагир словно пружина прыгнул вперёд и рубанул мечом по торсу чудовища. Внутренности сахуагина, вывалились на досчатый настил. Не думая о своём умирающем партнёре, второй сахуагин схватил кишки смертельно раненного чудища и стал их пожирать.

«О, Глубинный Сашелас» - помолился про себя Ритагир. Хоть он и слышал истории о колоссальных аппетитах морских дьяволов, но такого он никогда не видел. Сахуагин полностью набил свою пасть и жевал и... глотал. Даже раненное существо повернулось и хватало пастью плавающие в воде частички самого себя и также пожирало их.

Ритагир обошел убитого им сахуагина как раз когда он, словно тонущий человек дернулся в конвульсиях и умер. Из его массивных челюстей в воду испустилось кровавое облако.

Второй сахуагин попытался ткнуть Ритагира своим оружием. Заблокировав удар своим мечом, Ритагир саданул морскому дьяволу ногой по лицу. Лицо сахуагина разбилось под весом удара и его клыки отправились в свободное плавание.

Но драка всё ещё была далека от завершения. Существо мгновенно оправилось и атаковало. Ритагир второй раз заблокировал копьё своим предплечьем и ткнул своим длинным мечом прямо в шею морскому дьяволу. Клинок скользнул по ключице и глубоко воткнулся в грудь чудищу. Одним быстрым движением с поворотом клинка, Ритагир рассёк горло сахуагина и в то же время освободил свой клинок.

Он оттолкнул от себя умирающего сахуагина и со страхом взглянул в ту сторону, где последний раз видел Ирдинмай. Он был уверен, что она уже погибла.

Но вместо этого, она храбро сражалась и преуспела, защищаясь от атак своего оппонента. Несколько порезов на трёх из четырёх рук чудовища окрашивали воду тёмно-красным. Она хорошо управлялась со своим оружием. В её левой руке был кинжал и насколько он мог видеть, она бросила свой меч и вынула ещё один короткий клинок.

С ослепляющей скоростью, Ирдинмай осыпала оппонента ударами с ног до головы. Сахуагин беспорядочно размахивал руками, пытаясь ударить её, но она блокировала его удары локтями и предплечьями.

И тогда её правая рука вонзила нож прямо под подбородок морского дьявола. Клинок был слишком короток, чтобы достать до мозга чудовища, но второй клинок, в её левой руке сделал хук и по самую рукоять воткнулся в висок сахуагина. Чтобы наверняка уничтожить направлявший огромную рептилию мозг, Ирдинмай с жестокостью провернула кинжал.

Сахуагин вздрогнул и затих.

Ирдинмай хладнокровно высвободила свои ножи и убрала их, прежде чем подобрать свой меч. Она взглянула на Ритагира.

- Ты в порядке? – спросила она его.

Ритагир кивнул:

- Думал, что ты в беде.

Я была, - сказала эльфийка, наградив его напряжённой улыбкой. – Мы всё ещё в беде.

В каюту капитана вплыла акула. Яростное создание, раскрыв пасть, кинулось к Ритагиру. Тот ударил её в нос рукоятью меча.

Акула развернулась и уплыла прочь, но не раньше, чем схватила за ногу одного из мёртвых морских дьяволов и уволокла за собой в открытые воды. Прежде чем первая акула уплыла достаточно далеко, вторая акула приблизилась, чтобы оторвать руку у ещё одного сахуагина.

- Пошевеливайся, - приказала Ирдинмай.

Ритагир направился к двери и в тот момент он заметил трещину в стене, позади эльфийки. В тайнике было несколько кошельков и водонепроницаемый деревянный ящик для документов – как раз такой, какой был в описаниях, которые читал Ритагир. Он протиснулся мимо Ирдинмай и запихнул всё содержимое тайника в свой заплечный мешок.

Ирдинмай первой достигла двери. Ритагир задержался ровно настолько, чтобы подобрать люминесцирующий коралл, который бросил перед боем.

Хоть зрение Ритагира в любом направлении было сильно ограничено, он видел, что корабль был окружён сахуагинами. Морские дьяволы на смерть сражались с морскими эльфами.

«Милосердный Сашелас, - прошептала Ирдинмай на своём языке, - да не покинет нас твой благословляющий взор».

«Нам нужно плыть на корабль, - сказал Ритагир. Он говорил на её языке, чтобы она могла его понять без каких-либо усилий. – Нужно объединить силы, пока мы ещё можем».

Ирдинмай с удивлением посмотрела на него:

- Корабль? На поверхности?

Ритагир знал, что морские эльфы неохотно покидают море.

- Это наш единственный шанс, - настаивал он. – На борту ты будешь чувствовать себя неуютно, но и сахуагины будут не в своей тарелке. Там мы сможем их победить.

Прежде, чем Ирдинмай могла ему ответить, двое сахуагинов ворвались из тьмы в бледно голубую светящуюся сферу коралла. Эльфийка оттолкнула Ритагира в сторону. Когти морского дьявола чиркнули по нагруднику Ритагира и энергия удара отбросила его ещё дальше.

Морские дьяволы окружили их. Занеся копья, оба злобно улыбались.

- Мясо! – закричал один из них.

Из тьмы, со стремительностью стрелы появился дельфин и ударил сахуагина быстрее, чем тот смог даже подумать о защите. Вода усилила треск ломающегося позвоночника. Но сахуагин не собирался умирать так легко. Даже несмотря на то, что его голова теперь лежала на плече, он упорно плыл к Ирдинмай и Ритагиру.

- Блокируй! – крикнула Ирдинмай.

Ритагир инстинктивно поднял свой меч и отразил выпад сахуагина в то время, как Ирдинмай сделала к нему шаг. Её меч глубоко вонзился в торс чудовища. Используя позвоночник чудовища, как точку опоры, она рубанула наискось. Вода покраснела от крови.

Смертельно раненный сахуагин отпрянул и во всю глотку заорал от ярости. Уши Ритагира заложило от такого напора.

Он подплыл к Ирдинмай и продев свою руку под её локоть потянул её в сторону. Свет от коралла теперь преломился и на всё бросал её тень.

- Нужно выбирать.

Она повернулась и поплыла за ним. Сахуагины превосходили морских эльфов числом. Трупы и тех и других плавали в воде. Умиравшие воины едва могли шевелиться. И те и другие были добычей для акул.

- Собери своих людей, - приказал Ритагир. – Выводи их из битвы.

Ирдинмай убрала клинок в ножны и стукнула своими браслетами друг об друга, отбивая какой-то ритм. Очевидно, тон раздавшегося звона создавал последовательность звуков, по которой морские эльфы могли опознать Ирдинмай. Её воины тотчас подплыли к ней и образовали защитный периметр вокруг своей госпожи.

- *Веди их на корабль*, - сказал Ритагир на языке морских эльфов, чтобы все слышали. - *Там у нас больше шансов сдержать их!*

Морские эльфы колебались. Ирдинмай пристально смотрела на Ритагира.

- *Сейчас!* – громовым голосом проревел Ритагир, в то время как дельфины отгоняли пловцов к ним акул и сахуагинов. – *Сейчас, если вам жизнь дорога!*

Ирдинмай отдала приказ и морские эльфы поплыли к поверхности.

Ритагир проткнул себе палец кончиком ножа и прочёл строчку жуткого заклинания. Почти что все акулы и сахуагины обернулись друг против друга и пустили в ход свои когти зубы и оружие. Смерть пировала на глубине. Только несколько сахуагинов не попали под эффект заклинания.

- Что ты сделал? – спросила Ирдинмай.

- Немного магии, - объяснил Ритагир, нагнав её.

- Магии? – она выглядела изумлённой. – Ты волшебник?

- Разве что чуть-чуть, Леди. Я не обладаю большим запасом заклинаний. Это было простым, - сказал он, оглянувшись через плечо. Сахуагины всё ещё сражались друг с другом и с акулами. – Это заклинание оставляет в воде кровавый след и доводит хищников до безумия.

- Нужно атаковать их, пока они без рассудка, - сказал Расчи.

- Нет, это заклинание долго не продержится. Плыви, если хочешь жить. У меня в рукаве припрятан ещё один козырь.

Прозвучало несколько сказанных себе под нос ругательств, но морские эльфы плыли вместе.

Обернувшись ещё раз, Ритагир заметил, что сахуагины возобновили преследование. Теперь ему не нужен был светящийся коралл, чтобы увидеть их. Бледно серый свет с поверхности проникал под воду на достаточную глубину.

Он запустил руку в наплечный мешок и вынул маленький мешочек с акульими зубами. Он подождал пока несколько сахуагинов подплывут поближе. Многие из них несли на себе нанесённые своими сородичами раны.

Ритагир! – крикнула Ирдинмай.

Когда Ритагир больше уже не мог ждать, он резко произнёс слова, начертил в воде магический знак и бросил вперёд мешочек. В тот момент, когда заклинание поглотило акульи зубы, жар едва ли не обжёг его ладонь.

Серебряная рябь прокатилась по воде и разнеслась на восемь футов в ширину и почти на сорок футов вниз. Зачарованная вода рвала сахуагинов на части, словно зубы акул. После того, как заклинание иссякло, окровавленные куски плоти, конечности и головы безвольно дрейфовали в воде.

Морские эльфы снова сыпали проклятиями. Он знал, что они уже никогда не станут ему доверять.

- Давай же, плыви, - приказала Ирдинмай.

* * * * *

Капитан Забан и его моряки были без перерыва заняты сбрасыванием сахуагинов в воду. Морские дьяволы пытались забраться на борт, но команда успешно им препятствовала.

- Капитан, - вынырнув, крикнул Ритагир, - разрешите взойти на борт.

- Валяй, - крикнул Забан в ответ. Он выкрикнул приказы и его команда с энтузиазмом помогла Ритагиру и морским эльфам выбраться из воды.

Лучники стояли наготове и награждали стрелой столько сахуагинов, сколько могли.

- Глупо было оставаться, - сказал Ритагир.

- Я не из тех, кто убегает, поджав хвост, - ответил Забан, раскроив своей абордажной саблей череп очередного морского дьявола. Кровь и мозги забрызгали палубу. – Но я и не собирался ждать тебя много дольше, это я тебе гарантирую.

Морские эльфы присоединились к команде и вместе они выдворили сахуагинов за борт.

- Где ты откопал этих бестий? – спросил Забан.

- Они застали нас врасплох, - крикнул Ритагир. Он сделал выпад и вонзил свой длинный меч в глотку морского дьявола, который забрался на борт. Пинком он вывел его из балланса и отправил обратно в воду.

- Где говоришь? – переспросил капитан.

- Я не знаю.

- Никогда я в этих водах не видел столько этих гадов.

- И кажется у них на подходе подкрепление, - сказала Ирдинмай, указывая на восток.

Заехав ботинком в лицо очередному сахуагину, Ритагир посмотрел в этом направлении. Он увидел, как прыгая по гребням волн, к ним направлялись четыре странных судна.

Эти воистину исполинские суда были примерно восемьдесят футов шириной и двести длиной. На вид они были похожи на обломки – словно плоты, состоящие из

соединённых обломков нескольких погибших кораблей. Пока Ритагир в недоумении смотрел на странные конструкции, несколько морских дьяволов, которым удалось забраться на борт, достали светильники – стеклянные шарики, набитые светящимися внутренностями морских существ.

10

- Нам нельзя здесь оставаться! – проорал Ритагир, сойдясь в схватке с очередным сахуагином.

- Мы и не собираемся, - ответил Забан, переключив своё внимание на Ирдинмай.
- Леди, вы и ваши воины смогут какое-то время сдерживать этих скотов, пока мы готовимся к отплытию?

- Да.

- Тогда за дело, - заключил Забан. Он выкрикнул приказы и команда переключилась с обороны на поднятие парусов. – Сохрани нас, Мистра.

Ритагир остался с эльфами. Его рука начала уставать от постоянных атак. Эльф рядом с ним погиб и ликующий сахуагин забрался на борт. Ритагир поднырнул под сметающий удар дубины морского дьявола и рубанул мечом по его ногам. Он смог отсечь одну ногу чудовища и глубоко погрузить клинок в другую.

В следующее мгновение в грудь сахуагина глубоко погрузился трезубец, направляемый рукой Расчи. Ритагир распрямылся и врезавшись плечом в торс морского дьявола, он с помощью эльфа смог спихнуть его обратно в воду.

Издав победный клич, Расчи хлопнул Ритагира по спине. Ритагир ответил в той же манере и оба вернулись к битве.

Паруса *Лазурной Пустельги* расправились и тут же наполнились ветром. Поймав ветер, корабль наклонился так сильно, что Ритагиру показалось, будто он собирается опрокинуться. На какое-то мгновение они оказались практически лицом к лицу с сахуагинами.

Затем корабль выправился.

- Поднять паруса! – командовал Забан. – Дайте нашей птичке распахнуть крылья, парни. Пусть она летит!

Паруса наполнились ветром и корабль помчался по волнам. Поддерживаемые корабельными лучниками, эльфы продолжали сражаться. Постепенно, затем всё быстрее, *Лазурная Пустельга* освобождалась от назойливого присутствия сахуагинов.

Но исполинские суда, влекомые вперёд вёслами, которыми орудовали морские дьяволы, не собирались отставать.

- Этим нам не обогнать, - сказала Ирдинмай.

- А нам и не надо их обгонять, - проревел Забан с кормовой надстройки. – Фортраг и его ученик имеют в запасе пару блюд, чтобы угостить их.

Ритагир взбежал по лестнице на кормовую надстройку и присоединился к капитану. Корабельный маг и его ученик были уже там. Древний старец Фортраг с седой бородой, полощущейся на ветру, выкрикнул слова заклинания и выставил вперёд руку. На кончиках его пальцев собрались огоньки, и они становились всё больше.

Четыре корабля сахуагинов приблизились ближе, чем на восемьдесят ярдов. Их вёсла неумоимо вспахивали море.

Когда вращающийся огненный шар вырос почти что до размеров заклинателя, а жар его стал столь сильным, что те, кто стоял рядом с магом, вынуждены были попятиться, Фортраг метнул волшебные заряды. Трое из четырёх снарядов попали в цель и суда исчезли в огненном вихре.

Фортраг приступил к другому заклинанию. Ритагир чувствовал, как вокруг него поднимается ветер. Мгновение спустя, воды океана закрутились в водяной смерч, который качнулся в сторону судна морских дьяволов. Несмотря на попытку сахуагинов сменить курс, водяной смерч настиг их и разнёс их корабль на куски.

Команда корабля и *алу Тель'Кессир* издали победный клич, после чего приложили усилия к заботе о раненных, которых всё ещё можно было спасти.

* * * * *

Двумя днями позже, *Лазурная Пустельга* бросила якорь в порту Мордулкина. Ритагир смертельно устал. Кроме заботы о раненных и участия в несении вахт, он ещё и задокументировал всё что мог, касаясь атаки. Он вызвал в памяти опознавательные знаки, которые носили сахуагины, точно также, как и приметы морских эльфов и моряков.

Их прибытие поставило на уши весь порт. Они быстро узнали, что их корабль был не единственным атакованным. *Лазурная Пустельга* была одним из немногих, кто добрался до порта. О нескольких других не было никаких сведений.

Забан обнаружил себя обложенным несколькими предложениями найма, связанными с перевозкой скоропортящихся товаров через Море Упавших Звёзд, но прямо сейчас выйти в море могли разве что глупцы.

Ирдинмай торопилась вернуться к своей семье, но главной её заботой было получение медицинской помощи, для раненных во время атаки членов её группы. Погибла почти что треть её воинов – почти столько же, сколько и моряков Забана.

После того, как Ритагир помог священнослужителям ухаживать за ранеными и позаботился о грузе, он вернулся к Ирдинмай. Она оставалась со своими воинами.

- Леди, - сказал Ритагир.

Когда она подняла на него взгляд, он увидел, как она устала и какая скорбь владела её сердцем. Из разговоров с капитанами кораблей и стражниками, которые были его собеседниками долгие годы, он знал этот взгляд. Боль была больше душевной, чем физической, но исцеление, от неё могло занять годы, если вообще когда-то наступало.

- Да, - ответила она.

- Я поговорил с другими капитанами, - сказал Ритагир, - и они сообщили мне, что Море Упавших звёзд стремительно заполняется сахуагинами. Они вырвались из Аламбергского Моря.

- Я знаю, - ответила Ирдинмай. – Я говорила с другими прибывшими сюда *алу Тель'Кессир*. Многим пришлось покинуть свои дома. – Она замолкла и в её глазах появилась тень страха. – Говорят, что существо, которое называют Якховас, пробило

стену Акульей Погибели и призвало сахуагинов к оружию. Он планирует объявить весь Серос своей вотчиной.

Потрясённый, Ритагир сел под натянутый над ранеными эльфами навес. Он смотрел, как дворфы и люди помогали поливать раненных *алу Тель'Кессир* морской водой из вёдер. Исстари тянущееся во Внутреннем море недоверие между расами было отложено на дальнюю полку.

Во всяком случае, сейчас.

Ритагир повернулся к Ирдинмай:

- Я собираюсь поговорить с Забаном. Он разумный человек. Мы разделим доход от груза пятьдесят на пятьдесят. Твои люди пролили столько же крови, сколько и наши, если не больше.

- Мы заключили соглашение до того, как это произошло. Нет нужды её пере...

- Я не пересматривал её, Леди. Это сделали сахуагины. – Ритагир посмотрел на море, припоминая все истории воин, которые он читал и исследовал. – То, что нам предстоит не будет ни скоротечным, ни простым. Если сахуагины действительно вырвались за пределы Акульей Погибели, нам, пожалуй, придётся приложить все силы, которые у нас есть, чтобы сдержать их.

- Знаю.

По порту забегали люди. В порт, неся на себе очевидные следы недавнего боя, входил ещё один корабль.

Ритагир посмотрел в серебряные глаза Ирдинмай:

- Старые страхи и недоверие, которые обитатели поверхности испытывали по отношению к морскому народу, должны быть забыты. Вашему народу тоже придётся много что пересмотреть. Чтобы пережить то, что грядёт, нужно заключать новые союзы.

- Знаю, - согласилась Ирдинмай. – Среди моего народа уже идут такие разговоры.

- Я их веду среди своего. Я уже сделал проекты документов и отправил их школярам и представителям торговых гильдий, среди которых имею влияние. На это потребуется время.

- Что-ж, будем надеяться что на это не уйдёт слишком много времени. – Ирдинмай коснулась его руки и мягко взяла её в свою. Она притянула его ближе к себе. – Я устала и не хочу быть одна. Ты же не возражаешь?

- Конечно нет, Леди.

Они сидели, прислонившись спиной к бочке и Ритагир почувствовал, как она наклонилась к нему. Через какое-то время она уснула и он чувствовал на своей руке её лёгкое, как пёрышко дыхание.

Сидя там, Ритагир знал, что мир меняется. Что-то будет лучше, что-то хуже. Война всегда влекла за собой эти изменения. А в том, что Море Упавших Звёзд скоро должна захлестнуть война, он не сомневался.

ДЕРЖИСЬ В ТЕНИ

Джелей Джонсон

Обманщик. Трюкач. Богохульник.

В Амне лишь одна вещь хуже, чем владеть магией – это притворяться, что владеешь ей. Они смеялись надо мной, говорили, что я никогда не буду стоить даже плевка. А потом пришли монстры. Когда к городу двигались огры, я был единственным, кто насвистывал весёлую мелодию. В моей жизни снова появился смысл. Ведь если не имеешь возможности вести честную жизнь, то, по меньшей мере, можно запланировать героическую смерть.

—Из воспоминаний Девлина Тортила

Одиннадцатый день Хаммера, Год Пивной Кружки (1370 согласно Летоисчислению Долин)

- Десять монет на то, что я заставлю пикенёра бросить свою палку. Кто примет честную ставку?

Девлен Тортил улыбнулся, убрав с глаз прядь своих длинных коричневых волос. Он закатал свои грязные рукава и изучающе оглядел линию стороживших лагерь мужчин. Лёгкая добыча.

Вперёд выступил Келсн – стражник с лицом простака.

- Я поставлю.

- Прекрасно! Тогда иди сюда. В этом деле, видишь ли, в том, главное не отвлекаться, - сказал Девлен. В свете факела мелькнула его рука, и перед лицом стражника, неизвестно откуда, появился клочок красной ткани.

- Это что, кровь? – спросил стражник. Он был высоким парнем, а его светлые волосы были примяты шлемом. Он опасно стиснул свою пику, нацелив её в ключицу Девлену. Позади него, словно беспорядочно разбросанные обломки, выросли холмы Малых Зубьев, пурпурные в свете заходящего солнца.

- Совсем нет, нет... не совсем. Слёзы огра, вот, что это.

Дев скатал красную тряпочку в шарик, полностью скрывая её в правом кулаке. Провернув запястье, он пронёс руку под носом у стражника, а потом пошевелил пальцами пустой ладони. Кусочек ткани исчез.

- Колдовство, - заключил дозорный и сплюнул на уже и так тёмную от грязи землю.

Словно дисциплинированный солдат Амна, усилием мысли, Дев сдержал рвущуюся наружу улыбку. Он посмотрел вверх и смахнул капли дождя с переносицы своего прямого носа.

Над долиной прокатился раскат грома, настойчивый и утробный ропот, который, казалось, принёс сказанное стражником слово в лагерь и он повернулся на север, шепча молитву. В Амне боялись колдовства.

Дев вздохнул. Со стороны грома было неучтиво отбирать его зрителей.

- Погляди сюда, Келсн, будь внимателен. Думаешь, я бы тут ошивался с этой тряпочкой, если бы у меня было магии хоть с ноготок? – сказал он, снова шевеля пальцами. Страж неохотно оторвал свой взгляд от горизонта. - Проблема в том, что ты смотрел на мою руку. Надо было направить свой взор куда-то в другое место.

- Куда же? На твои причиндалы?

- Позже, солнышко, - в этот раз Дев был тем, кто сплюнул. – Сперва погляди.

Дев вытащил из ремня нож и приложил клинок к своему большому пальцу. Он поднял руку, чтобы Келсну было лучше видно.

- О, Дев, давай без подобных игр. Знаешь ли, в прошлом рейде мы потеряли священника...

Факел моргнул и залитый дождём потух, не дав стражнику договорить. За мгновение до того, как свет померк, он увидел, как Девлен начисто отрезал фалангу своего пальца. Обрубок упал на землю.

- Проклятие! Я знал, что ты больной ублюдок! – выругался дозорный, на шаг отшатнувшись от отрезанного пальца, будто тот мог подпрыгнуть и укусить его. Его пика выскользнула из рук и шлёпнулась в грязь.

Дев залился смехом. Шум привлёк внимание Брека – начальника ночного дозора.

- Эй, а ну оба заткните свои глотки! – вмешался тот. Он присел на корточки и выловил из грязи большой палец. Со злостью он подобрал пику и с такой силой приложил грязное оружие к груди часового, что чуть не сбил его с ног. – Он не настоящий, тупица! Я видел, как две ночи назад он проделал такой-же трюк с Ферретом.

Дев мужественно пытался задушить свой смех, пока часовой рассматривал поддельный палец. Он вытянул красную тряпochку из полости, где она была всё это время спрятана. Постепенно его лицо приняло задумчивое выражение.

Дев ждал реакцию. Что это будет? Гнев? Удивление? Народ неизменно выбирал что-то из этих двух вариантов.

- Дешёвый обман, - прорычал часовой. Дев не удивился. – Я не даю монет за поддельную магию...

- Расступитесь!

Эти крики раздались из-за периметра лагеря. Факелы, которые всё ещё горели, были подняты выше, освещая троицу мужчин, медленно поднимающихся на холм. Они несли носилки. Позади них, низко пригибаясь к земле, по равнине бежали фигуры.

Дев подумал, что они движутся, как животные, но только животные не носили мечей, да и в глазах у них не было такой хитрости.

- Кобольды! – светловолосый стражник переложил свою пику в одну руку. Другой рукой он вынул из ножен на поясе свой короткий меч и бросил Деву. – Давай, трюкач!

Брек помешал броску. Он отбил его меч и клинок упал в грязь.

- Приказы Леди Морлы. Этому нельзя давать оружие. Ты же знаешь это, Келсн, ты, чёртов дурень!

Получив выговор, часовой согласно кивнул и побежал к подножию холма, где стражи уже строили защитную линию, чтобы встретить атакующих существ.

Люди с носилками достигли относительной безопасности лагеря. По их лицам было видно насколько они измотаны. Мужчина, лежавший на носилках, умирал – это

Дев мог заключить по бледности его кожи и по порождающему пар следу на холодной земле, который тянулся за ним. Дев не знал, как его зовут, но знал, что он был разведчиком.

По телу Девлена пробежала острая и холодная дрожь. Это значило, что ему снова предстояло выйти на сцену.

На холме, банда налётчиков налетела на амнских защитников и их волосатые тела наткнулись на пики и теперь конвульсивно дёргались. Писк умирающих монстров разрывал ночной воздух. Слыша эти звуки, те кобольды, что были в задних рядах, сломали строй и убежали.

Дев наблюдал эту картину с отвлечённым любопытством. Не будучи вооружён, он последовал за носилками вверх по холму, к палатке командира. Его разум теперь был слишком занят, чтобы его могли отвлечь какие бы то ни было крики. Он планировал свой очередной трюк.

* * * * *

Я работаю один. Это моё единственное правило. Если у тебя во время миссии больше, чем один рот, это удваивает твои шансы провалить представление. И как бы то ни было, на войне никогда не работайте в паре со жрецом, пока он не поклянется своим богом, что он вылечит вас первым. Но даже в этом случае, я могу заявить, что никогда не видел никого более нервного, чем жрец на поле боя.

—Из воспоминаний Девлина Тортила

Морла была полевым командиром амнийского Гарнизона Сторожевой Башни, названного так из-за их миссии в горах Малых Зубьев.

Заданием Морлы было вернуть сторожевые башни, которые в настоящее время были под контролем армии монстров, во главе которой стояли два огра-мага: Ситиллис и Сирвисни. Обладая этими драгоценными «глазами» в холмах, Сит и Сир могли отслеживать перемещения всех армий, уже не говоря о заклинаниях прорицания, которые им в этом помогали. Имея сильное преимущество в разведке, армия монстров пресекла всякие попытки Амна оказать поддержку осаждённому городу Муранн, что лежал на побережье. Амну позарез нужно было вернуть себе башни и Морла – одинокая женщина, чей возраст уже перевалил за вторую половину пятидесяти – была тем, на чьи плечи это было взвалено.

Если бы не личность этой старой корги, то он, вероятно, мог бы даже проникнуться её наглостью.

Он откинул дверь палатки и сразу же пожалел о том, что потревожил здешний воздух. Из палатки на него пахло запахом свежей, горячей крови и вонью горящих трав. Дев закрыл рот рукой.

- Где жрец? – кашлянул он, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в чаде внутри палатки. – У бедного дьяволёнка вот-вот кончится время для молитв.

Три пары глаз поднялись от кушетки, где лежал умирающий разведчик, и уставились на Девлена. Он прошёл внутрь, они смотрели на него словно на муху, которая приземлилась на стол лорда. Морла была единственной, кто заговорил.

- Приветствую, разведчик Девлен, - она жестом указала Деву, чтобы тот стоял в углу палатки. Её наводящие тоску серые волосы были туго стянуты назад, открывая широкий, покрытый морщинами лоб. Её нос был слишком длинным для её лица; другие говорили, что она никогда не была красавицей, но её глаза были пронзительно яркими. Ходили слухи, что её зрение настолько острое, что она может увидеть булавоочки огоньков глаз кобольда за многие мили.

Слева от Морлы стоял её единственный охранник. Напротив кушетки с раненым на корточках сидел тучный силуэт человека. В районе коленей, на его одеяниях были ужасные пятна. Он молча подкладывал в жаровню пахучие травы, подоткнутые под одну из балок палатки над распростёртым разведчиком.

- Что молчишь, жрец? - спросил Дев, вытерев свой текущий нос. - Разве ты не должен посылать его к его богам?

- Меня зовут Геронд, - ответил жрец, не поднимая взгляда от жаровни. Он прижал пучок трав к груди разведчика, но парень был уже слишком далеко, чтобы их вонь могла его побеспокоить. - Он хотел почувствовать запах трав Велдата - места, где он был рождён, - добавил жрец, показывая на жаровню. - То, что у меня есть - это жалкая замена, но я жгу их в его честь.

- Отличный способ помереть, - пробормотал Дев.

- Этот разведчик сделал свой последний доклад, - вклинилась Морла. Глядя на Деву, она сузила свои соколиные глаза. - У меня есть ещё одно задание для тебя, плут.

- Снова отсылаешь меня, да? О, Морла, любовь моя, будешь ли ты скучать по мне, когда я буду бродить в темноте, замёрзший и промокший, рискуя жизнью для тебя?

Голос Морлы звучал спокойно:

- Напротив, мошенник, единственное время, когда я о тебе думаю, это когда скармливаю противнику информацию о твоём местонахождении.

Девлен рассмеялся:

- Уверен, это очень сладкие мысли.

Он пытался звучать иронично, но невольно содрогнулся при мысли о своём последнем задании. Может, у него и не было холодного достоинства Морлы или свойственного жрецу благочестия, но они ему были ни к чему. Его сферой был обман. Он был приманкой, которую Амн посылал, чтобы надуть Сита и Сир. И в надувательстве ему не было равных.

Морла указала на карту, расстеленную на длинном деревянном столе:

- Вот маршрут, по которому я хочу, чтобы ты пошёл, - сказала она, указав на текущее расположение лагеря. - После того как ты уйдёшь, на северо-запад, через эту долину, я вброшу вражеским шпионам информацию, что был отправлен курьер, который должен объединить наши разбросанные отряды. Ты уйдёшь сегодня и придёшь в указанное место до рассвета, в противном случае, когда взойдёт солнце и тебя будет видно с башен, тебя убьют лучники.

- Радужная перспектива, - прошептал Дев. - Почему именно этот маршрут? Путь через север короче, да и прикрытые деревья в наличии.

- Потому, что в этом месте, - Морла указала клинком кинжала на равнину, - если ты не помнишь, два дня назад сражалась эта армия. Мы потеряли больше четырёх сотен душ здесь - больше половины остатка наших сил. И для них ожидаемо, что здесь ты попытаешься отыскать выживших.

Девлен помнил битву, но он, как хорошо знала Морла, в ней не участвовал. Она бы не оказала волшебнику – даже фальшивому – чести биться в её армии.

- Итак, ты хочешь, чтобы я пересёк открытое поле, обильно удобренное мертвыми и умирающими, на виду у любых гоблинов, огров и кобольдов, которые всё ещё могут там ошиваться? Ты знаешь, что я справлюсь, Морла, светоч ты мой, но могу тебе сказать, что это будет короткая прогулка, которая к тому же не даст большой феры твоему настоящему курьеру.

Что было слабым местом Амна? Разумеется коммуникация. Сит и Сир пользовались волшебными средствами, чтобы командовать своими армиями. Битва за битвой армия Морлы распадалась на более мелкие банды, которые бесцельно скитались, словно обезглавленные куры. Пешие и смелые – или тупые – курьеры, были единственным средством обмена информацией. Пока Дев не предложил им свои услуги, чаще всего этих курьеров во время их миссии ждала кровавая катастрофа. Теперь посланников было двое: тот, который доставлял правду и Девлен – обманщик, со своей отработанной тактикой. Он не возражал выступать в роли приманки. Это был его дар. Он поделится им с Амном в обмен на услугу, которую он окажет ему позже.

- У тебя будет напарник, - сказала Морла, - так что, возможно, ты дотянешь до рассвета.

Поглощённый своими мыслями, Дев, однако, включил своё внимание достаточно быстро, чтобы услышать последний пассаж.

- Морла, дорогая, мы так не договаривались. Это моё представление.

- Не в этот раз, - пресекла всякие возражения Морла. Она вручила ему аккуратно сложенный и запечатанный свежим воском свёрток пергамента. На бумагах была личная печать командира. – Не отклоняйся от маршрута, который я тебе указала. В центре поля боя есть перевернутая статуя. Найдёшь её и поймёшь, что ты на правильном пути. Это Чива, Леди Печали. Её установили в поле те, кто верил в Чонтию, в надежде на лучший урожай. Припоминаешь такое, мошенник? Когда найдёшь статую, сломай печать и прочти мои инструкции. Там ты узнаешь, куда вести врагов. Как только они направятся нужным курсом, возвращайся. Тебе придётся поторопиться и, как обычно, держаться в тени в течении всей вылазки и не высовываться.

- Может ты меня не услышала, - сказал Дев, опасно приблизившись к ослушанию, но ему было всё равно. - Даже в свои лучшие дни, любой в этом лагере движется медленнее меня, да и производит куда больше шума.

- Но они будут сражаться насмерть, даже чтобы защитить жулика, вроде тебя, - возразила Морла. – Так что ты возмёшь ещё двоих и успокоишься или я прикажу тебя как следует отделать. Уверена, это достаточно тебя замедлит.

В палатке густым облаком повисло напряжение. Длиннолицый псевдочародей и командир, который потерял половину своей армии, буравили друг друга взглядами. Наконец, Морла подняла свою левую руку, ту, которой всегда сжимала рукоять меча. Потеряв контакт со сталью, рука начала сильно дрожать, не обращая внимания на усилия напряжённого тела. Дев видел, как её страж в следствии толи жалости, толи отвращения, отвёл взгляд в сторону.

Она обрушила ладонь на плечо Дева, где она сжалась, словно когти хищника. Она силой повернула его лицом к тыльной стороне палатки. Хриплый голос, которым она говорила рядом с его ухом, заставлял его сжать зубы:

- Вот твой первый компаньон. Как думаешь, мошенник, он двигается тише, чем ты?

Дев моргнул. Он не знал, о ком шла речь, ведь в палатке больше никого не было. Но потом из тени выступила огромная фигура, которую Дев мгновенно узнал.

- Ресч, - сказал он и глянул на Морлу. – Ты отправляешь его со мной?

- Верно.

Ресч, по кличке Тихий, подошёл и встал рядом со жрецом. Это был высокий парень с хорошо очерченными мускулами и без какой-либо туники, чтобы покрыть их. На его бритой голове, за правым ухом был похожий на червяка шрам. Его называли Тихим, потому, что он никогда никому не говорил ни слова. В дни, когда война только начиналась, в первой атаке на Муранн, огр вырвал ему язык.

Ресч затаил злобу на огров. Дев не мог его в этом винить.

- Геронд тоже пойдёт с вами, - говоря это, Морла предложила жирному жрецу свою руку, чтобы помочь ему подняться. Её левая рука вернулась на рукоять меча. – Как тебе должно быть известно, недавно мы потеряли Халлиса – нашего жреца. Геронд говорит, что они были коллегами.

- Тогда почему бы не оставить столь ценный кадр при себе? – спросил Дев.

Морла тонко улыбнулась:

- Ты тратишь бесценное время, мошенник. Рассвет не станет ждать.

Повинуясь её жесту, страж повернулся и поднял крышку покрытого орнаментом дорожного сундука с бронзовыми ручками. Вынув оттуда лук и полный колчан стрел, он вручил их Деву.

- Разведчик, когда твоё задание будет выполнено, ты вернёшь эти вещи, - сказала Морла, - в соответствии с условиями нашей сделки.

- Как я мог забыть, - сказал Дев и в этот раз он не смог выдавить горечь из своего голоса.

* * * * *

Итак, вы уже знаете моё мнение о жрецах, но вот я был «прикован» к одному из них и тот факт, что рядом был лекарь, не заставлял меня чувствовать себя лучше. Знаете ли, однажды я спросил мальчика, который пережил битву, думал ли он, что это его бог его спас. Паренёк ответил, что на том поле битвы он даже собственного имени не помнил, писался кровью от страха и не считал, что какой угодно бог мог хоть сколь-нибудь улучшить ситуацию. Не все раны поддаются врачеванию.

—Из воспоминаний Девлена Тортила

С тех пор, как остыли лежащие в траве тела, не прошло и двух дней, а у поля уже было имя. Печаль Чивы, так его называли из-за груды руин, которая некогда украшала вспаханную под пар землю. Каменная Леди Чива не простояла и сезона и теперь её

пустые глаза глядели вверх, в ночное небо – ещё одно тело в разлагающейся в темноте куче. Деву нужно было её отыскать.

Их пёстрое трио, пригнувшись, сидело в группе изолированных деревьев, обрамляющей голые границы поля. Они слышали звуки: шепоты и намёки на движение в темноте.

- Они уже должны были быть мертвы, - прошептал Геронд. В тусклом лунном свете его лицо было бледным. – Ведь два дня уже прошло.

- Я думал, что подобные тебе не брезгают мёртвыми, - сказал Дев. Он не сводил глаз с всеобъемлющей темноты. Он услышал мягкое посвистывание рядом. Ресчу не терпелось двинуться дальше.

Глаза жреца сузились:

- Итак, Тортил, что ты затеял?

- Заткнуть тебе пасть, пока я думаю, было бы хорошим началом, - мягко ответил Дев. Он повернулся к Ресчу: - Сможешь, не слишком шумя, оторвать пару толстых ветвей?

Ресч встал из приседа и направился к ближайшему дереву. С грацией, противоречащей его размерам, он вскарабкался вверх и исчез в листве. Несколькими моментами позже сверху упали две ветки. Дев поймал их и вручил одну жрецу.

- Удали листья, и дай мне потом свою робу.

- Чего? – брызнул слюной жрец, забыв о необходимости блюсти тишину.

Дев приложил к его губам свой грязный палец:

- Нам нужно сделать носилки и хочется, чтобы твой святой символ был на виду. Я хочу, чтобы любой, кто нас увидит, решил, что мы подбираем раненных.

Ресч неслышно прыгнул с дерева, приземлившись рядом с Девом.

- А вот и Ресч. Он будет нашим инвалидом, - объяснил Дев. – Он будет лежать на носилках и если кто-то нас побеспокоит, он вскочит.

- Но разве не нужно приберечь носилки для действительно раненых? – спросил жрец.

- На нашем пути остановки не запланированы. Ты же слышал Морлу. Это большая шарада, а не спасительная экспедиция. Чтобы пересечь эту равнину, нам нужно двигаться с максимальной скоростью, а каждый вздох, который мы потратим на молитвы, будет нас замедлять. Ясно, святоша?

- Невозможно, чтобы я прошёл мимо раненых на этом поле, - сказал жрец. - О, боги, вы слышите, что они мне говорят? Только подумай, скольких можно исцелить? Они могут присоединиться к нам. Если цель этой миссии найти больше людей...

- Цель этой миссии – объединить армию, которая может отвоевать башни, - перебил Дев. – Несколько выживших, которых мы сможем здесь подобрать, не будут представлять никакой ценности для Морлы. Во всяком случае, в их нынешнем состоянии.

Дев принял робу жреца и обвязал оба конца вокруг шестов.

- Высокого ты мнения о своих боевых товарищах, - прорычал Геронд, - но я уверяю тебя, что я мог бы исцелить парочку человек до полностью боеспособного состояния.

Дев улыбнулся. Его действительно забавлял этот жрец:

- Ты полагаешь, это решит наши проблемы, верно? Ты сейчас пошевелишь своими пальцами и в нашем распоряжении будет кучка здоровых солдат готовых сражаться и жаждущих вступить в бой? Разве что, - он постучал пальцем по своему виску, - они не совсем здоровы, а? - он указал на носилки. - Давай, здоровяк, опробуй ложе. Будем надеяться, что большая часть твоего веса была в языке.

Он слышал, как жрец тревожно затаил дыхание, но Ресч всего лишь сделал грубый жест и улёгся на носилки. Дев видел, как покрытый шрамами мужчина прячет свою булаву в свисающих складках одеяния жреца.

Дев снова посмотрел вдаль. Он сообразил, что им предстояло преодолеть по меньшей мере две мили открытого пространства, всё время неся тело. Тучный жрец замедлит их до скорости улитки. Дев выругался. Будет чудом, если они покроют поле к полудню.

- Ладно, взялись, - сказал он и они начали движение, перенеся носилки через груды камней, обозначающую границу поля.

По правде говоря, Дев не знал, обеспечит ли им эта затея хоть немного безопасности. Самое большее, на что он надеялся, это то, что любой проходящий патруль увидит пару отчаявшихся людей, которые собирают своих мёртвых и что они не сочтут их стоящими усилий возвращаться на поле, где также разлагалось много их воинов.

Под ботинками Дева хрустела мёртвая трава. В течении долгого времени, это было единственным звуком, издаваемом группой. Когда измождённая земля уступила место странно лежащим глыбам и грудам, Дев зафиксировал свой взгляд на горизонте.

Ногами он отодвигал в сторону тела, вздрагивая, когда мягкая плоть оказывалась мокрой, а иногда и тёплой.

Игнорировать запах было сложнее. Сладкие и болезненные испарения гниения и человеческих испражнений ударили по его нюху. Усилием воли Дев поборол рвотный позыв. Будь он разумнее, он бы предусмотрел какую-нибудь маску, прикрывающую рот и нос. Он глянул назад на Ресча и увидел, как его грудь тяжело вздымается.

- Контролируйте себя, прошипел он через стиснутые зубы. - Будет лучше, если они будут думать, что мы уже обессилели. Пусть не видят в нас угрозы. Что скажешь, жрец? Может твой бог освежить для нас воздух или он покровительствует только вонючим травам?

- Справедливое наказание за то, что мы их бросаем, - сказал Геронд. Голос жреца был сдавленным из-за ноши. Его лицо было ярко красным, а его щёки раздувались с каждым выдохом. Каждые несколько футов он останавливался, оглядываясь по сторонам.

- Шевелись! - рявкнул Дев. - Я же сказал, что эти люди для нас бесполезны.

- Что ты несёшь? Ты чёртов недоумок, если думаешь, что я не могу им помочь! Лежащий на носилках Ресч в знак предостережения дважды щёлкнул зубами.

- Ты раненный, вот и играй свою роль, - огрызнулся Дев, но понизив голос.

Он оглянулся на Геронда, чтобы отвлечь его внимание от поля:

- Эй, святоша, знаешь, почему рука Морлы трясётся?

- Нет, - честно признался Геронд. – У меня не было возможности заняться командиром. Хотя я подозреваю, что это какой-то недуг, происходящий от чего-то вроде паралича. Наверное, возрастное. А к чему этот разговор?

Ресч ещё раз стукнул зубами. Быстрый и низко звучащий щелчок удивительно точно передавал интерес.

- Это была её первая заварушка. Морлу ткнули в брюхо копьём, - сказал Дев. – Не одним из тех тоненьких, как у часовых. Нет, говорю я, это был зазубренный наконечник гоблинского копья и его вогнали со звериной силой. – Дев отбросил в сторону очередное тело. Потревоженный рой мух лениво завис перед его лицом. Дев плюнул в воздух, но насекомые нисколько не потревоженные этим актом, беззаботно жужжали у его носа и ушей. – Так вот, тогда поблизости не было Халлиса и что же ей нужно было делать? От таких ранений быстро не умирают и Морла, скорее перерезала бы себе горло, чем стала бы спокойненько ждать на солнышке, пока смерть придёт за ней. Так что же она сделала? Как думаешь? Никаких перевязок, да и времени их делать тоже, так что она просто сжала левый кулак и засунула в рану, чтобы остановить кровь.

- Боги милосердные, - прошептал Геронд.

- Не такие уж и милосердные, как оказалось, - радостно откликнулся Дев. – Солдаты потеряли её из виду. Когда они наконец-то увидели старушку Морлу, она брела по полю битвы. Она была полу-мертва из-за жара и инфекции, но у Халлиса больше времени ушло на то, чтобы заставить её сесть и вынуть руку из своих кишков. Оказалось, она так глубоко затолкала в рану свой кулак, что сделала себе в два раза больше. – Эта боль была чем-то, в размышления о чём Деву не хотелось углубляться. – Но Халлис смог во время оказать ей помощь. Молитвами и причитаниями своему богу он смог заткнуть эту рану. На её милом морщинистом животике не осталось даже шрама. Но вот её левая рука... такое нельзя забыть. Она всё время дрожит, пока она не прикладывает всю силу воли, чтобы остановить это. Ни один жрец и ни одна молитва во всём мире не сможет ничегошеньки с этим поделать. Единственный путь к исцелению находится в разуме Морлы, но она его ещё не нащупала.

Дев отвернулся, его глаза снова устремились на горизонт, но он чувствовал на себе глаза Геронда.

- Не все люди одинаковы, - сказал жрец, через какое-то время. – Большинство выбрало бы жизнь, а не смерть. И большинство бы предпочло уйти с поля боя живыми, даже если не полностью здоровыми.

- Лучше бы они выбрали смерть.

- Тогда почему ты служишь Морле? – требовательно спросил Геронд. – Разве тебе не светит похожая судьба?

Дев пожал плечами:

- Я, святоша, прежде всего, служу Амну. Как могу, разумеется, и как мне позволяют. Да и не бескорыстно.

- Сколько бы золота тебе не обещали, - сказал жрец, - этого будет недостаточно, если ты умрёшь.

- Правда? – голос Дева сочился презрением. – А я сказал, что работаю за золото?

- Тогда за что?

Дев остановился и сделал Геронду жест ставить носилки.

- Стой, мы пришли.

- Откуда ты знаешь?

- Потому, что я набил синяк на лодыжке, пытаюсь отодвинуть это тело, - сказал Дев.

Он указал на землю. Поперёк их дороги лежала большая каменная статуя. Безмятежное, словно у спящей девушки, лицо Чивы, было устремлено к звёздам и озарено лунным светом. Её полные, воздетые в мольбе к богине руки, покрывала влага и оплетали завивающиеся злаки.

Дев дал Ресчу знак оставаться на носилках. Он и жрец укрылись за постаментом статуи. Прислонившись к камню, Дев достал пергамент с инструкциями Морлы и сломал восковую печать. Он раскрыл письма и начал читать.

После этого, на поле очень долго было тихо.

Дев не знал, сколько времени прошло, но внезапно он почувствовал, как кто-то интенсивно трясёт его за плечо. Он поднял взгляд и увидел широкое, укрытое тенью лицо Ресча. Он и не заметил, как он подошёл.

- Что это с ним? – услышал он шёпот Геронда. Ресч жестом попросил жреца соблюдать тишину. Взгляд Ресча блуждал между пергаментом и лицом Дева. Он был явно озадачен и Дев вдруг осознал, что Тихий Ресч, возможно, не умеет читать.

Дев вручил пергамент жрецу:

- Скажи ему...

Геронд взял пергамент и вслух прочитал:

«Разведчик Девлен, если ты читаешь это, значит, ты достиг статуи Леди Чивы и здесь начинается твоё истинное задание. Этой ночью ты не будешь играть роль приманки. Вместо этого ты доставишь жизненно важные сообщения в наши лагеря, разбросанные по всем холмам Малых Зубов. Мои люди отвлекают патрули гоблинов и кобольдов, чтобы вы могли передвигаться свободнее. Твои навыки выживания, как и тактика обмана, будут подвергнуты серьёзному испытанию. Удачи тебе, мошенник и я верю, что ты простишь мне мой собственный обман...»

Когда Дев согнулся и его стошнило на статую, Геронд прервал чтение.

С горящим ртом, Дев опорожнял содержимое своего желудка. Поле вокруг него дрожало и, казалось, приобретало сверхъестественные черты. Ресч и жрец были где-то далеко. Он дрейфовал в этом море покойников совсем один, за исключением, быть может, компании Чивы. Руки статуи давили на его грудь. Дев думал, что эмиссар Чонтии сочувственно поддерживала его. Ему даже стало стыдно, что он со страху замарал эту каменную подругу.

Затем, стремительным скачком, мир вернулся в своё обычное состояние. Жрец говорил

- Я не понимал этого раньше, - говорил Геронд, с искренним удивлением качая головой. – Я думал, что ты наёмник, но теперь я осознал. Амн ненавидит тебя за то, что ты претворяешься, что владеешь волшебством. Единственным способом добыть себе хоть сколько-нибудь доброе имя – это героически погибнуть, служа стране, которая тебя презирает.

- Это сложно сделать, прячась в темноте с парой болтливых прилипал, - пробубнил Дев, но с содержимым его желудка, всё ещё капающим с его подбородка он был не убедителен.

Геронд улыбнулся:

- Так ты хотел помереть здесь один, так что ли? Хотел умереть, играя роль отчаянной приманки, которая не отвечает ни за что и ни за кого, кроме себя. И даже не важно, что этого никто не увидит. Ведь есть же Морла – уважаемый всеми военачальник. Она-то и поведает всем о твоих деяниях, когда тебя не станет. Вот она, твоя цена, - закончил свою мысль жрец и наклонившись ближе, понизил голос. – Но теперь всё смешались, верно? Смешалось, как содержимое твоего желудка у тебя на подбородке. Тебе доверены чьи-то ещё жизни и ты боишься их подвести. Да уж, в этом случае никто не будет о тебе хорошего мнения.

Дев накинулся было на жреца, но между ними встал Ресч, который уперся в его грудь своей каменной рукой. Другой он оттолкнул Геронда назад. Когда жрец открыл рот, чтобы снова заговорить, он сверкнул на него яростным взглядом.

Дев медленно расслабился. Ситуация стремительно выходила из-под контроля. Обманщик наконец стал тем, кого обманули и подумать только, как это выбило его из колеи. Он потряс головой. «Недоразумение, Дев, вот чем ты всегда являлся». Так ему всегда говорили.

- Надо двигаться дальше, - сказал он, взяв себя в руки. Он покачал головой, когда Ресч направился к носилкам. – У нас уже нет времени на декорации. Ты слишком тяжёлый, а скорость – это теперь наш единственный союзник. – Он снял с плеча лук и наложил на него стрелу. Оперение мягко ласкало пальцы, а мускулы приятно напряглись, когда он натянул тетиву. – Вперёд.

Он сконцентрировался на своих шагах, в то время, как его мысли витали вокруг подробностей данного ему Морлой задания.

Было ли это наказанием? Ожидала ли она, что он провалит свою миссию. Деву было трудно поверить, что эта старушка была столь жестока, но ему и раньше случалось ошибаться насчёт неё.

Дев обошёл тело огра с гребнем стрел, торчащих из его спины. Гоблины и кобольды лежали в похожих, изображавших смертную агонию, позах с запёкшейся на их мордах кровью. Дев отвел глаза. Стиснутый подступающей тошнотой, его желудок хотел вывернуться. Он дышал сквозь стиснутые зубы пока его язык не заболел и он уже не мог сдерживаться.

Тогда он вдохнул и был внезапно удивлён, что воздух оказался свежее, чем он думал, причём настолько, что он мог дышать, не боясь снова согнуться пополам от рвоты. Даже облака мух куда-то исчезли. Сначала Дев расслабился, но затем его тело захлестнула новая волна ужаса.

В месте, где свалены кучи мёртвых монстров, воздух не должен быть столь свежим. Он должен вонять гниющей плотью огров.

Если только какие-то из них не притворялись.

Дев продолжал идти вперёд, веря, что его компаньоны позади него. Он слышал тяжёлое дыхание жреца слева. Справа он не слышал ничего, но он чувствовал слабый аромат Ресча. Стремительный ночной бриз, обдувавший его шею, говорил ему о том, что путь прямо перед ним был свободен. Прямо перед ними и чуть восточнее, он увидел распростёртые останки лошади и её всадника. Они вместе упали на поле. Это было спорным укрытием, но оно было довольно близко. Он двинулся прямо к флагу, делая знак своим компаньонам следовать.

«Хорошая передряга, Дев. Действительно хорошая, - поздравил он себя. - Ты должен был заметить эту ловушку прежде, чем сунуть в неё свой длинный нос».

Когда он смог различить цвета Амна, Дев развернулся, туго натянул тетиву и выстрелил.

Стрела просвистела мимо плеча Ресча, но здоровяк даже не моргнул. Он упал на живот укрывшись за трупом лошади и повалил рядом с собой жреца. Пролетев какое-то расстояние, стрела вонзилась в шею мёртвого ога.

- Что это, разрази тебя Девять Кругов Ада, ты вытворяешь? – зашипел Геронт. – Спятил что ли?

Когда никакого ответа не последовало и ночной воздух не наполнился криком, Дев и вправду задался вопросом, а не спятил ли он. Но он ждал. Его собственные глаза в темноте не уступали глазам Морлы и там, где его стрела вонзилась в серую плоть ога, он увидел вырвавшуюся фонтаном струйку крови, стекшую вниз. Монстр только притворялся мёртвым, но Дев помог ему вжиться в роль.

Ресч предостерегающе вскрикнул. Дев без раздумья повернулся и сделал второй выстрел, целясь в то, что могло показаться плывущей по земле тенью. Стрела снова вонзила в плоть и на сей раз, поле побоища огласилось животным воплем. Это был худший звук, который Деву когда-либо приходилось слышать.

«Сохраните нас, боги, - подумал он, - мы уже окружены».

- Не высовывайтесь, - проревел Дев.

Ресч и Геронт подвинулись в сторону, чтобы освободить место для него, когда он перекатился через бок мёртвой лошади. Дев свирепо отбросил ноги животного, чтобы комфортно расположить колчан.

Ещё двое существ вскочили на ноги, перестав притворяться мёртвыми. Дев упёрся луком в седло и выстрелил, угодив кобольду в бедро. Справа от него, Ресч взмахнул своей зубчатой палицей, погрузив её в череп второго кобольда, который пытался переползти к ним через их импровизированную стену. Когда существо перестало дёргаться, Ресч бросил его тело поверх тела всадника, но даже это не прибавило их укрытию убедительности.

Низким голосом жрец произнёс монотонную молитву и коснулся плеча Ресча. Его пальцы загорелись зелёным сиянием, отбрасывая пустотелые потусторонние тени на лошадь с пустыми глазами. Когда заклинание рассеялось, кожа Ресча показалась темнее, более здоровой, а его движения более стремительными и точными. Потом жрец повернулся к Деву, но тот отмахнулся.

- Прибереги их, - отчеканил Дев. – Отгони их. Если они подойдут достаточно близко, то порвут нас на куски.

Мрачно насупившись, Дев подумал, что именно в этом и заключался план монстров. Ещё больше тел «воскресло» и теперь уже пятеро стояли между ними и свободой.

Дев стрелял наугад, больше для того, чтобы держать монстров на расстоянии, нежели реально целясь. Он установил колчан у своих коленей, намереваясь отстреливаться до тех пор, пока это было возможно.

Жрец поднял символ своего божества. Его глаза были закрыты, так что Дев не мог сказать, был ли он напуган или просто пытался сосредоточиться. Снова раздалось монотонное заклинание. Деву показалось, что он что-то замечает. И действительно,

он увидел магическое облако, которое струилось с губ жреца – белый туман, не имеющий запаха и не плотнее дыма от курительных трубок. Божественная магия прошла мимо щеки Дева, обжигая его холодом. Дев отпрянул и его стрела улетела в никуда.

Монстры воспользовались моментом и подобрались ближе, используя тела своих павших, как щиты от стрел Дева.

- Держи свою булаву наготове, красноречивый ты мой! – крикнул Дев. – У нас гости!

Он дотронулся до плеча своего молчаливого партнёра, но тот не двигался. Он сложился пополам, припав лбом к земле. Он сжимал свой живот, а его рот был искажён в беззвучной гримасе боли. Дев не видел раны, но судя по конвульсиям Ресча, дело было серьёзным. Всё произошло так быстро... эта атака... и теперь их сомнут. Он даже не успел вспотеть.

Чувствуя себя побеждённым, Дев яростно палил в темноту. Ему было плевать, если у него закончатся стрелы. Он прихватит с собой столько этих ублюдков, сколько сможет. Будь они прокляты. И будь проклята Морла за то, что доверила это задание мошеннику.

Прежде чем окончательно слечь, Ресч умудрился задеть одного из кобольдов. Хватаясь за раздробленную ногу, существо ретировалось. Дев прикончил ещё одного, когда он высунулся из своего укрытия. Но всё ещё оставалось трое противников – для одного него и бесполезного жреца это было слишком.

Дев повесил лук на наклонённую луку седла. Он никогда не был особенно умел в обращении с мечом, но и его кулаки были на что-то способны. Он уже собирался перескочить через труп лошади, когда почувствовал вибрацию.

Сначала он не мог понять, откуда она исходит, но затем он снова заметил белый туман. Теперь он выходил изо рта мёртвой лошади.

Атрофированные мышцы сократились и, согнув ноги, животное неуклюже поднялось. Дев упал на спину, облокотившись на локти. Он был слишком напуган, чтобы предпринять какие-то попытки для защиты от приближающихся монстров. Видя, как мёртвая лошадь встаёт на ноги, неся на своей спине безвольное тело своего всадника, он в ужасе открыл рот.

Животное полностью встало как раз вовремя, чтобы преградить дорогу подоспевшему огру и его слуг кобольдов. При виде ожившей лошади, существа оказались в таком же замешательстве, как и Дев. Из-за запекшейся крови, чёрная грива животного прилипла к шее, на которой красовалась длинная, нанесённая мечом рана, сквозь которую просматривалась мускулатура и белая кость.

Отряхнувшись, лошадь встала на дыбы. Волоча за собой мёртвого всадника и изрыгая белый пар, она повернулось к ближайшему кобольду. Гниющие копыта опустились, втапывая не успевшее скрыться существо в землю. Яростное ржание слилось с жалобным воем умирающего кобольда.

Оставшийся кобольд и огр предпочли ретироваться. Дев слышал, как жрец произносит другое заклинание. Он повернулся вовремя, чтобы увидеть зависшее в облаке скопление теней. Безжизненные силуэты сформировали собой что-то на подобии очертаний молота.

Дев наблюдал, как этот самый молот, вертясь, пролетел по воздуху и проломил затылок убегающему огру. Кровь и тень взорвались в воздухе, а за первым молотом последовал второй. Дев подождал, пока он встретится с черепом убегающего и вопящего кобольда, задаваясь вопросом, почувствует ли существо то же морозное онемение, какое ощутил он, когда его впервые коснулась магия жреца.

И тогда тени, вращаясь и загораясь свет луны, уже летели в его сторону. Дев и не подумал, что молот был нацелен в его череп, пока уже почти не стало слишком поздно. Он пригнулся, но спектральное оружие всё же зацепило его голову.

Деву показалось, что его барабанная перепонка лопнула. Он упал на бок, подмяв под себя одну руку, словно безвольная кукла или... «...та мёртвая лошадь» - подумал он. Он оценил эту иронию за короткое мгновение до того, как потерял сознание.

* * * * *

Я знаю, о чём вы подумали и да, вы правы. Он мог убить нас в любой момент, но он задумал нечто более болезненное.

—Из воспоминаний Девлена Тортила

- Не волнуйся, - сказал Геронд, - твоему другу не долго осталось мучаться. Яд скоро сделает своё дело.

За тот, казавшийся бесконечным, отрезок времени, когда Дев пришёл в сознание, он наблюдал, как Ресч в конвульсиях извивался на земле. Каждый мускул в его теле был напряжён и выглядело всё так, будто он разорвёт себя на части раньше, чем всё закончится. Лицо Ресча было покрыто потом, но он не издал ни звука. Тишина была, пожалуй, самой худшей частью. Дев подумал, что если бы умирающий выкрикивал проклятия, то он бы лучше перенёс ситуацию.

- Это заклинание является интересной вариацией традиционного усиливающего заклинания, - пояснил Геронд, как будто Деву было до этого какое-то дело. - На короткое время, цель заклинания становится невероятно сильной, но это происходит за счёт уничтожения некоторых жизненно-важных функций тела. Эта часть длится чуть дольше.

- Цирик дарует такое заклинание всем своим последователям или только жирным? - спросил Дев. В его голове пульсировала боль, а мышцы на его руках, в том месте, где жрец их связал, онемели. Насмешки были единственным оставшимся у него оружием.

- Подумать только, я чуть не убил тебя, пока ты был в царстве снов, - сказал Геронд. Он сел на колени рядом с Девом и взяв его за волосы, повернул его лицом к себе. - Но к счастью для тебя, мне хотелось побеседовать напоследок.

Череп Дева загудел от боли и он невольно всхлипнул, увидев зависший над плечом жреца Цирика теневой молот. Несмотря на то, что его челюсть сводило от боли, он выдавил смех.

- Не удивительно, что твои травы так воняли, - прошептал он. - А они звали богохульником меня.

Геронд слабо улыбнулся:

- Ты даже представить себе не можешь, какое это облегчение больше не притворяться. Или можешь? Скажи, Девлен, разве ты никогда не устаёшь быть обманщиком?

Дев мог бы пожать плечами, но боялся, что боль от этого движения может снова его вырубить.

- Всё что я знаю, - ответил он, скосив глаза на трупы кобольдов неподалёку, - это то, что ты убил своих компаньонов.

- Это верно, но, как и ты, они не очень-то надёжные.

Геронд наклонился вперёд, без труда перевернув Дева на живот.

«Он сильнее, чем я думал», - пронеслось в воспалённом сознании Дева. Он подумал, что теперь жрец вознамерился проломить ему череп. От этой мысли его дыхание участилось, но вместо этого он почувствовал, как он взял одну из его связанных рук.

- Почему ты здесь? Почему сражаешься за Амн? – спросил Геронд. – Что между тобой и командиром? Возможно, позже мне пригодится эта информация, но в любом случае хочется удовлетворить любопытство.

Дев не ответил. Его голова раскалывалась от боли. Он пытался понять, не значило ли это чувство, что его череп заполняется кровью. Будь он действительно счастливым, он бы умер ещё до того, как этот ублюдок закончит с ним.

- Внезапно оказывается, что ты не такой уж и болтливый, - прошептал жрец. – Но я надеюсь, что ты всё же можешь оценить хорошую шутку.

Дев услышал позвякивание стали, когда Геронд вынул нож. Всё ещё держа руки Дева, жрец отогнул назад один из его больших пальцев. Дев почувствовал прикосновение клинка к коже.

- Какие у вас отношения с Морлой? – спокойно повторил Геронд. Когда Дев не ответил, он погрузил клинок ему под ноготь.

Дев взвыл, автоматически сжавшись в позу эмбриона. Жрец держал его теперь липкие от крови руки. Он дёргался и кричал снова и снова, пока его крики не переросли в безумный смех. Он не мог перестать смеяться даже когда тёмные молитвы служителя Цирика запечатали рану на оставшемся у него беспалом обручке.

«Всевидящие боги решили прикончить меня с иронией». Дев бился головой о жёсткую утопанную землю до тех пор, пока, его зрение не расплылось. Тьма радостно приняла его, но он знал, что когда он проснётся, он всё ещё будет искалечен и ему придётся рассказать жрецу всё.

* * * * *

Для солдата нет ничего более ценного, чем доверие к мужчине или женщине, которые сражаются рядом с тобой. Если это доверие подорвано, от этого страдает вся армия. Чтобы быть хорошим солдатом или командиром, вам нужно это понимать. Даже если это разрушает вашу жизнь.

—Из воспоминаний Девлена Тортила

- Я был в ополчении Эсмелтарана, - сказал Дев. – Это было за годы до того, как пришли твои дружки и вытурили нас оттуда.

Дев слабо сознавал, что жрец стоял где-то позади него, возможно высматривая другие патрули. Он слышал, как Ресч бьётся в последних судорогах агонии вызванной ядом. Если звуки имели какое-то значение, его рвало кровью и только богам ведомо, чем ещё.

Ожившая лошадь, не в силах вырваться из магического транса, ходила по полю медленными кругами. Дев помнил, как он видел в родной деревне хромающего жеребёнка, который ковылял к своему загону как раз за мгновение до того, как фермер перерезал ему горло.

«Иди ко мне... иди сюда... торопись же маленький пони... торопись сказать спокойной ночи» - пел при этом тот фермер.

- Продолжай, - сказал жрец. – Ты знал тогда Морлу?

- Мы вместе несли дозор на стене, - сказал Дев. – У Морлы и у меня были лучшие глаза. Ополчение Эсмелтарана было маленьким и мы все друг друга знали.

- Так вы были друзьями, - сказал удивлённый Геронд. – Слышу это по твоему голосу. Так что же случилось?

- Однажды, со стены, я увидел кое-что такое, чего Морла не увидела, - Дев остановился, но он знал, что жрецу этого будет довольно.

- И что же ты увидел? – спросил Геронд.

- Как выяснилось, ничего, - сказал Дев, - обман зрения, тень. Если бы я мог откусить себе язык, моя жизнь могла бы сложиться иначе, чем она сложилась.

- Не понимаю, - сказал жрец. Дев мог услышать нетерпение в его голосе. Он переменял положение и умудрился перевернуться на спину, чтобы иметь возможность посмотреть жрецу в глаза.

- Я испугался, ясно? Я был молод и не доверял своим инстинктам. То, что там было, не представляло угрозы для меня или для Морлы. Моё сердце билось так, что готово было выпрыгнуть из груди, а потом и всё тело начало дрожать. Мне нужно было убедиться. Это был необходимо. Они говорят: вот, что случается с магией или тем, кто с ней спутается. Возникшее желание затмевает собой здравый смысл. Внезапно человек может сделать то, чего не имеет права делать ни один солдат Амна. Например, направить со стены яркий, как солнце, луч света, чтобы рассеять тьму, которая скрывала... да ничего она и не скрывала.

Голова Дева снова начала раскалываться. Он закрыл глаза, пока боль не стала терпимой.

- Итак, ты неумышленно коснулся Пряжи и город или Морла, исключили тебя из ополчения, - сказал Геронд. Он говорил почти сочувственным тоном. От этого у Дева по коже поползли мурашки. – И тогда ты и стал мошенником? – осведомился жрец. – Или же, Тортил, ты всегда был обманщиком и просто не знал этого?

- Довольно с тебя моих историй, - огрызнулся Дев. В его глазах был вызов. – Пора уснуть.

- Как пожелаешь, - сказал Геронд. – Больше никаких обманов, никаких уловок.

Он двинулся вперёд и Дев сжался. «Благодарю вас, боги, что моя биография – это довольно короткая история, - подумал Дев, - а то бедняга Ресч мог помереть в середине».

- В этом деле, видишь ли, главное внимание, - сказал Ресч, заметив, как задыхаясь и корчась, умирающий воин, который когда-то был Тихим Ресчем, игнорируя свои мышцы и внутренности, которые перестали ему подчиняться, поднял с земли своё тело. Каким-то непостижимым образом он поднялся на ноги и налетел на жреца сзади.

Они тяжело упали в грязь, но Ресч был уже мёртв. Его вес, однако, придавил жреца к земле на достаточное время, чтобы Дев мог извернувшись продеть ноги под связанными руками и запрыгнуть ему на спину.

Обернув свои связанные руки вокруг шеи жреца и упершись пятками в землю, Дев неуклюже навалился назад. Верёвка врезалась в кожаные складки Геронда и зафиксировалась где-то под его горлом. Там она и должна была остаться, в противном случае, Дев знал, что его ждёт судьба Ресча.

- Никаких молитв, никаких философствований, - говорил Дев, упираясь, и всякий раз втапывая в землю руки жреца, когда тот хотел потянуться к своему символу. - Торопись же, маленький пони, торопись».

По телу жреца пробежали конвульсии, но Дев не ослабил хватки. Он не ослаблял её до тех пор, пока распростёртое тело не вздрогнуло в последний раз и не замерло на веки. Лишь после этого он откатился в сторону.

Неподалёку раздался глухой звук падения. Опасаясь появления новых противников, Дев рывком повернулся, но это была всего лишь лошадь. Освобождённое от заклинания служителя Цирика, животное неуклюжей грудой рухнуло рядом с телом Ресча.

Дев закрыл глаза своего покрытого шрамами спутника и пошёл искать нож жреца, чтобы перерезать свои путы. Он старался не обращать внимания на кровь, которой он был вымазан.

* * * * *

Да, это не то, что обычно смахивает на великую историю от героя. Я валялся на животе, а сумасшедший жрец оттяпывал мои драгоценные пальцы. Чёрт возьми, я был слишком напуган, чтобы сделать хоть что-нибудь, а в это время, бьющийся в агонии от яда Ресч цеплялся за последние остатки своей жизни ради того, чтобы в нужный момент помочь мне. Если бы он просто сдался и испустил дух, прекратив свои страдания, я бы не мог его в этом обвинить, но я не понимал природу этого человека. И я не осознавал, как же долго он ждал, чтобы отплатить кому-то из тех, кто так его искалечил. Может смерть и могла остановить месть, но только не в случае с Ресчем. Никогда не недооценивайте силу полученной травмы.

—Из воспоминаний Девлена Тортила

- Я прочла твой рапорт о том, что случилось. Ты хорошо справился. Даже больше, чем хорошо.

Морла стояла у входа в палатку. Она отозвала своего стража и они были одни. Когда она, наконец, повернулась к нему, её лицо было белым, словно кость.

- Именем Леди Селуны клянусь тебе, что не знала о Геронде, - сказала Морла и выглядела она при этом больной. – Откуда мне было знать?

- Да, откуда? – эхом отозвался Дев. Он подумал, что теперь, без охранника и своего доспеха, она казалась такой маленькой. Просто старая женщина воин. К тому же усталая. – Ты же знаешь, Морла, светоч мой, что я прощаю тебя, - его слова звучали постно, без привычного франтовства.

- Правда? – спросила она, пристально глядя на него своими соколиными глазами, которые ничего не упускали из виду. – Тебе известно, почему я действовала именно так?

- Ты всегда делаешь ради твоего народа то, что считаешь лучшим.

- Ради Амна. Ради твоего дома.

Дев наклонил голову:

- Как я и сказал, для твоего народа.

- Без стабильности, Девлен, без доверия, всё развалится на части. Амн не...

- Амну и не нужно, чтобы я был чем-то больше, чем просто мошенником, Морла, - прервал её Дев. – Я это теперь ясно вижу. Выходит так, что лучше мне продолжать быть человеком-уловкой.

- Но в тебе есть потенциал быть чем-то во много раз больше.

Он посмотрел на неё, пристально прищурившись:

- Был. Когда-то давно. Чего ты хочешь от меня сейчас, Морла? Отпущения грехов? Я дарю его тебе. Свою армию? Я выполнил твою миссию и теперь со мной покончено.

- Ты всё ещё можешь служить Амну. Ты хотел умереть героем, но я хочу, чтобы ты жил как герой. Пусть это будет моим наказанием, если ты хочешь, чтобы тебя заставили, - её рука задрожала, хоть она всё ещё держалась за клинок. – Пожалуйста, обдумай это.

Герой, значит. Это было лучшей наживкой для рыбы вроде меня и Морла знала, как безумно я хотел на неё клюнуть. Когда на рассвете я вышел с поля Печали Чивы, я должен был оставить в нём тело Ресча. Ресч был героем, но ради этой славы он должен был погибнуть жуткой смертью, а всё что народ когда-либо о нём узнает, это то, что он потерял язык в битве. Ну он хотя бы отплатил одному из этих ублюдков. А что до меня? Я ушёл с этого поля, чтобы стать героем войны. Это было конечно лучше, чем помереть, но почему-то я не чувствовал того воодушевления, которого ожидал. Я всё ещё оставался мошенником; это та часть моей истории, которую народ будет всегда помнить. Мошенник, который любит проделывать фокус с большим пальцем. Но я всё ещё устраивал спектакли лучше, чем кто-либо в Амне. Я был трюкачом, который мог водить монстров за нос. Может эту часть они тоже уместят в пределах своей короткой памяти. А может быть всё это не стоило и ведра с мочой и я ничего такого уж героического и не сделал. Может я просто это выдумал и положил на бумагу. Вот оно в чём дело. Никогда не знаешь, водит ли кто-то тебя за нос. Никогда.

—Из воспоминаний Девлена Тортила

КОСТИ И КАМНИ

Р.А. Сальваторе

Год Пивной Кружки (1370 ЛД)

Тем поздним вечером Тибблдорфа Пвента, покинувшего Мифриловый Зал, не покидало беспокойство. Орды короля Обольда наступали с запада и севера, и поэтому Бренор запретил выходить на поверхность. Прагматизм и мудрость, несомненно, были на стороне короля.

Не часто берсерк, придворный офицер, шёл против указов любимого короля. Но этот случай из ряда вон, говорил себе Пвент, а вслух произносил короче: "Так надо".

Тем не менее, необходимость перечить приказам правителя лежала на сердце тяжёлым грузом. Дварфа раздирали внутренний конфликт. Словно отражая его настроение, над головой низко нависало злое серое небо, обещая разразиться дождём.

Дождём, который прольётся на Джендрея Шлемодела, и каждая капля болью отзовется в сердце Тибблдорфа Пвента.

Не потому что Джендрей пал в бою – о нет, совсем не потому! Такая судьба была наиболее вероятной и даже ожидалась членами отряда Веселых мясников и их предводителем Тибблдорфом Пвентом. Когда несколько месяцев назад Джендрей присоединился к ним, берсерк сказал его отцу Хонклебарту, который многие десятилетия был ему дорогим другом, что не сможет гарантировать безопасность молодого дварфа.

– Но я сердцем чувствую, что он умрёт за правое дело, – ответил Хонклебарт Пвенту, когда оба сидели за кружками мёда.

– За семью и род, за короля и клан, – берсерк озвучил подходящий тост, и с энтузиазмом чокнулся кружкой с другом. Действительно, что ещё нужно дварфу?

В ветреный день на вершине холмов к северу от Долины Хранителя, у западного входа в Мифриловый Зал, в бою против орды орков судьба настигла Джендрея, и не могло быть более славной смерти для воина клана Боевого Молота.

Приблизившись к роковому месту, Пвент будто улавливал звуки того сражения. Никогда дварф не был так горд своими Мясниками. Он привёл их в самое сердце орочьей своры. Выйдя против свирепых воинов короля Обольда в подавляющем меньшинстве, берсерки не дрогнули и не отступили. В тот день погибли многие дварфы, но их тела пали на трупы куда большего числа орков.

Пвент думал, что тоже погибнет в той схватке, но благодаря отважным друзьям и одному умному гному он и несколько Мясников смогли пробиться к утёсу и спуститься к западным воротам Мифрилового Зала. Это была горькая победа, за которую многие заплатили славной и достойной смертью.

Даже зная это, Тибблдорф Пвент не мог унять в ушах отзвук второго тоста, провозглашённого Хонклебартом Шлемоделом. Наполнив кружку, дварф с гордостью произнес:

– И я знаю, что будь он мёртв или ранен, Тибблдорф Пвент не бросит моего мальчика.

И под грохот столкнувшихся кружек старый берсерк с легкостью пообещал:

– Если парня слопают дракон, то я вспорю змеюке брюхо и вытащу его кости!

Говоря это, он не кривил душой.

Но Джендрей, погибший Джендрей, не вернулся домой.

– Ты бросил моего мальчика, – сказал Хонклебарт после боя. В его голосе не было ни злости, ни обвинения. Только констатация факта дварфом, чьё сердце было разбито.

Пвент даже жалел, что старый друг не сломал ему нос. Хоть мощь кулаков Хонклебарта была общеизвестна, но ни один удар не ранил бы берсерка сильнее этих слов.

– Ты бросил моего мальчика.

* * * * *

Я смотрю на склон холма. Сейчас на нём тихо, если не обращать внимания на птиц. Но они здесь. Птицы, каркая и крича, погружают клювы в окровавленные глазницы. Вороны не кружат перед тем, как сесть на усыпанное телами поле. Они летят, как пчёлы на цветок; летят к своей цели, на великий пир. Они санитары, как насекомые, дождь и непрерывный ветер.

И само время. Череду дней, сезонов, лет.

* * * * *

Гнарк вздрогнул, увидев изуродованный горный хребет. Какой славной была битва! Лучшие силы Обольда, гордые воины-орки заняли скалистый склон, сражаясь с укрепившимися на позициях дварфами.

Гнарк был в первых рядах, одним из тех немногих, кто пережил это наступление. Но, несмотря на потери, передовые отряды расчистили для орочьей армии путь к лагерю дварфов.

Казалось, победа была в руках.

Затем с помощью какой-то дварфской уловки или дьявольской магии горный хребет взорвался. Словно пшеница в сенокос, орочи отряды полегли наземь. Многие гордые воины больше не поднялись.

И где-то там до сих пор оставалась лежать Тингвингей, любимая дочь Гнарка.

Орк пробирался мимо валунов, в воздухе по-прежнему висела пыль, поднятая чудовищным взрывом, преобразившим округу. Россыпи камней, скальные осколки и груды мелкого щебня напоминали Гнарку мёртвую тушу. Словно здесь было убито гигантское чудовище.

Гнарк остановился и облокотился о валун. Он поднял грязные руки, чтобы стереть выступившую на глазах влагу, сделал глубокий вдох и напомнил себе, что обязан похоронить Тингвингей сообразно её отваге дабы не опорочить её память.

Орк оттолкнулся от камня и пошёл дальше. Вскоре он миновал ближайший труп соплеменника. Или, по крайней мере, какие-то его части. Тела солдат западных

отрядов, ближайших к горному хребту, были изуродованы ударной волной и обрушившимся следом каменным дождём.

В ноздри ударило зловоние. Масса чёрных жуков, первых живых существ, которых довелось встретить старому орку, сновали по вывалившимся кишкам разодранного напололам трупа.

Он представил, как такие же твари пожирают останки его погибшей малышки, его дочери, которая в далёком прошлом так часто надувала губки и гневно сверкала глазками, чтобы заставить отца дать еды. Однажды Гнарк даже пропустил из-за Тингвингей обязательную тренировку, когда она уговорила его пойти к вырытой для купаний скважине. Слава Груумшу, Обольд не заметил его отсутствия!

Это воспоминание вызвало у Гнарка тихий смешок, который, впрочем, быстро перешёл в рыдания. Он снова опёрся о кусок скалы, ища хоть какую-то поддержку. И вновь старый орк напомнил себе, что должен гордиться Тингвингей.

Он взобрался на камень, чтобы лучше видеть поля битвы. Много лет назад Обольд отправил экспедицию к вулкану, полагая, что извержение это призыв Груумша. Там, где склон горы порос лесом, Гнарк видел множество упавших и изломанных деревьев, листва исчезла, ветки разметало по всей местности. Большие брёвна лежали аккуратными рядами, и казалось невероятным, что такое стихийное бедствие, как извержение вулкана, само воплощение хаоса, может оставить после себя нечто столь упорядоченное.

Те же эмоции ощутил орочий воин, стоя на вершине камня и разглядывая скалистый склон, на котором были уложены – слишком аккуратно – мёртвые тела.

Как много их было.

– Тингвингей, – прошептал Гнарк.

Он должен найти её. Ему необходимо увидеть дочь, и орк знал, что это нужно сделать незамедлительно – пока тело не обезобразили птицы, жуки и личинки.

* * * * *

Когда все кончено, остаются только кости и камни. Крики стихли, запах исчез. Кровь смыта дождём. Сытые птицы уничтожают всё, что отличало павших друг от друга.

Остаются только перемешавшиеся кости и камни. Время идёт, и ветер или дождь разрушает скелет, погребая их под грязью и песком. Пройдут годы, и останки сможет разглядеть только очень внимательный наблюдатель.

* * * * *

Камни скрипели под ногами, но Пвент не слышал. Он карабкался вверх по утёсу к тому месту, где сражались дварфы до отступления в Мифриловый Зал. Потревоженные им щебень и мелкие осколки скалы заскользили вниз небольшим камнепадом, но берсерк этого тоже не услышал.

В ушах звенели крики восторга и боли, сообщая о приближении противников или о призыве поддержать товарищей, которые, как все понимали, были обречены.

Старый дварф слышал звон металла о металл, треск костей черепа под тяжестью его тяжелых рукавиц и влажный звук вонзившегося в орочьи кишки шипа на шлеме.

Подойдя к краю утеса и окинув взглядом длинный каменистый склон, усеянный трупами десятков дварфов и сотен и сотен орков, он мысленно вернулся в то сражение. Орки атаковали отсюда. Сверху на их отряды сбрасывались валуны, а в обратную сторону летели огромные обломки скал, которыми стреляли из катапульта великаны – берсерк отлично помнил тот отчаянный момент, когда только Мясники – его Мясники – могли что-то предпринять. Дварф повёл стремительную и яростную контратаку вниз по склону на орду орков. Дерясь кулаками и ногами, сеча и кромсая, он выкрикивал имена Морадина, Клангединна, Думатойна и короля Бренора из клана Боевого Молота во славу Мифрилового Зала. Никто из отряда не выказал страха, никто не проявил неуверенности или колебаний, хотя ни один из Мясников не надеялся вернуться живым.

Неся на лице смесь решимости, гордости и скорби, Тибблдорф Пвент вновь спускался по тому же склону, останавливаясь лишь изредка, чтобы подобрать камень и швырнуть в птиц, жаждущих полакомиться кем-нибудь из его друзей.

Берсерк отыскал место, где его отряд занял оборону, и увидел тела дварфов, лежащие вперемешку с орочьими. Сваленные друг на друга словно стены из плоти, они возвышались над землей до пояса, и даже выше. Как же отважно бились Мясники!

Старый дварф надеялся, что птицы не успели выклевать глаза Джендрея. Хонклебарт заслужил того, чтобы посмотреть в них ещё хоть раз.

Пвент подошел ближе и начал отбрасывать тела орков с пути, ворча от напряжения. Дварф был слишком зол, чтобы заметить свою жесткость даже тогда, когда рука одного из павших противников оторвалась от трупа и осталась в его ладони. Он просто отбросил её вслед за телом, сыпля проклятиями.

Он добрался до первого солдата-дварфа и вздрогнул, узнав Тулиддла Железного Кулака, одного из старейших членов отряда Веселых Мясников.

Пвент сделал паузу, чтобы помолиться за Тулиддла Морадину, но, так и не завершив молитву, остановился, задумавшись над предстоящей задачей. Принести домой тело Джендрея было не трудно, но тогда придётся оставить на поле битвы всех остальных.

Как он может так поступить?

Берсерк отступил и пнул мёртвого орка в лицо. Уперев руки в бока, он огляделся, прикидывая, сколько придется сделать ходок и со сколькими компаньонами, чтобы вернуть домой всех его парней. Дварф понял, что просто не может оставить товарищей – никого из них – птицам и насекомым.

Тибблдорф Пвент всегда путался в больших цифрах, особенно когда отвлекался на что-то.

Со стороны северо-запада он заметил какое-то движение.

Сначала дварф подумал, что это большая птица или другой пожиратель падали, но тут его осенило, словно ударило камнем по затылку.

Это был орк – одинокий орк, пробирающийся через лабиринт раскуроченного камня и тел погибших и, очевидно, не замечающий Пвента.

Надо было упасть на землю и притворится одним из погибших. Это была одна из уловок, которой пользовались мясники. Засада и последующее стремительное нападение.

Пвент подумал о Джендрее, Тулиддле и всех остальных. Он представил, как птица выклёвывает глаза сыну Хонклебарта, представил рой жуков, облепивших его кишки. И снова почуял запах сражения и услышал крики. Перед глазами берсерка снова встала отчаянная битва.

Надо было упасть на землю и притворился мёртвым, но вместо этого сплюнул на землю, взревел и бросился в атаку.

* * * * *

Кто будет помнить тех, кто умер здесь, и что обе стороны получили взамен своим потерям?

Перед близящейся битвой любой дварф будет утверждать, что оно того стоит, ведь для их кланов война – благородное дело. Ничего дварфы не почитают более, чем война и взаимопомощь. Их всех роднят крепчайшие узы верности и совместно пролитой крови.

Итак, для дварфа смерть в бою это способ достойно закончить достойно прожитую жизнь. Или же сделать её достойной, пожертвовав собственной жизнью.

* * * * *

Гнарк едва поверил своим глазам и ушам, когда увидел одинокого дварфа, бегущего к нему по склону. На лице орка расцвела улыбка.

Груумш послал этого бородача, чтоб его последователю было на ком выместить гнев и избавиться от отчаянья, вызванного гибелью Тингвингей.

Гнарк не уклонился от сражения. Он не боялся дварфа, даже такого, что был больше похож на закованного в броню зверя. Чёрный искорёженный доспех дварфа усыпали шипы, которые могли разорвать шкуру даже громадного зверя. Подобное зрелище испугало бы многих, но Гнарку только это было и нужно.

Ухмыляясь, орк вытащил из-за спины тяжёлое копьё и оценивающе взвесил в руке. Оно не предназначалось для метания. Гнарк повесил на тупой конец древка железный шар, переместив баланс.

Увидев грозное оружие, дварф и не подумал остановиться. Он дважды споткнулся об орочьи тела, расшвыривая их в стороны, продолжая реветь от ярости и... боли?

Гнарк подумал о Тингвингей и понял причину горечи противника, он ответил столь же воинственным рыком.

Орк держал копьё горизонтально перед собой до последней минуты, а затем упёр тяжёлый конец в землю и прижал его ногой для большей устойчивости.

Гнарк думал, что легко прикончит противника, но этот парень не настолько обезумел, как казалось на первый взгляд. Дварф метнулся в сторону, левой рукой отбросив нацеленное на него копьё.

А затем нанёс удар по древку.

Но Гнарк уже отступил назад и, развернув копьё, направил тупой конец в грудь дварфа. Сила удара остановила воина-дварфа и даже отбросила на целый шаг назад.

Орк зашёл слева, ловко орудуя копьём и нанося удары то одним, то другим концом. Завершив серию выпадов, он отскочил в сторону, заноса оружие для решающего удара.

– За Тингвингей! – воскликнул он на дварфийском, желая, чтобы враг знал это имя, чтобы оно было последним, что он услышит!

Дварф повалился наземь, и копьё пронеслось мимо.

С удивительной ловкостью для закованного в сталь коротышки, дварф подскочил на ноги. В тот миг, когда шип его шлема оказался возле копья, берсерк повернул голову, парируя удар Гнарка.

Дварф продолжил движение, удерживая копьё шипом. Он отпрыгнул назад и низко склонился, прижав древко к земле. Невероятно, но он поворачивал копьё вспять!

Открыв рот от удивления, Гнарк всё же попытался нанести удар во время разворота, надеясь пронзить маленького негодяя.

Но тот только этого и ждал. Стоило орку начать атаковать, берсерк вцепился в древко копья.

– За погибшего друга я вырву твои глаза, – прохрипел он, и Гнарк, несмотря на скромные познания в дварфийском, понял каждое слово.

Дварф был слишком близко для атаки копьём, и его хватка оказалась на удивление сильной. Гнарку никак не удавалось высвободить оружие.

Поэтому орк решил удивить противника. Он сжал покрытую броней ладонь в кулак и, ухмыльнувшись, изо всех сил ударил противника в лицо. Такой удар мог свалить наземь почти любого орка или дварфа.

* * * * *

Я не могу не задаться вопросом, хотя и в более широком смысле: что теперь? Стоила ли победа заплаченной за неё цены? Достиг ли чего-то Обольд ценой гибели сотен, возможно тысяч своих воинов? Получит ли он что-нибудь долговечное? Принесла ли героическая оборона утеса что-то стоящее армии Бренора? Разве не могли они уйти в туннели Мифрилового Зала, которые куда легче защищать?

Сто лет спустя, когда на поле брани останутся только кости и камни, будет ли кто помнить о том, что здесь случилось? Любопытно, что же питает пламя жаждущих битвы сердец столь многие разумные расы? Глядя на последствия бойни, что произошла на этом склоне, я словно гляжу в пустоту. Я представляю крики боли. Мысленно слышу голове крики умирающих воинов, знающих, что пришел их последний миг и потому зовущих своих близких. Вижу рушащуюся башню и моего друга, стоящего на её вершине. Конечно, обломки оружия, кости, прочие останки едва ли стоят мига сражения. Но есть ли что-то неосязаемое, что-то способное оправдать кровопролитие? Или возможно во всех нас заложено нечто – и этого я боюсь – что снова и снова подталкивает нас к войне?

И одновременно я задумываюсь, у всех ли нас это внутри? Когда воспоминания о войне и крови исчезают, мы вновь хотим стать частью чего-то великого, и тогда мы

отбрасываем тишину, спокойствие и рутину мира. Равняем ли мы мир со скукой? Быть может, горящая в нас жажда насилия затухает лишь от свежих воспоминаний о боли и потерях. Но время лечит все раны, и тлеющие угли вновь вспыхивают всепоглощающим пожаром. Я заметил это и в себе, и признал, что не комфорт и спокойствие, а лишь бьющий в лицо ветер, стелющаяся под ноги дорога и поджидающие впереди приключения делают меня счастливым.

И конечно же я вновь отправлюсь в дорогу, но мне кажется это совсем иное, нежели завоевательный поход Обольда. И различие это становится ясно, стоит взглянуть на усеянный костями склон. Мы спешим на зов стали, к битве, к славе, но что будет с теми, кто оказался на пути этой жажды величия?

* * * * *

Тибблдорф Пвент не был обычным дварфом. Он знал, что его поза, слова и усмешка вынудят противника ударить, именно так берсерк предпочитал начинать драки в тавернах.

Он видел, как кулак летит к его лицу – и если бы пожелал мог даже уклониться. Но дварф этого не сделал.

Пвент слышал, как хрустнул его нос, почувствовал, как мотнулась назад голова и как хлынула кровь.

Но он улыбался.

– Моя очередь, – хмыкнул берсерк.

Но вместо того, чтобы броситься на орка, он рванул у него копьё, кувыркнулся через оружие, перехватывая его обеими руками. К тому моменту, как дварф снова встал на ноги, копьё покоилось на его широких плечах. Потянув древко к себе, он закружился волчком, и противник наконец-то выпустил оружие.

Пвент, лицо которого застыло маской ярости, стоило орку потянуться за тяжелым камнем, бросился на врага. Тот зарычал и, подняв руку, перехватил копьё за древко, резко направив его вниз.

Оружие сломалось, и берсерк отшвырнул оба обломка в сторону.

В грудь дварфа врезался камень, отшвырнув на несколько шагов.

– Ах так? Значит, будем по-плохому, – пообещал дварф.

Он наклонился, прижав локти к коленям, и кинулся в бой, так крутя головой, что острый шип на его шлеме замелькал перед глазами противника.

Орк отступил на шаг, два, споткнулся и начал падать. Пвент взревел и рванул вперед, пригнув голову. Он почувствовал, как шип на шлеме пробил звенья кольчуги и кожаную подкладку, вошел в плоть орка, ломая кости. Берсерк, побывавший во множестве битв, испытывал это ощущение это не единожды.

Он выпрямился, поднимая насаженного на длинный шип орка над головой.

К своему удивлению берсерк увидел, что противник до сих пор находится перед ним. Как только размахивающий мечом орк шагнул вперед, дварф понял, что произошло. Орк притворился падающим, положив вместо себя один из разбросанных по склону трупов сородичей и одновременно подобрал с земли меч. Бедняга, висящий над головой Пвента, был мёртв уже несколько дней.

А настоящий противник тем временем улучил возможность атаковать дварфа, направив остриё клинка ему в сердце.

Следующие несколько минут прошли как в тумане. Противники рефлексивно обменивались ударами. Пвент получил несколько ран, но не остался в долгу. Клинок рассёк его руку, и кровь обагрила чёрные доспехи, но благодаря этому берсерк смог оттолкнуть оружие дальше, чем предполагал орк, и нанёс врагу серию коротких сильных ударов. Когда же орку наконец удалось уйти из-под атаки, он врезал левым кулаком дварфу в челюсть и прежде чем берсерк смог ответить, снова выставил меч перед собой.

«Этот хорош – очень хорош для орка», – подумал Пвент.

Противники обрушивали друг на друга шквалы ударов, с рыком рубя, кромсая и уворачиваясь. И всё это время над головой Пвента покачивался ста пятидесяти килограммовый мертвец. Долго так продолжаться не могло, дварф это понимал. Только не с таким утяжелителем.

Быстрый удар меча едва не выпустил ему кишки; берсерк увернулся вовремя, втянув живот и отведя бёдра назад. Затем дварф отклонился сильнее, воспользовавшись весом мертвеца.

Он замахнулся левым кулаком, но к его удивлению орк низко припал к земле, уходя из-под удара. Только импровизация спасла споткнувшегося Пвента. Вместо того чтобы остановить удар, как подсказывал инстинкт, он шагнул дальше, разворачиваясь и поднимая правую ногу.

Дварф нанес противнику удар пяткой, оттолкнув его на несколько шагов.

Но из-за покачивающегося на шипе трупа и берсерк не удержался на ногах. Он знал, что не успеет подняться и парировать следующий удар.

Орк тоже это знал и, подскочив на ноги, бросился к противнику, стремясь его добить.

У Пвента не было шанса его остановить.

Но глаза орка вдруг расширились, стоило его взгляду натолкнуться на что-то в отдалении. Прежде чем Гнарк успел закончить удар, берсерк не упустил своего шанса и, напрягая каждый мускул, с силой мотнул головой. Труп соскользнул с шипа и полетел в своего живого сородича.

Орк отступил шаг и издал странный вой. Но Пвент не колеблясь бросился вперёд и, перепрыгнув и мёртвого и живого орка, кувыркнулся над плечом противника, локтем ударив его в подбородок, а сжатым кулаком второй руки в лицо, вцепляясь в волосы и кожаный шлем. Приземлившись на ноги за спиной орка, Пвент уже знал, что победил. Голова противника отклонилась далеко назад, и если бы берсерк не удерживал его за волосы, то орк наверняка бы упал. В таком положении он уже вряд ли мог сражаться.

Одним движением дварф мог сломать противнику шею, а покрытые острыми гранями наручи, и так глубоко царапающие шею орка, в миг разорвали бы его трахею.

Берсерк и собирался так поступить, но отразившаяся на лице орка сильнейшая душевная боль остановила его.

– Почему ты остановился? – требовательно спросил Пвент, ослабляя хватку достаточно, чтоб орк мог ответить, но всё же имея возможность убить его в любой момент.

Орк не ответил и берсерк дёрнул его за волосы.

– Ты вопил: “за” что-то, – с нажимом продолжил Пвент. – За что?

Орк хотел промолчать, но дварф снова потянул его за волосы.

– Ты не достоин знать её имя, – прошептал Гнарк, выдохнув весь имеющийся в легких воздух.

– Её? – переспросил Пвент. – Отправил сюда свою шлюху, а? Готов к ней присоединиться?

Орк зарычал и забился в хватке берсерка, будто тот задел его за живое.

– Ну? – фыркнул дварф.

– Моя дочь, – сказал орк и к удивлению Пвента, казалось, сдался. Дварф почувствовал, как противник обмяк в его руках.

– Дочь? Что ты имеешь в виду? Зачем ты сюда пришёл?

Орк снова промолчал, и Пвент злобно его пнул.

– Отвечай!

– Моя дочь, – повторил Гнарк треснувшим голосом. Больше он не смог выдавить из себя ни слова.

– Твоя дочь умерла здесь? – спросил берсерк. – В бою? Ты потерял своего ребёнка?

Орк молчал, но Пвент видел ответ на свой вопрос в каждой черте лица сломленного воина. Дварф проследил за пустым взглядом орка в ту сторону, где лежало несколько трупов.

– Это она, не так ли? – спросил он.

– Тингвингей, – едва слышно прошептал орк. Пвент не верил собственным глазам, но по щекам орка катились слёзы.

Берсерк сглотнул. Такого он никак не ожидал.

Дварф усилил хватку, готовясь покончить с врагом.

К своему собственному удивлению Пвент поднял орка на ноги и оттолкнул.

– Забери её и убирайся, – сказал берсерк, проглотив вставший в горле комок.

* * * * *

Кто будет помнить тех, кто умер здесь, и что обе стороны получили взамен потерям?

Всякий раз, теряя кого-то близкого, мы верим, что никогда не забудем его, будем помнить каждый проведённый с ним день. Но мы живем настоящим, и оно занимает всё наше внимание. И так проходят годы, мы не вспоминаем ушедших днями или даже неделями. Затем приходит чувство вины, потому что если я не вспоминаю Закнафейна – моего отца, наставника, который пожертвовал собой ради меня – то кто вспомнит? А если так, то видимо его действительно больше нет. С годами вина слабеет, и воспоминания об ушедшем занимают наши мысли всё реже. Этот порок всегда с нами, возможно, потому что все мы эгоцентричные существа. Эта черта наших характеров, которой мы не можем противиться.

В конце концов, мы, все мы считаем себя центром мира.

* * * * *

Гнарк повернулся к удивительному дварфу.

– Ты позволяешь мне уйти? – спросил он на дварфском.

– Забирай ребёнка и убирайся.

– Почему ты...?

– Просто заberi! – рявкнул Пвент. – У меня нет времени на шавок вроде тебя. Ты пришел сюда за своей девочкой, так заberi её и уходи!

Гнарк разобрал не все слова, но и их было достаточно, чтобы понять. Он посмотрел на свою девочку – его дорогую, мёртвую доченьку – и, снова обернувшись, спросил: – А ты кого потерял?

– Захлопни пасть, собака, – прорычал Пвент. – И убирайся, пока я не передумал.

Его тон говорил красноречивее всяких слов. Боль, скрытая за рыком, была понятна орку, чью душу терзало то же смешанное чувство ярости и горя.

Он оглянулся на Тингвингей, краем глаза замечая, что опустивший голову дварф собирается уйти.

Гнарк не был обычным орком. Он служил в элитной охране Обольда в течение многих лет и тренировал тех, кто унаследует эту почетную должность. Дварф победил его – с помощью трюка, на самом деле – и это оскорбление не было мелочью для Гнарка. Старый орк никогда не думал, что его одолеют таким образом.

Но теперь он был готов.

Он преодолел разделявшее их с дварфом расстояние двумя прыжками, и когда противник обернулся, чтобы обороняться, Гнарк нанес ему серию быстрых коротких ударов, лишая берсерка равновесия.

Орк продолжал атаковать, толкая и пиная, не давая дварфу перейти от обороны к наступлению.

Он оттолкнул берсерка, почти закончив бой, но упрямый бородач кинулся на врага.

Гнарк уклонился и врезал эфесом меча по плечу противника, заставляя дварфа окончательно потерять равновесие. Когда Пвент потянулся, собираясь уцепиться за орка, тот нырнул ему под руку и перехватил за запястье. Дварф плашмя упал на землю.

Берсерк распластался на спине, Гнарк нависал над ним, прижимая меч к горлу врага.

* * * * *

Я слышал, родители бояться умереть вскоре после рождения ребёнка. Этот страх не оставляет их первые десять лет жизни их потомка. Они беспокоятся не о том, что будет с ребёнком, случись им умереть – хотя присутствует и этот страх – а о самих себе. Что если отец умрет, прежде чем ребёнок сумеет его запомнить? И кто тогда преклонит колени перед разбросанными на земле останками? Кто вспомнит блеск в уже мёртвых глазах прежде, чем вороны слетятся на мрачный пир?

* * * * *

– Ба, собака решилась на подлость, а, убийца?! – крикнул Тибблдорф Пвент. – Ты так же бесчестен, как и твоя... – он проглотил окончание фразы, так как Гнарк сильнее вдавил острие клинка в его шею.

– Не смей о ней говорить, – предупредил орк и чуть отодвинул меч.

– Думаешь, что это благородно, а?

Орк кивнул.

Пвент едва не плевался от негодования.

– Ты, собака! Зачем ты это делаешь?

Гнарк отступил, убирая лезвие от горла врага.

– Потому что теперь ты знаешь, что я благодарен тебе за милосердие, дварф, – пояснил он. – Теперь твоё сердце знает, что сделало правильный выбор. Ты унесёшь с поля боя не бремя вины за свою милость. Считай это моим ответом за твоё милосердие. Если мы встретимся в битве Обольда против Бренора, то знай, я буду служить своему королю.

– Как и я! – взревел Пвент, поднимаясь на ноги.

– Но ты мне не враг, дварф, – добавил орк, отступая и с поклоном уходя.

– Как и не друг!

Гнарк повернулся и улыбнулся, но то ли от того, что был согласен, или же по какому-то другому поводу, берсерк не разглядел.

То был странный день.

* * * * *

Я хочу, чтобы спешащих на пир воронов унёс ветер, и навсегда сохранились лица погибших, напоминая нам о боли. Когда зазвучат призывы к славе, и армии снова пройдут по усеянными костями камням, лица мёртвых напомнят им о цене, которую придется заплатить. Вид запятнанной кровью земли отрезвляет меня. И пронзительным предупреждением звучат в моих ушах крики воронов.

– Дзирт До'Урден

ВТОРОЙ ШАНС

Ричард Ли Байерс

29-й день Флеймрула, Год Восставших Эльфов (1375 согласно Летоисчислению Долин)

Солдаты аутарха связали Кемасу руки и, перекинув верёвку через сук дерева, натянули её так, что только пальцы его ног дотягивались до земли. Затем они палкой били по его обнажённой спине, плечам, рёбрам.

Мальчик пытался стиснуть зубы, чтобы не кричать, но это не помогало. Затем он попытался не слышать ничего из того, что сам аутарх, в зависимости от настроения:

то ласково, то с криком, спрашивал. Если он не поймёт вопросов, то ответить на них, во второй раз придав тем самым своих товарищей и свою веру, он не сможет.

Всё его сознание, вся его сущность сейчас были сосредоточены на том, чтобы не допустить этого, но он уже чувствовал, что не сможет держаться вечно. Заставляющая вздрагивать боль будет продолжаться и нарастать, до тех пор, пока мысли о том, чтобы остановить её не затмят всё остальное. Тогда он скажет аутарху всё, что тот хотел знать.

Так если он неминуемо сдастся, почему не сказать всё сейчас? Усилим воли он прогнал прочь эту соблазнительную мысль.

Тогда один из легионеров сказал:

- Аутарх, тут кое-кто хочет вас видеть. Это офицер из Умратоса.

Когда всё повернулись, чтобы посмотреть на пришедшего, избиение прекратилось.

Странник был худощав, а его руки и ноги были длинными, как у наместника или же у самого Кемаса, что являлось характерной чертой муланской аристократии, но он не брил своего черепа, что являлось отступлением от обычая. Соломенного цвета волосы обрамляли лицо, которое могло бы быть приятным, не будь оно столь измождённым и суровым. Светловолосый мужчина слегка поклонился, будто допуская, что аутарх мог быть выше него по рангу, но не слишком, и передал ему, запечатанные зелёным воском, листы пергамента. Посланник носил массивное золотое кольцо с изумрудом, которое, как показалось Кемасу, он ненавязчиво демонстрировал другому дворянину.

Аутарх же, напротив, был обладателем несвойственных для муланцев грубых черт лица и широких плеч. Он просканировал врученный ему документ своими жадными, окружёнными мешками глазами и проворчал:

- Проверка значит.

- Да, - ответил светловолосый звучным баритоном. - Наш владыка, - Кемас предположил, что он имеет в виду Инвари Метрона - тарчиона Делюмида, - хочет убедиться, что каждый дворянин в его владении хранит верность Сзассу Тэму и готовится к войне.

Аутарх пригляделся к посланнику.

- А где же ваша свита, Лорд Упрэт? Столь важное официальное лицо наверняка не путешествует в одиночку.

- В данный момент в одиночку. Мои люди заболели и я, не желая заразиться, предпочёл продолжить путешествие самостоятельно. Вверенное мне задание слишком важно и не терпит отлагательств.

- Да, наверняка, - моргнув, сказал аутарх.

- В таком случае, я надеюсь, что вы соблаговолите объяснить, что здесь происходит. Почему вы и ваши отряды расположились в этом поле?

- Чтобы продвинуть нашу северную компанию, уверяю вас. На востоке от нас расположен храм Коссута. Очевидно, я не могу позволить бастиону врагов Его Всепревосходительства существовать на моих землях, особенно учитывая то, что он угрожает трафику на дороге в Сур. Я собираюсь захватить это место, уничтожить огнепоклонников и возродить их как зомби для службы нашим повелителям.

Светловолосый мужчина кивнул:

- Звучит разумно. А что это за мальчишка? – Кемас вздрогнул, когда его упоминули.

Аутарх улыбнулся:

-Ах, этот. Прошлой ночью я атаковал храм. Нам не удалось пробиться внутрь, но это ничего. Я и не ожидал, что всё удастся с первой попытки. Я просто прощупывал противника. Как бы там ни было, после того, как мы отступили, эта маленькая крыса, очевидно, решила, что ему не очень нравится воевать. Он выскользнул из храма и попытался скрыться, но наши часовые его поймали. Теперь же мы убеждаем его сказать нам всё, что ему известно об охране храма.

- Выглядит так, будто он готов.

Блондин приблизился к Кемасу и сжал его отбитое плечо. У мальчика перехватило дыхание от последующего за этим закономерного укола боли.

- Будь разумным, - сказал прибывший. – Избавь себя от последующих мучений. Скажи аутарху то, что он желает знать.

Кемас чувствовал, как его голова кружится. Он думал, что он либо слабеет, либо умирает. Его бы устроили оба эти варианта. Но это чувство прошло и он заговорил.

Ему было стыдно. Он плакал, роняя каждое слово, но остановиться он не мог.

Когда он закончил, аутарх сказал:

- Вот оно, значит как. Что же, костлявый из него выйдет зомби, но он хотя бы перестанет быть трусишкой.

- Господин мой, - сказал светловолосый, - я приму это за большую услугу, если вы отдадите этого парня мне. Вы сами говорите, что он будет не очень впечатляющим зомби, а я, признаться, имею склонности к определённым удовольствиям. Я не имел возможности им придаваться с тех самых пор, как отправился в путешествие, а взглянув на него, заплаканного, полуобнажённого и окровавленного, я об этом вспомнил.

Кемас воображал себе, что ничего более мерзкого он уже не почувствует, но он ушибался. Он вздрогнули и его желудок болезненно сжался. Он спрашивал себя, уж не являются ли ожидающие его последующие пытки карой, наложенной на него Коссутом за предательство.

Аутарх вопросительно наклонил голову:

- Так как мальчишка не в том состоянии, чтобы отправиться в путешествие, я так понимаю, что вы хотите просить меня приютить вас на время.

- С вашего дозволения. Это огромная удача – своими глазами увидеть как вы и ваши люди сражаетесь. Это поможет мне понять вашу боеспособность больше, чем что-либо.

- Что-ж, в таком случае я счастлив предложить вам своё гостеприимство, особенно если это приведёт к тому, что вы хорошо отзовётесь обо мне Тарчиону Метрону. – Взгляд аутарха переместился на одного из солдат: - Позаботься о лошади Лорда Упрета и предоставь ему палатку.

- Можешь туда и парня закинуть, - сказал блондин. – Удобнее будет, если он будет под рукой.

Легионер не сделал буквально того, о чём просил Упрет – он не закинул Кемаса в палатку, а просто втолкнул его внутрь. Толчок вызвал ещё одну волну боли, от чего он зашатался. Он упал и так как его руки были связаны сзади, он никак не мог ни

предотвратить, ни смягчить падение. Он повалился на живот, а затем перекатился на бок, чтобы взглянуть на эмиссара тарчиона. Ему было страшно взглянуть на него, но также страшно было и оставаться в неведении.

Лицо светловолосого мужчины было столь же холодно, как раньше, но на нём не было и выражения похоти или жестокости, которые узник ожидал увидеть. Мужчина что-то пел, так тихо, что Кемас не мог разобрать слов. Затем всё поглотила тьма.

Когда Кемас проснулся, его пронзил ужас. Он так и застыл на месте, пока не вспомнил, что с ним произошло и этого-то и надо было бояться. Надеюсь получить информацию о ситуации в которой он оказался, не обнаруживая то, что он очнулся, он приоткрыл глаза.

Настала ночь и колеблющийся жёлтый огонёк единственного светильника загонял в углы палатки самые глубокие тени. Вход палатки был задёрнут, но светловолосый мужчина, сидя на походном стуле, всё равно смотрел на него, словно мог видеть сквозь ткань. Он сидел наклонившись вперёд и поддерживая левой рукой свой лоб. Эта поза придавала ему усталый и несчастный вид.

Более того, он сидел спиной к Кемасу и не было похоже на то, что он на чеку. Он даже развязал своему заложнику руки.

Кемас осмотрелся. Кроме бутылки вина, стоявшей на маленьком складном столике, в досягаемости не было никакого оружия. Пытаясь не шуметь, он стянул с себя одеяло, встал с койки, взял бутылку и на цыпочках, подкрался к мужчине. Он махнул своей импровизированной дубиной в сторону головы захватчика.

Мужчина отклонил своё туловище в сторону, так, что бутылка лишь задела его плечо. Кемас замахнулся на второй удар, но его пленитель, развернувшись, схватил его предплечье и обездвижил его. Затем он вскочил, подцепил своей ногой ноги Кемаса и опрокинул его на спину. Всё ещё держа его предплечье и выкручивая его, он придавил ногой грудь Кемаса.

- Я не хочу делать тебе больно, - сказал блондин.

Кемас продолжал бороться, но всё чего ему удалось достигнуть – это нарастающая боль в плечевом суставе.

- Правда не хочу, - продолжал блондин. – Будь я твоим врагом, стал бы я тебя развязывать и укладывать на кровать? Стал бы я использовать свои песни, чтобы исцелить тебя? Ты же заметил, что кто-то позаботился о твоих ранах, верно? Иначе у тебя бы не было сил пытаться проверить такое.

Кемас не заметил, но припоминая, как его отделали, он понял, что мужчина, должно быть, прав:

- Хорошо, я сдаюсь.

Блондин одобрительно посмотрел на него, затем выпустил. Он подошёл к пологу палатки, слегка отодвинул его, чтобы сделать небольшую щель и выглянул наружу.

- Хорошо. Кажется, никто не заметил нашу маленькую потасовку.

Всё ещё держась за бутылку, хоть она и не сильно ему помогла, Кемас неуклюже поднялся на ноги:

- Я ничего не понимаю.

Блондин сделал ему знак усесться на койку, а сам снова плюхнулся на стул.

- Тогда давай я тебе объясню всё, начиная с основ. Ты уже знаешь, что зулкиры начали воевать друг с другом?

- Я слышал, как вы с аутархом говорили что-то о войне, но не мог понять, что к чему.

- Хорошо. Если кратко, то Сзасс Тэм хочет стать верховным правителем Тэя, а другие архимаги отказываются признавать его власть над ними. В целом Делюмид и другие северные тарчи поддерживают его претензии, в то время как южные провинции на стороне совета зулкиров.

- Но причём здесь храм? Почему аутарх атаковал нас?

- Церковь Коссута стоит на стороне совета, так что он должен был. Сзасс Тэм предал и убил великое множество ваших жрецов и монахов. Вы находитесь в отдалённом регионе, так что до вас просто не дошли новости. Но они дошли до аутарха и он решил стереть ваш анклав с лица земли, прежде, чем вы сможете что-то предпринять против него или против его хозяев.

- Вас послушать, так вы тоже против Сзасса Тэма.

- Верно. Моё настоящее имя Барерис Анскулд и я служу в пиратском Легионе Грифона. Я здесь на разведывательной миссии. Моя цель – выяснить каковы силы Сзасса Тэма в Делюмиде и кто ему противостоит. В дороге я наткнулся на настоящего Лорда Упрета и понял, что могу использовать его кольцо и документы, чтобы близко изучить военную мощь и крепости Тэма. Я убил его и присвоил себе его личность.

- Разве у него не было охранников, о которых говорил аутарх?

- Были. Но у меня были мой грифон, моя магия, и внушающий ужас противникам товарищ, который ходит за мной по пятам в то время, когда я не притворяюсь кем то другим.

Даже на таких условиях, сражение с свитой важного дворянина было рискованной затеей.

- А вы не боитесь встретить кого-то, кто знал настоящего Лорда Упрета?

Барерис пожал плечами.

- И если вы хотите, чтобы люди думали, что ты обычный дворянин на службе у тарчиона, не будет ли разумнее побрить голову? Так вы не будете смотреться... странно...

- Я бард. Если я предложу людям объяснение своей причёске, они его примут. Смог же я убедить аутарха, что высшим чиновникам его хозяина разумно путешествовать в одиночку.

- Пожалуй, - согласился мальчик, но создавалось впечатление, что Барерис рисковал больше, чем любой другой шпион счёл бы разумным, будто бы какая-то само-разрушающая часть его личности хотела, чтобы его враги проникли сквозь его маскировку.

Блондин улыбнулся:

- Ладно, довольно болтовни обо мне. Ночь не продлится вечность, а нам надо поговорить о том, как спасти твой храм.

Кемам проглотил ком:

- Вы думаете его можно спасти? Я... я сказал аутарху правду. Я рассказал ему всё.

- Я знаю. Я наложил на тебя чаты, чтобы ты это сделал.

-Что?

- Не кричи!

- Если вы и вправду враг аутарха, то зачем вы это сделали?

- Потому что я понял, что ты, в любом случае, в конце концов, раскололся бы. Я ошибся?

Кемасу хотелось возразить, но он не мог. Он почувствовал пощипывание в глазах и накрепко закрыл их, чтобы сдержать слёзы.

- Нет, прошептал он.

- Тебе не нужно стыдиться. Под пытками практически все, в конце концов, ломаются.

- Значит, нужно было подождать, пока я не сломаюсь!

Кемас чувствовал, что так было бы правильнее, но не мог объяснить почему.

- Если бы это продолжилось, то они могли бы ранить тебя так сильно, что я уже не смог бы тебя исцелить. А так дело бы не пошло. У меня есть для тебя задание.

Кемас глубоко вздохнул:

- Что?

- После того, как ты всё выложил аутарху, он созвал военный совет и разработал план сражения. Я использовал своё влияние, чтобы не допустить, чтобы их стратегия оказалась чересчур хитрой, хотя, возможно, это и не требовалось. – На мгновение уголки губ Барериса приподнялись. – Вопреки его собственному мнению, аутарх не так уж умён. Будь то иначе, он бы понял, что вероятнее всего, известия с юга ещё не достигли твоего храма и попытался бы взять это место хитростью.

- Так что же, его план дрянь?

- Нет, моя магия не столь действенна. Он просто не так хорош, каким мог бы быть. Но вот в чем вся соль. Теперь я досконально знаю, какими ресурсами обладает аутарх и как именно он собирается их использовать. Это информация, которую защитники храма могут отлично использовать, когда ты им её предоставишь.

Кемас удивлённо на него уставился:

- Я? Я же пленник!

- Уже темно и я раздобыл для тебя тунику и плащ как у легионеров. Ты должен умудриться улизнуть из лагеря и пробраться в храм.

- Но вы же умеете читать заклинания. У вас больше шансов. Почему бы вам это не сделать?

- Я нужен здесь. Армия аутарха, конечно, не элитные воины, но они выглядят довольно боеспособными, их больше, чем защитников храма, а ещё у них есть парочка некромантов, чтобы оказывать магическую поддержку. Я увеличу шансы на вашу победу, если проберусь в их ряды и атакую в правильный момент. Начну с того, что убью волшебников.

Кемас ещё раз осознал, что его компаньону было мало дела до собственной безопасности.

- Вы находите защиту нашего маленького храма настолько важной, что готовы на такой риск?

- Всё что может задержать отряды Сзасса Тэма хотя бы на мгновение уже достойно внимания. Пока ты спал, я положил на бумагу план аутарха. Ты готов взять пергамент и отправиться в путь?

Кемас проглотил ком.

- Нет.

Барерис нахмурился:

- Думаешь, я пытаюсь тебя одурачить?

- Нет, я верю тому, что вы рассказали мне. Просто... вы же слышали, что сказал обо мне аутарх? Я дезертир.

- И что с того?

- Я боюсь! Я хочу держаться подальше от опасности, а не бежать ей навстречу.

- И всё же храм что-то да значит для тебя, иначе ты бы не стал так долго терпеть пытку.

- Да, наверное.

- Сколько ты там прослужил?

- Почти всю свою жизнь. Моя семья – муланцы, но у нас совсем не много земли и мы не богаты. К тому же я младший сын. Мой отец записал меня в Легион Огненного Дракона – орден тех, кто поклялся защищать храмы и реликвии Коссута. Он думал, что это будет хорошая жизнь.

- Он угадал?

- Да, у меня появились друзья, да и хозяйева с учителями мне тоже нравились. – Он оскалился. – Мне даже нравились боевые тренировки и я думал, что становлюсь хорошим воином. Я думал, что доведись мне участвовать в настоящей битве, я бы хорошо себя показал.

- Но пока к вам не постучалась армия аутарха, тебе так и не довелось.

- Ага. Храм находится посреди населённой территории, да и стены у него как у настоящей крепости. В течении десятилетий никто и не пытался его атаковать. Гарнизон там был скорее традицией, нежели необходимостью.

- Расскажи, что случилось во время битвы?

- Я был на стене со своим луком. Я уже хотел начать стрелять, когда снизу прилетела стрела и попала Абриандо в грудь. Он стоял рядом со мной, а потом упал, начал извиваться и кричать, чтобы я ему помог. Но я же не целитель. Я ничего не мог поделать. Я просто смотрел на него, а потом... потом он перестал двигаться.

- После я просто хотел спрятаться за зубом стены, чтобы стрела и в меня не попала. Я всё-таки заставил себя несколько раз выстрелить. Затем к подножию стены побежали зомби с лестницами. Наши стрелы не могли их остановить.

- Да, не могли, - подтвердил Барерис. – Чтобы их остановить, надо их в клочья разорвать.

- Наши кинулись отталкивать лестницы, но некоторые зомби всё же забрались на стену. Они пахли гнилью и их жёлтые глаза светились. Они размахивали своими топорами и полегло ещё больше наших ребят. Кто-то кричал, кто-то был уже мёртв.

- Я бросил лук и вынул меч. Я правда хотел пойти и помочь. Но потом на стену вскарабкалось что-то даже более ужасное, чем зомби. Это тоже был мертвец, но его живот был вспорот и оттуда свисали кишки, которые извивались как змеи. У них даже были полные клыков пасти.

Барерис кивнул:

- Вайлвхт. Мерзкие создания.

- Я просто не мог заставить себя приблизиться к нему. Даже когда он поймал своими кишками моего друга Мэдивика. Он тоже кричал, чтобы я ему помог, но я стоял как вкопанный, пока яд от их укусов полностью не высосал его жизнь. Монстр

повернулся ко мне и я был бы следующим, но один из жрецов сотворил вокруг него огненный взрыв. Я не думаю, что эта тварь погибла, но взрыв сбросил её со стены.

- Это было последней каплей. Я побежал вниз и спрятался в конюшне до тех пор, пока аутарх не прервал атаку. После, я выбрался через боковую дверь.

Барерис кивнул:

- Это была твоя первая настоящая битва и страх взял над тобой верх. Такое случается с многими незакалёнными в битвах воинами, особенно если они сталкиваются с такими мерзкими противниками, как мертвецы. В следующий раз ты справишься лучше.

- Не хочу, чтобы был следующий раз.

- Где-то в глубине себя ты этого хочешь. Ты будешь горевать, если твоих товарищей не станет, а твой храм сравняют с землёй. Это сквозит в каждом твоём слове.

- Вы не понимаете. Когда я убежал, я нарушил клятву. Даже если мне удастся снова пробраться внутрь храма, другие Огненные Драконы сами меня убьют.

- А может и нет. Если ты считаешь их друзьями, то вероятнее всего ты им тоже нравишься. Может быть даже настолько, что они решат проявить милосердие. И в особенности учитывая то, что ты добыл им важную информацию. Ну а если нет, то, во всяком случае, ты будешь знать, что умер, восстановив свою честь.

- Это всё что вас интересует, верно? Вам всё равно, останетесь ли вы живы, но мне то нет!

Барерис помедлил, затем сказал:

- Ты ошибаешься, но я не стану с тобой спорить по этому вопросу. Однако, я, в свою очередь, тоже получил представление о том, что ты за человек. Могу тебе сказать, что если ты сейчас струсил, то до конца жизни тебя не оставит чувство стыда. Неважно, какова будет твоя дальнейшая судьба, но в своих собственных глазах ты навсегда останешься трусом и клятвопреступником. Но всё не обязательно должно быть так, потому что у тебя есть то, чего у меня никогда не будет, а именно второй шанс. Шанс всё исправить.

Кемас сделал глубокий вдох:

- Хорошо, попытаюсь.

- Вот и чудно, - сказал Барерис вскочив со стула. Он взял парочку сложенных одеяний и бросил их мальчику. - Вот, надень. У меня и меч для тебя найдётся.

Когда Кемас надел свою маскировку, засунул послание Барериса за тунуку и перекинул через плечо новую перевязь, он и шпион подошли к выходу из палатки. Барерис выглянул и сказал:

- Ну, пошёл.

Кемас хотел было откинуть полог, но заколебался.

- Я могу спеть песню, чтобы подстегнуть твою отвагу, - сказал Барерис. - Если тебе это нужно, я так и сделаю. Я просто боюсь, что после этого ты будешь думать, что ты действовал храбро просто потому, что находился под воздействием магии.

- Я в порядке, - сказал Кемас. Стараясь не думать, не чувствовать, а просто двигаться, он заставил себя выйти наружу.

Поблизости никого не было. Кемас направился на север, мимо палаток офицеров и сотрясаемых храпом кучек, которыми были полевые постели обычных солдат. Он

старательно отводил взгляд от догорающих костров, чтобы они не притупляли его ночного зрения и боролся с желанием двигаться на цыпочках, словно пантомимный воришка. Лучше было двигаться так, будто ему было нечего бояться и надеяться, что его украденная одежда достаточно его защитит.

Из тьмы выросла фигура. Солдат посмотрел на Кемаса и мальчик затаил дыхание. Наконец легионер поднял руку в знак обычного приветствия и когда Кемас помахал в ответ, он отвернулся и пошёл восвояси.

Ещё двадцать шагов доставили Кемаса к границе лагеря. Теперь было самое время ползти, чтобы часовые не заметили, что он пытается улизнуть. Даже если допустить, что они клюнули на его костюм и приняли его за своего, то увидев, что он пытается ускользнуть из лагеря, чтобы проверить какую-нибудь затею, они всё равно попытаются его остановить.

С ртом пересохшим словно пустыня и бешено бухающим сердцем, он, пригнувшись, перебежал от тени к тени. Возможно, его тёмная мантия и тоненькая фигурка помогли ему скрыться, а может быть, усталые часовые были не слишком внимательны. Как бы там ни было, но никто его не заметил и оглянувшись назад он понял, что лагерь остался позади на расстоянии выстрела из длинного лука.

Теперь он мог направиться к храму и пока он не достигнет окружающих его укреплений, он мог уделять больше внимания скорости, а не скрытности. Если это, конечно, было тем, чего он хотел.

А хотел ли он? Сейчас он был свободен. Он был в безопасности. Ему не нужно было видеть ни солдат аутарха, ни жуткую нежить, ни осуждение и, возможно, наказание от своих товарищей. Он мог избежать всего этого, просто убежав.

Но он не смог бы убежать от последующего чувства вины. Барерис, чтоб его, предупредил, что оно будет висеть на нём, как проклятие, до конца его дней.

Кемас убедился, что его длинный меч свободно выходил из ножен и направился на восток.

Вот показались верхушки яблонь и вишен, что росли на окружавших храм полях. Как Кемас уже имел болезненную возможность выяснить, отряды аутарха шастали по этим зарослям, пользуясь даруемым ими прикрытием и лакомясь сочными фруктами. К сожалению, даже зная, что они там, Кемас не имел возможности выбрать другой путь. Единственной альтернативой было попытаться пройти к храму по открытому полю.

Он продвинулся достаточно далеко, чтобы увидеть меж деревьев стену храмового комплекса. В этот момент перед ним возник солдат. Он сильно напугал Кемаса, словно дикий зверь, выскочивший ниоткуда, чтобы преградить ему дорогу. На самом же деле, легионер просто спрыгнул с ветки дерева на которой он сидел скрытый мраком.

- Ты кто? – спросил патрульный.

Кемас напомнил себе, что было темно. Более того, на нём была униформа армии аутарха и он пришёл по направлению из лагеря, а не из храма. Может быть, он мог обмануть солдата. Он набрал в грудь воздуха и сказал:

- Офицеры решили, что тебе может понадобиться подкрепление на этом посту.

- Они тебя послали сюда без лука?

Кемас пожал плечами, как будто передавая всё омерзение от идиотизма ответственных за это.

- Иди, поговори с сержантом, - сказал патрульный. – Он скажет, что тебе делать.

«Нет, - подумал Кемас, - он меня узнает. Он слишком хорошо разглядел меня, когда вы, ублюдки, схватили меня».

Ему хотелось удрать, но если бы он убежал сейчас, то уже никогда не смог бы добраться до храма. Он улыбнулся и сказал:

- Ладно.

Когда солдат повернётся, чтобы показать ему дорогу, он вынет меч и прирежет его сзади.

Но он не был столь искусным обманщиком, как Барерис и должно быть что-то в его тоне заставило легионера быть на чеку, потому что мужчина нахмурился и взялся за рукоять собственного меча.

- Назови мне имя офицера, который тебя направил сюда.

Кемас рывком вынул меч и побежал на патрульного, надеясь убить своего противника до того, как он успеет достать свой. Но солдат отскочил назад, что дало ему достаточно времени, чтобы достать оружие. Он отбил меч Кемаса в сторону и выставил свой, но к счастью для его цели, она была на волосок левее. Будь то иначе, Кемас своим отчаянным рывком насадил бы себя на меч.

Он пролетел мимо патрульного, наверняка зная, что сейчас он разворачивается, чтобы атаковать его сзади. Ему удалось побороть инерцию движения и тоже развернуться. Меч солдата сверкнул, целясь в его шею, и ему удалось его парировать.

От удара металла о металл его пальцы завибрировали, но его хватка не ослабла. Он контратаковал и выработанный рефлекс направил его руку одним из движений, вбитых в него его учителями. Он притворился, что целится в бок, прервал движение и направил удар в голову. Его меч рассёк левую сторону лица солдата от брови до подбородка и врезался в кость. Колени солдата подогнулись и он повалился на землю, утаскивая с собой клинок Кемаса.

Чувства мальчика, который смотрел на убитого мечника, представляли собой спутанный комок облегчения, удивления и тошноты. Крики и шум бегущих людей вырвали его из этого полуобморочного состояния. Товарищи легионера, очевидно, услышали звон клинков и торопились выяснить, в чём тут было дело.

Кемас рывком высвободил свой меч и припустил в сторону открытой местности между стеной храма и рощей. Когда он покрыл половину этого расстояния, в след ему полетели стрелы. Он их не видел, но некоторые пролетали настолько близко, что он мог слышать их шипение.

Он припал к одной из дверей для вылазок. Он понял что сверху, с укреплений, на него падал свет от факелов и что несмотря на то, что он удалился от деревьев, теперь он, вероятно, представлял из себя даже лучшую мишень. Он забарабанил в тяжёлую дубовую дверь:

- Это я, Кемас! Впустите меня!

Стрела с треском впилась в дверь. Кемас прижался к проёму продолжая кричать. Всё новые стрелы вгрызались в древесину двери. Какие-то из них отваливались и падали на спину и ноги мальчика.

Затем до его слуха донесся стон задвижек, которые скользили по своим скобам. Он посмотрел в эту сторону и увидел что дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы туда мог юркнуть один единственный человек. Он поспешил ввинтиться в проход и маленький проём захлопнулся за ним.

Находясь под обстрелом, он не мог думать ни о чём, кроме этого и чувствовал головокружительную радость от того, что ушёл от этой опасности без единой царапины. Затем он увидел на хмурые лица своих спасителей и обнажённое оружие в их руках.

- Дай сюда меч, - сказал Зоритар. Этот человек с длинным, узким лицом и сломанным носом, был одним из наставников Огненных Драконов, печально известный своей строгостью к обучаемым им юнцам. Его выражение лица и тон были сродни холодной стали.

Кемас передал своё оружие рукоятью вперёд.

- Мне нужно поговорить с Мастером Ратотом-Ди. Это важно.

- Об этом не переживай, - сказал Зоритар. – Он тоже захочет с тобой побеседовать.

Новые захватчики Кемаса проводили его в зал, где высший жрец распоряжался храмом в мирное время и где он и теперь занимал почётное место в военном совете. Однако боевого опыта у него не было и таким образом именно Ратот-Ди был тем человеком, которого назначили руководить обороной храма.

Командир Огненных Драконов выглядел слишком старым и хрупким для своей миссии или для любой другой обязанности, выходящей за рамки засыпания у камина. Но его бледно-серые глаза под белыми кустистыми бровями, были ясными и зоркими, и он носил свой жёлто-оранжевый нагрудник так, словно он весил не больше шерстяного свитера.

В течении какого-то времени он изучал лицо Кемаса, затем сказал:

- Убежать от битвы было преступлением, а вернуться сюда – глупостью.

- Он улепётывал от людей аутарха, - сказал Зоритар. – Они преследовали его и ему, очевидно, было больше некуда бежать.

Кемас проглотил комок.

- Со всем моим уважением, Мастера, это не правда. Точнее правда, но не совсем. Есть тут кое-что ещё. Я вернулся, чтобы принести вам это.

Сказав так он протянул письмо Барериса.

Ратот-Ди, бормоча и водя пальцем по строчкам, прочитал письмо. С каждым новым предложением его лицо мрачнело.

- Здесь говорится, что аутарх знает всё о храме, включая и то, какая секция северной стены не подлежит ремонту.

Кемас глубоко вдохнул:

- Да, Мастер. Меня пытали и я сказал им.

Он мог бы впасть в дальнейшие разъяснения, что магия заставила его заговорить, но в конечном итоге он чувствовал, что это не даст ему ничего, кроме презрения.

Зоритар зарычал:

- Я не удивлён. Ты уже показал себя трусом. – Он повернулся к Ратоту-Ди. – Может, мы можем усилить оборону стены.

- Мастер, - сказал Кемас, - если вы прочтёте дальше, вы увидите, что разведчик из Легиона Грифона считает, что самой выигрышной стратегией нашего действия будет позволить аутарху осуществить его план, а затем обернуть его против него же.

Ратот-Ди прочитал письмо до конца и хмыкнул:

- Что же, в этом есть смысл.

Командир объяснил идею Барериса. Зоритар нахмурился:

- Мы и слыхом никогда не слыхивали об этом Анскулде и мы не знаем, можем ли мы верить хоть слову. Это может быть уловка.

- Если мне позволят сказать, сир, - вставил один из воинов. – Должен признаться, что я так не думаю. Когда Кемас бежал к храму, я наблюдал со стены. Лучники действительно старались его прикончить. Стали бы они это делать, если бы аутарх хотел чтобы мы получили это письмо?

- Согласен, - сказал Ратот-Ди, - и даже если бы я не был убеждён, то у аутарха в конечном счёте достаточно войска, чтобы рано или поздно взять нас числом. Если мы надеемся защитить наш храм, нам нужен умный и дерзкий план.

Зоритар покачал головой:

- Так вот оно, твоё решение? Поставить всё на одну единственную игру?

- Я думаю, мы должны. – Старик командир повернулся к Кемасу. – Единственным вопросом остаётся, что делать с парнем.

- Он бросил своих товарищей и нарушил данную богам клятву, - сказал Зоритар. – Надо утопить его, как предписывают законы ордена.

- Даже несмотря на то, что рискуя жизнью он вернулся, чтобы принести важные сведения?

- Я не уверен, что он вернулся сюда из-за угрызений совести, - сказал Зоритар, - любви к Коссуту или из-за собственной добродетели. Да и не важно это. Правила есть правила.

- Мастера, - сказал Кемас, - я знаю, какое наказание меня ожидает за то, что я совершил и приму его, если на то будет ваша воля. Но дайте мне, сперва, принять участие в сражении. Вам может пригодиться каждый меч.

- Уж точно не твой, - сказал Зоритар. – Ты убежишь, как и тогда, оставив брешь в линии.

- Может ты и прав, - сказал Ратот-Ди, - но, наверняка мальчик дал нам повод думать, что он нашёл в себе отвагу. Я думаю, что этого достаточно, чтобы мы могли испытать его. Ты хочешь этого, ученик?

Кемас вытянулся в струнку:

- Да.

- Тогда подойди к алтарю Коссута.

Алтарь представлял из себя плиту полированного красного мрамора с высеченными золотыми рунами. Языки жёлтого пламени, шипя, вырывались и установленной поверх чаши. Такие священные огни горели по всему храмовому комплексу и Кемас давно привык к их жару. Но когда он подошёл ближе, казалось, что пламя сейчас охватит его, ибо он знал, что сейчас будет и боялся этого.

- Расположи руку над пламенем, - сказал Ратот-Ди.

Кемас закатал рукав, чтобы убедиться, что он не загорится, а затем сделал то, что ему велели. На какое-то мгновение ему не было больно, но затем жгучая боль

охватила его ладонь и основание пальцев и с каждым биением сердца она усиливалась.

Кемасу показалось, что всё должно быть не так. Он поклонялся Коссуту, а его бог и пламя были единым. Но он не был жрецом, а был простым храмовым стражем. Он не мог найти в этой муке состояния транса, за которым могло последовать укрепление духа.

Он убеждал себя, что это не продлится долго, потому что в отличии от Зоритара, Ратот-Ди не был жесток. Но время шло. Боль росла, а старик всё молчал.

В дыму он уловил запах. Это он сам? Его рука готовилась, как окорок ягнёнка?

Было жестоко осознавать, что он мог отдёрнуть руку когда ему угодно и эта агония прекратилась бы. Не важно, что последовало бы за этим, но этой боли больше бы не было. Он напрягал свою волю и мышцы, чтобы прогнать этот соблазн прочь.

Пока его не схватили и не оттащили прочь от пламени. Он посмотрел по сторонам и увидел, что двое знакомых ему воинов держат его.

- Я сказал, что ты можешь остановиться, - сказал Ратот-Ди, - но ты так был сосредоточен на том, чтобы не двигаться, что не слышал меня.

Кемас вдохнул. Его рука болела.

- Значит я прошёл испытание?

- Да, - сказал Ратот-Ди. Затем его взгляд перешёл на Зоритара. - Вы не согласны со мной?

Зоритар нахмурился и нехотя согласился с командиром.

Успокоившись, Кемас осмотрел свою руку. Это была не почерневшая культя, которую он боялся увидеть, а мозаика из красной кожи и волдырей.

- Я держал над огнём левую руку, чтобы я всё ещё мог пользоваться мечом. Но я не смогу стрелять из лука.

- Не торопись с выводами, - сказал высший жрец.- Если есть что-то, с чем жрецы Коссута справляются на ура – это лечение ожогов.

Жрец произнёс над рукой Кемаса молитвы, смазал её пахучей мазью и завернул в льняные повязки. На другой день конечность хоть и болела, но эта боль была достаточно терпимой, чтобы юноша мог приготовиться к грядущей битве.

К его облегчению, остальные Огненные Драконы приняли его без оскорблений и возражений. Очевидно, что большая часть верила, что он достоин того, чтобы вернуть своё место.

Он спрашивал себя, а не ошиблись ли они. Он дрался с патрульным и убил его, но это заняло всего лишь мгновение. К тому же его прищипорило отчаяние, а тренировки направили его руку. Он даже не понял что произошло. Он выдержал жар огня, но сейчас он осознал, что хоть это и казалось вечностью, однако длилось несколько мгновений. Это совершенно не значило, что он воистину нашёл в себе отвагу пройти через настоящую битву.

Как и предупреждал Барерис, войско аутарха подошло к стенам до рассвета. Трубы во всём храмовом комплексе раструбили тревогу и Кемас поспешил занять своё место на стене.

Когда он, прищурившись, выглянул через парапет, оказалось, что вся армия аутарха выстроилась в боевой порядок перед главными воротами. Должно быть его

волшебники создали некоторое количество иллюзий, чтобы усилить впечатление. Да и тьма делала своё дело.

В любом случае Кемаса успокаивала мысль о том, что он смотрел не на хорошо организованную армию, а на будущих жертв диверсии. Да, его всё ещё могли убить, но на какое-то мгновение опасность казалась ему ограниченной и приемлемой. Он достал стрелу, наложил на тетиву, натянул лук и выбрав мрачную фигуру внизу, которая послужит ему целью, выстрелил.

Он долго продолжал в этом духе, выпуская стрелы и прячась за парашют всякий раз, когда казалось, что какой-то лучник или арбалетчик внизу собирается его продырявить. Дважды штурмовые лестницы ударились о парашют, но не рядом с ним, и защитники храма, которые были поблизости, быстро скидывали их вниз.

Затем, на стене, в плаще и со своим треугольным щитом, украшенными изображением неустойчивого огнедышащего дракона – символа их ордена, – появился Зоритар. Нахмутив брови он подошёл к Кемасу.

- Ратот-Ди думает, что реальная битва вот-вот начнётся. Иди к тем, кто будет в первых рядах.

Кемас проглотил ком:

- Я?

Зоритар хмыкнул:

- Конечно ты. Мы же постановили, что ты бесстрашный герой, помнишь? А теперь пошевеливайся!

Воитель отправился дальше. Он, без сомнения, решал, кого ещё можно было забрать со стены так, чтобы враг не догадался, что его намерения известны.

Кемас поспешил спуститься по лестнице, пробежал через храмовую площадь и нашёл где встать. После, всё, что ему нужно было делать – это ждать. Он напрягся, ожидая какого-нибудь знака, что атака начинается.

Он так его и не услышал. Просто прогнившая секция северной стены взорвалась и мужчины пригнулись, отворачиваясь и защищая свои глаза от летящих осколков. По словам Барериса, волшебники аутарха не были особенно могучими, но даже их способностей с лихвой хватило на эту разрушающуюся кладку.

Атакующие воины завопили, словно баньши и земля завибрировала от бегущих ног. Отряды аутарха намеревались проникнуть в пролом до того, как их противники имели бы возможность оправиться от потрясения и приготовиться к защите.

И только уже там, пытаясь нащупать дорогу среди мрака и вздымающейся удушливой пыли, они поняли, что их враги совсем не были удивлены. Огненные Драконы ожидали, что они появятся именно там и именно тогда и потратили весь день на то, чтобы превратить этот участок в бойню. Тележки, кучи кирпича, скамьи и что угодно ещё, что можно было использовать в качестве баррикад, было принесено, привезено и притащено со всего комплекса, ряды щитоносцев стояли полностью готовые к бою. По двум сторонам пролома и на ближайших крышах расположились лучники.

Жрецы Коссута бросали свои мощнейшие заклинания и ряды противника исчезли в огненных волнах. Лучники стреляли. Кемас поймал себя на том, что он накладывал стрелу, натягивал лук и отправлял снаряд в полёт со всей возможной скоростью. Он заставил себя замедлиться и целиться.

Хотя это и едва ли был необходимостью. Солдаты аутарха так тесно толпились в проёме, что практически любая, пущенная в ту сторону, стрела находила свою цель. Летящих в них поток снарядов и заклинаний был настолько разрушителен, что первым импульсом атакующих было развернуться и спастись бегством.

Но они не могли. У них всё ещё были товарищи, которые и не подозревали о разворачивающейся в нескольких ярдах перед ними резьбе и рвались в брешь, толкая их внутрь.

Их сержанты и офицеры это поняли, как и то, что единственным путём из ловушки был путь вперёд. Они выкрикнули команды и солдаты устремились к баррикадам.

Кемас бросил лук и выхватил меч как раз вовремя, чтобы парировать удар копья. Огненный Дракон слева от него взмахнул своей палицей и размозжил копейщику череп.

Несколькими мгновениями позже, Кемас вернул оказанную ему услугу, отправив к богам топорщика, который сильно теснил его товарища. Вверх и вниз, по всем трём сторонам баррикад ревушие и кричащие мужчины устремлялись наверх, натыкались на сталь и падали замертво.

Настал момент, когда у Кемаса уже не было противника, до которого он мог бы дотянуться. И тогда, тяжело дыша и вытирая щипающий глаза пот, он увидел Барериса.

Верный своему слову бард сражался в одиночку посреди толпы врагов. Его меч был в крови от кончика до рукояти, а его тело обволакивало что-то вроде тумана. Эта дымка без сомнения делала его более сложной мишенью и служила доказательством того, что не настолько уж и суицидальными были его намерения. Но это, наверняка, не могло защитить его от наступающих со всех сторон противников и он был уверен, что его убьют.

Но потом, находящиеся перед ним противники замешкались, словно боясь вступить в бой. Должно быть, это тоже было результатом его песен. Он побежал на них и они разбежались. Этот сверхъестественный ужас, должно быть, не распространился на противников по бокам и позади него. Они атаквали, но промахнулись. Бард достиг одной из баррикад и узнав в нём союзника, Огненные Драконы помогли ему перебраться на другую сторону.

В этот момент, уголком своего глаза он заметил какое-то движение, что напомнило ему, что и его собственная безопасность не была делом решённым. Он поспешно обратил свой взор в ту сторону и увидел плетущихся к нему зомби.

С того момента как стена рухнула и до нынешнего, он не был напуган. Возможно, у него просто не было времени даже подумать о том, чтобы испугаться. Но теперь, казалось что та короткая передышка, отступила и первозданный ужас снова потянулся к его сердцу, чтобы сжать его холодными пальцами. А может быть дело было просто в иссушенных и гниющих лицах живых мертвецов, которые заставляли его внутренности болезненно сжиматься.

Он напомнил себе то, о чём говорил ему Барерис. Живой воин может уничтожить зомби. Надо просто порубить его на куски.

Где-то наверху жрец прочитал молитву и трое зомби загорелись ещё до того, как они дошли до баррикад. К сожалению, существо, шатаясь бредущее к Кемасу, не было одним из них.

Зомби двигался медленно и это давало мальчику возможность атаковать первым. Его меч глубоко вошёл в шею мертвеца. Будь он жив, удар убил бы его, но его чёрные, иссушенные губы даже не скривились в гримасу и он не дрогнул. Воняя разложением, существо подняло над головой топор и сделало неуклюжий но сильный удар. Кемас уклонился в сторону, уберегая свою голову от перспективы быть расколотой надвое.

Мальчик потянул клинок, но клинок не поддался, застряв возможно меж двух позвонков. С головой болтающейся на плечах, мертвец занёс топор для новой попытки. Кемас схватился за рукоять двумя руками. Он дёрнул изо всех сил и меч высвободился.

Он ударил по одной из поднятых рук чудовища. Его меч отрубил пальцы и топор выпал из рук мертвеца. Кемас снова нанёс удар по шее и в этот раз он вошёл глубже. Существо опрокинулось вперёд и повисло на баррикаде. Кемас медлил, не желая дотрагиваться до мерзкого существа, но это нужно было сделать, так что он взял зомби за плечо и толкнул на землю. Только тогда он почувствовал волну восторга от того, что он всё-таки справился.

Он начал улыбаться. А затем, ссутулившись, размахивая своими кишками-шупальцами, среди отрядов аутарха появился вайлвихт. Несмотря на давку, легионеры посторонились, чтобы пропустить его.

Запавшие глаза нежити загорелись ярче, а клыкастый рот оскалился. Существо вытянуло свою узловатую руку с длинными пальцами и с кончиков зазубренных когтей вылетели лучи тьмы. Они захлестнули часть баррикады и люди, которые попали под их воздействие, повалились, заживо разлагаясь.

Жрецы произнесли заклинания. Вокруг вайлвихта вспыхнуло пламя, но тут же погасло, не нанеся ему вреда. Лучники тоже открыли огонь. Некоторые снаряды пронзили кожу мертвеца, но казалось, будто он этого и не заметил.

Он снова протянул руку. Ещё одна волна теней прокатилась по рядам защитников. Тем временем один из воинов, убитых предыдущей атакой неуклюже сел на колени, обхватил руками ноги живого человека и погрузил зубы в его бедро. Ещё один мёртвый Огненный Дракон поднялся с земли.

Кемас понял, что если стрелы и заклинания не работали, кто-то должен был подбросить ближе к вайлвихту и порубить его на части. Иначе он так и будет посылать свои волны смерти, убивая Огненных Драконов и превращая павших в своих мёртвых рабов, пока выжившие уже будут не в состоянии удерживать баррикады. К сожалению, всё выглядело так, будто даже храбрейшие защитники храма боялись приблизиться к существу.

Однако Кемас забыл о мужчине, который, казалось, не беспокоился о собственной шкуре. Барерис перескочил через баррикаду и понёсся к вайлвихту.

Если бы живые солдаты аутарха захотели, они могли бы преградить барду дорогу, окружить его и убить. Но, возможно, они и сами боялись слишком близко приближаться к вайлвихту или, тоже нельзя исключить, были уверены, что существо достаточно сильно. Так что они сконцентрировались на защитниках храма.

Вайлвихт бросил волну тьмы. Барерис прыгнул в сторону и клубящаяся тень промахнулась. Он крикнул. Раздался хлопок, громкий и пугающий, словно удар грома и крик барда разорвал покрытую проказой кожу нежити, которая зашаталась. Бард подбежал и ударил мечом в туловище чудовища.

В то же время, кто-то среди рядов противников крикнул команду и они снова кинулись на баррикады. Кемасу казалось, что теперь они не атаковали с прежней яростью. Теперь, когда их владыка ввёл в игру своё самое ужасное оружие, они ожидали, что ход битвы переломится и не видели смысла излишне рисковать, ведь чудовище и так сделает своё дело.

Но всё же их атака была достаточно плотной, чтобы на протяжении долгого времени у Кемаса совершенно не было времени смотреть куда-то кроме как на врагов перед ним. Наконец, волна схлынула и он обернулся на Барериса. То, что он увидел, заставило его затаить дыхание.

В первые моменты дуэли всё выглядело так, что Барерис был с монстром на равных. Может быть, так оно и было на самом деле, но если и так, то Леди Удачи отвернулась от него. Он нетвёрдо стоял на ногах, а меч переложил в другую руку, так как его ведущая рука плетью болталась у него сбоку – разорванная и бесполезная. Казалось, что щупальца чудовища вонзили свои зубы под и над его локтем и, вырвавшись, он только усугубил эти раны.

В отместку Барерис нанёс больше, чем одну глубокую рану, но это никак не отражалось на том, как монстр набрасывался на врага, атаковал его и кружил вокруг. Нанесённые ему порезы не кровоточили и, казалось, доставляли ему не больше проблем, чем заклинания или стрелы, торчащие из его плоти как колючки дикообраза.

Существо наседало, его когтистые руки жаждали рвать живую плоть, а кишки бросались, словно змеи. Барерис низко пригнулся и попытался отрубить вайлвихту ногу. Он смог нанести удар, но не смог сделать порез достаточно глубоким, чтобы монстр упал. Существо увернулось и моментально начало атаку по новой. Оно схватило меч своими пальцами, позволяя стали погрузиться глубже, чтобы иммобилизовать оружие и потянулось к наезднику на гриффонах своими щупальцами. Кольца острых клыков на их концах широко распахнулись.

Барерис мгновенно сделал усилие, чтобы вырвать клинок, но его левая рука не была достаточно сильной. Он выпустил рукоять и упал назад, чтобы избежать щупалец. Поднявшись на ноги, он вынул из-за голенища кинжал.

Вайлвихт посмотрел на более короткий клинок и его зубастая пасть растянулась шире. Он знал, что у Барериса больше не было шансов на победу. Во всяком случае, не в одиночку. Если только кто-либо из Огненных Драконов не будет занят с другими противниками и найдёт храбрость выступить против этого монстра, чтобы помочь барду.

Очевидно, что никто не ожидал от Кемаса такого поступка. Он был всего лишь учеником. Мальчишкой. Он и так сделал уже всё, чего можно было ждать от человека, находящегося в своём уме.

Хотя если он дрогнет теперь, позволит страху снова парализовать его, то все его свершения – убийство часового, удержание руки над огнём и всё остальное – окажутся напрасными. Люди аутарха уничтожат Огненных Драконов и жрецов точно также,

если бы Кемас никогда не нашёл в себе отваги вернуться. И каким-то образом, эта мысль была невыносимой.

Он оставил своё место на баррикаде и спешно стал пробираться позади всё ещё сражавшихся товарищей. Ему нужно было оказаться прямо перед Барерисом и вайлвхтом, чтобы другие противники не могли его задержать.

Когда он забрался на баррикаду, всё это показалось ему сном, чем-то не имеющим отношения к реальности. Может быть, так его разум пытался побороть ужас.

Он побежал на вайлвхта. Чудовище посмотрело в его сторону и кинулось к Барерису. Очевидно, оно рассчитывало прикончить своего раненного оппонента прежде, чем второй противник покроет разделявшую их дистанцию

У него могло бы и получиться, потому, что Барерис споткнулся. Но один из храмовых жрецов, который всё ещё был жив и который сохранил ещё какие-то остатки божественных сил, выбрал этот момент, чтобы снова послать огненный смерч к ногам вайлвхта. Как и прежде, пламя рассеялось, не причинив нежители вреда, но атака на мгновение замедлила чудовище. Кемасу этого времени оказалось достаточно, чтобы забежать монстру за спину.

Надеясь разрубить позвоночник вайлвхта, мальчик атаковал его в спину. Он глубоко вспорол шкуру монстра, но это не помешало ему начать поворачиваться в сторону Кемаса.

Он мог бы и дальше пытаться наносить ему раны, как это уже неоднократно сделал Барерис, но внезапно ему на ум пришла другая тактика. Он бросил свой меч в направлении барда – даже раненный, с искалеченной ведущей рукой, он управлялся с мечом не хуже, а то и лучше, чем он – а сам запрыгнул чудовищу на спину. Из-за такого плотного контакта с мертвецом ноздри мальчика наполнились вонью разложения, а рот горечью.

Он впился пальцами в глаза вайлвхта и выковырял оттуда холодное желе.

Монстра вытянулся, покачнулся и поднял руку. Тьма сочилась с его когтей. Кемас схватил его холодное и влажное запястье, чтобы не дать ему выпустить волну теней себе в лицо.

Но он не мог защититься от всех его атак. Для такого у него не хватало рук. Его кишки щупальца, выгнувшись, потянулись к нему, жаля своими кольцами клыков.

Барерис подбежал с мечом Кемаса в руках. Он яростно и без усталости рубил и колот чудовище, которое, будучи ослеплённым, не могло ни парировать, ни уклониться. Удары стали производить куда более действенный эффект.

Барерис рубанул монстра по коленям. Чудовище завалилось вперёд и Кемас откатился в сторону. Бард разможил череп вайлвхта на кусочки и тот перестал двигаться.

Кемас чувствовал себя опустошённым и не мог сделать ничего, кроме как встать и, хрипло дыша, смотреть на убитого монстра. Барерис же тотчас развернулся, внимательно отыскивая другие угрозы.

Но ему не о чем было беспокоиться. Пока они сражались с вайлвхтом, их товарищи удержали баррикады, не уступив их оставшимся слугам аутарха и выглядело так, что гибель их призрачного чемпиона сильно поубавила у них желания драться. Они отхлынули от баррикад Огненных Драконов и кто-то крикнул: - Отступаем! - Воины повернулись и поспешили к бреши.

Защитники не пытались им препятствовать. Кемас пытался понять, а не потому ли, что они были слишком истощены, чтобы заставить себя сделать хотя бы один лишний удар. О, Великое Пламя, касательно него эта догадка была верной.

В оставшуюся часть ночи он чувствовал себя ещё более усталым. Жрецы позаботились о раненых, зажгли погребальные костры, а Огненные Драконы позаботились о том, чтобы максимально, насколько позволяла дыра в стене, обезопасить комплекс. Когда каждый человек в крепости получил горячее питание, Ратот-Ди послал за ним. Когда он вошёл до холла хозяев храма, то он был рад своей слабости, вероятно из-за приносимого ей эффекта онемения, который не давал ему чувствовать что-либо ещё. Барерис, стоя с болтающейся на перевязи рукой, беседовал с офицерами храма.

- Мы победили, - сказал высший жрец, с намёком на совершенно несвойственную ему раздражительность. - Если нам теперь нужно покинуть храм, то ради чего мы бились?

- Но это необходимо, - сказал Барерис. - Вы прогнали ручную армию аутарха. Однако, когда Инвари Метрон пошлёт сюда настоящую армию, вы не выстоите.

- Он прав, - сказал Ратот-Ди. - Нужно собрать реликвии, сокровища и священные писания и как можно скорее выметаться. - Он улыбнулся. - Не принимайте это так близко к сердцу, Господин. Похоже, что у Огненного Владыки есть для нас работёнка на юге.

Кемас решил, что он подошёл достаточно близко, чтобы поклониться.

- Сир, я прибыл, чтобы узреть ваше правосудие.

Барерис нахмурился.

- Я убеждён, что мальчик доказал свою полезность. Глупо будет его наказывать.

- Спасибо, что молвите за меня слово, - сказал Кемас, - но, прошу вас, не нужно. Сейчас решение за Огненными Драконами и моим командиром.

Ратот-Ди улыбнулся.

- Да, оно за мной. И правила говорят, что дезертир должен умереть. Но мне видится, что он уже умер. Божественный огонь сжёг в тебе всё недостойное, а то, что осталось, заставил сиять ярче. И для меня этого довольно.

Кемас вздохнул и почувствовал, как от облегчения его мышцы стали ватными. Он не был невосприимчив к чувствам, особенно к страху, но, внезапно, он осознал как же сильно ему хотелось жить.

Сидя на спине своего грифона, в сопровождении своего призрачного спутника Миррора, Барерис выискивал угрозы на путидвигающихся на юг слуг Коссуа. Кемас неоднократно пытался подружиться с бардом но тот всегда был отчуждённым и молчаливым. Всё, что ему оставалось – это молиться, что как и он сам с помощью Барериса смог найти свой путь к верности, так и светловолосый бард в один день сможет отыскать в себе лекарство от терзавшей его душевной боли.

